

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН
В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания
М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

5

SEPTEMBER — OCTOBER

«Nauka»

Moscow

2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California, Los-Angeles, USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. Testelest Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia
 Telephone: +7 495 637-25-16
 E-mail: voprosy@mail.ru
 Website: <http://vja.ruslang.ru>
<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. СЕРДОВОЛЬСКАЯ. Бессоюзные актантные предложения с глаголом <i>думать</i> в русском языке	7
Е. В. УРЫСОН. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов).....	36
Е. Н. ВИНОГРАДОВА. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке.....	56
В. А. БОНДАРЬ. <i>Habban</i> + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке...	75

Обзоры

Е. А. ЛЮТИКОВА. Конфигурационный падеж в параметрической модели	92
---	----

Рецензии

А. БЕРДИЧЕВСКИЙ. <i>M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett</i> (eds.). Understanding and measuring morphological complexity. Oxford: Oxford University Press, 2015	123
Е. Л. РУДНИЦКАЯ. <i>M. Koptjevskaja-Tamm</i> (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015	136
Е. В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ. <i>E. O. Aboh</i> . The emergence of hybrid grammars: Language contact and change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015	142
А. Б. ШЛУИНСКИЙ. <i>Z. Guentchéva</i> (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam: John Benjamins, 2016	153

CONTENTS

Natalia V. SERDOBOLSKAYA. Asyndetic complement clauses with the Russian verb <i>dumat</i> 'think'	7
Elena V. URYSON. Adverbial prepositions as a subclass of adverbs	36
Ekaterina N. VINOGRADOVA. Prepositions in Modern Russian: Lexicography and grammatical description	56
Vladimir A. BONDAR. <i>Habban</i> + participle II with motion verbs in Old English	75

Overviews

Ekaterina A. LYUTIKOVA. Configurational case in a parametric model.....	92
---	----

Reviews

Aleksandrs BERDICEVSKIS. <i>M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett</i> (eds.). Understanding and measuring morphological complexity. Oxford: Oxford University Press, 2015.....	123
Elena L. RUDNITSKAYA. <i>M. Koptjevskaja-Tamm</i> (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015.....	136
Elena V. PEREHVALSKAYA. <i>E. O. Aboh</i> . The emergence of hybrid grammars: Language contact and change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.....	142
Andrey B. SHLUINSKY. <i>Z. Guentchéva</i> (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam: John Benjamins, 2016.....	153

БЕССОЮЗНЫЕ АКТАНТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ *ДУМАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2017

Наталья Вадимовна Сердобольская

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125267, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 109240, Российская Федерация; serdobolskaya@gmail.com

Статья посвящена бессоюзным конструкциям с глаголом *думать* в русском языке. Глагол *думать* может присоединять актантные предложения без союза, а также возглавлять бессоюзные вводные конструкции. В работе выявляются критерии, позволяющие различить данные два типа конструкций (наличие существительного в позиции подлежащего, наличие обстоятельств, частиц, аппозиций, средств синтаксической неподчинимости, тип просодического оформления и др.), а также рассматривается семантика актантных предложений с *думать*. Работа основана на материалах Национального корпуса русского языка, корпусов на сайте С. Шарова и данных интернета.

Ключевые слова: актантные предложения, бессоюзные предложения, вводные конструкции, глаголы мнения, конструкции с сентенциальными актантами, ментальные глаголы

ASYNDETIC COMPLEMENT CLAUSES WITH THE RUSSIAN VERB *DUMAT'* 'THINK'

Natalia V. Serdobolskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125267, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 109240, Russian Federation; serdobolskaya@gmail.com

The paper is focused on asyndetic complement clauses with the Russian verb *dumat'* 'think'. This verb can occur as a head of a complement or a parenthetical clause. I propose in this paper the criteria to distinguish between these two types of constructions (the presence of a noun as a subject of thinking, adverbials, particles, appositions, main clause phenomena, as well as prosodic pattern, etc.) and consider the semantics of complement clauses with *dumat'*. The data is taken from the Russian National Corpus, S. Sharoff's corpora and from the Internet.

Keywords: asyndetic complements, complement clauses, complementation, mental verbs, parentheticals, verbs of opinion

Введение

Один из самых интересных глаголов, присоединяющих конструкции с сентенциальными актантами (далее КСА), — это глагол *думать*, способный возглавлять практически все основные актантные конструкции. В частности, в русском языке при данном глаголе допустимы все основные средства кодирования сентенциальных актантов

* Работа поддержана грантом РНФ № 16-18-02003. Большая часть положений данной статьи обсуждалась на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.) и на V Международной конференции «Культура русской речи» (Грофовские чтения, 16—18 февраля 2017 г.). Автор глубоко признателен участникам обеих конференций, а также анонимным рецензентам за вопросы и комментарии.

(СА): инфинитив (1), номинализации (2), союзные (3) и бессоюзные (4) зависимые клаузы. Кроме того, данный глагол может выступать вершиной вводной конструкции (ВК) (5), а отдельные его формы лексикализуются в функции дискурсивных частиц — что иллюстрируется их неспособностью иметь эксплицитно выраженное подлежащее [Кобозева 1999а], ср. (6)¹.

- (1) *В партии никогда не состояли и не думают вступить...* [Б. Я. Каштанова. На другом берегу (2003) // «Советская Россия»].
- (2) *Володина дочка Вероника кончает школу. Надо думать о поступлении* [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].
- (3) *Я думаю, что после завершения нашей встречи представители прессы вполне могут задать ему эти вопросы* [В. В. Путин. Выступление встречи с И. А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004].
- (4) *Сейчас, по вашим ощущениям, кривые опять смыкаются? — Я думаю, наоборот, расходятся* [Елена Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых (2003) // «Время МН»].
- (5) *Трудность будет состоять в том / что он должен был сам собрать все эти сведения / равные результатам труда сотен / я думаю / филологов* [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)].
- (6) *Вчера пришел домой усталый. Дай, (*я) думаю, посплю часок* [Кобозева 1999а: 540].

КСА с *думать* и его синонимами подробно изучаются как на материале русского языка [Крейдлин 1983; Арутюнова 1988; 1989; Булыгина, Шмелев 1989; Зализняк 1992; Апресян 1995; 2009; 2015; Падучева 1996], так и на материале других языков, см. работы по английскому языку [Urmson 1963; Thompson, Mulac 1991; Doherty 2000; Diessel, Tomasello 2001; Thompson 2002; Kaltenböck 2007; 2013; Dehé, Wichmann 2010].

Одной из проблем, обсуждаемых при анализе синтаксических конструкций, возглавляемых ментальными глаголами, является разграничение КСА без союза (4) и ВК (5) (парентетиков в терминах [Urmson 1963], комментариев в [Dehé, Wichmann 2010; Kaltenböck 2007; 2013]). Действительно, на первый взгляд ВК в (4) ничем не отличается от ее аналога в (5), за исключением линейной позиции. В (5) клауза *я думаю* занимает линейную позицию в середине именной группы, таким образом, удовлетворяя критерию «ВК находятся вне синтаксической структуры предложения», ср. определение в [Dehé, Kavalova 2007] (ниже мы покажем, что срединная позиция, действительно, характерна для ВК и нехарактерна для главной клаузы при СА). Наоборот, в (4) клауза с глаголом *думать* занимает позицию перед клаузой, выражающей содержание мнения, — позиция, которая априори кажется допустимой как для ВК, так и для главной клаузы при СА, как в (3).

Способность глаголов мнения функционировать в ВК с отсылкой к источнику мнения (*как я считаю, согласно твоему предположению*) не раз отмечалась исследователями. Глаголы мнения допускают такое употребление без специальных маркеров, например *как* в *как я считаю*. В [Urmson 1963; Thompson, Mulac 1991; Thompson 2002] показано, что значительное количество примеров с ментальным глаголом и бессоюзной клаузой в спонтанных текстах на английском языке (ср. *you know, I believe*) — это примеры на ВК, зачастую имеющие значение эпистемической оценки; ср. схожие выводы [Diessel, Tomasello 2001] относительно таких конструкций в онтогенезе. Работа [Thompson, Mulac 1991] опирается на следующие морфосинтаксические признаки: преобладание местоименных подлежащих, отсутствие обстоятельств, косвенных дополнений, вспомогательных глаголов, а также форм

¹ Здесь и далее приводятся примеры из [НКРЯ] (если не указано иное) и интернета (с указанием адреса), а также специально сконструированные примеры (без указания источника). Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

пассивного залога (см., однако, [Kaltenböck 2013] относительно допустимости вспомогательных глаголов и некоторых частиц в ВК). В [Diessel, Tomasello 2001] в целях различения ВК и бессоюзных КСА рассматриваются такие свойства, как наличие и тип субъекта в клаузе с ментальным глаголом (далее МК): местоимение, его лицо и число, имя нарицательное и т. д.; временные показатели; модальные глаголы и маркеры отрицания; порядок МК и клаузы, выражающей содержание мнения. Работа [Dehé, Wichmann 2010] опирается на просодические признаки, такие как наличие пауз, акцента на субъекте или предикате, общий или раздельный контур частоты основного тона (ЧОТ) в двух клаузах. В [Thompson 2002] указывается на тот факт, что вводные МК входят в основной план повествования или диалога, в частности в нарративную цепочку (в отличие от МК, вводящих бессоюзные СА), например:

- (7) *(at a birthday party, after Kevin was discovered to have lettuce on his tooth, everyone has jokingly commented on it, and Kendra has asked for a toothpick)*
 WENDY: ... everybody's getting uh, tooth obsessed.
 KEN: **I guess** we a=re [Thompson 2002: 132].
 '(На праздновании дня рождения у Кевина к зубу прилип салат-латук, и все шутят по этому поводу. Кендра попросила зубочистку.) Венди: Все зациклились на теме зуба. Кен: **Думаю** да.'

В данном случае основное содержание высказывания Кена — подтверждение предыдущего высказывания. Клауза *I guess* служит фоном, выражающим субъективную оценку. Если бы дальнейшим продолжением диалога был вопрос к элементам этой клаузы (*Неужели ты так думаешь?*), это звучало бы неестественно. Иными словами, здесь МК функционирует не как часть нарративной цепочки, а как маркер эпистемической модальности (и может быть заменен на выражения вида *presumably, probably*) при клаузе *we are*, которая как раз включена в нарративную цепочку [Thompson 2002].

Целью настоящей работы является выявление критериев, позволяющих отличить бессоюзные КСА от ВК. Мы рассмотрим морфосинтаксические, семантические и отчасти просодические свойства конструкций с глаголом *думать*. Следует уточнить, что глагол *думать* анализируется в значении 2.1 [Апресян 2015] (т. е. в значении мнения, синоним *считать* 2 или *полагать*), в отличие от *думать* 1 («обрабатывать в сознании информацию»², синонимичного *размышлять*).

Так как мы анализируем глагол *думать* и в КСА (где он вводит главную клаузу), и в ВК (где клауза с *думать* не является главной), мы будем использовать термины «клауза, возглавляемая глаголом *думать*» (или МК, «клауза с ментальным глаголом»), и «содержание мнения» для той клаузы, которая заполняет семантическую валентность глагола *думать* («ассоциированное предложение ВК» в [Зализняк 1992; Падучева 1996] вслед за [Urmson 1963]).

Следует уточнить, что бессоюзные КСА, как и бессоюзное подчинение в целом, весьма характерны для разговорной речи, см. [Лаптева 1976; Земская и др. 1981], ср.:

- (8) *Он очень всех удивил / на философский пошел* [Земская и др. 1981: 253].

Нельзя сказать, чтобы отсутствие союза при *думать* было ограничено только устной речью (в отличие от бессоюзной конструкции при *удивлять*); такого рода примеры широко представлены в кодифицированном литературном языке, ср. (4), (14) и др. Однако, по субъективным суждениям (просмотр поисковых запросов), в устных текстах их намного больше. Своеобразие изучаемой конструкции (выражение мнения) таково, что она наиболее частотна в диалогах. Поэтому мы активно привлекали данные устной спонтанной речи и электронной коммуникации. Материал исследования получен из Национального корпуса русского

² Такое значение *думать* также допускает бессоюзное подчинение: *А я кивал и думал: далась ей эта Африка?* (vk.com/topic-41296779_27581383).

языка (НКРЯ, дата обращения 10.01.2017), бóльшая часть — из устного и мультимедийного подкорпуса. Также мы привлекали данные русских корпусов на сайте Сергея Шарова (<http://corpus.leeds.ac.uk/guscorpora.html>) и материал, полученный при помощи поиска в интернете. В целом, при выборе примеров мы старались опираться на собственную языковую интуицию относительно литературного варианта. Следует уточнить, что даже в самых неформальных текстах нам не встретились откровенно ненормативные синтаксические конструкции. Как кажется, отсутствие союза при *думать* — явление, вполне стабильное в литературном языке и характеризующееся одними и теми же свойствами как в устной речи, так и в кодифицированном литературном языке.

В примерах, взятых из электронной коммуникации, сохранена пунктуация авторов. Примеры, сконструированные нами, снабжены специальной пометой.

Работа построена следующим образом. Вначале мы рассмотрим критерии, предлагавшиеся для различения ВК и бессоюзных КСА (раздел 1), затем проанализируем морфосинтаксические признаки таких конструкций в русском языке (раздел 2) и предложим критерии их различения. В разделе 3 освещается просодия, в разделе 4 — семантика данных двух типов конструкций.

1. Проблемы противопоставления ВК и КСА

В КСА различных языков широко представлено бессоюзное подчинение, при котором обе клаузы сохраняют основные признаки простого независимого предложения — в плане выражения всех глагольных категорий, маркирования актантов, согласования, возможности распространения различными видами обстоятельств и т. п., ср. критерии подчинения в [Lehmann 1988]. Подчинительные свойства данных конструкций неочевидны и требуют специальной доказательной базы.

Во многих языках глаголы мнения вводят конструкции без явных формальных признаков подчинения. Это происходит не только в языках, где, как в английском, конструкции без союза широко распространены при различных типах главных предикатов [Doherty 2000], но и в языках, где бессоюзное подчинение намного более ограничено, как в русском языке (ср., например, странность примеров вида **Он обрадовался, я не приду*). В [РГ 1980] примерам (3)—(5) соответствуют следующие типы: союзные изъяснительные предложения (3), бессоюзные сочетания с изъяснительным значением (4) и вводные предложения (5). Анна А. Зализняк [1992: 436—440] и Е. В. Падучева [1996: 322] различают собственно-вводные (5), вводно-союзные (9) и бессоюзные конструкции (4).

(9) *Не в болото вели они, как думал он раньше, а в пропасть!* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

Кроме того, как указывает И. М. Кобозева [1999а], глагол *думать* в форме 1 лица единственного числа способен лексикализироваться в функции дискурсивной частицы (прагматизация) или эпистемического маркера (как и формы вида *знаешь, з(ово)рут*). Согласно Кобозевой, лексикализованные формы характеризуются неполнотой лично-числовых форм глагольной парадигмы (*думаешь, знаешь*, но не *думаем, знаем*), недопустимостью выражения актантов ментального глагола, в частности подлежащего (в отличие от бессоюзной клаузы в (4)), и наличия наречий, частиц при ментальном глаголе (10), возможностью фонетической редукции в речи (например, *дум, зрут*) и семантических сдвигов (ср. [Kaltenböck 2013] относительно употребления *I think* в функции маркера гезитации или запроса о реакции адресата).

(10) а. *Дай, думаю, посплю часок.*

б. **Дай, я думаю, посплю часок.*

в. **Дай, вот думаю, посплю часок* [Кобозева 1999а: 540].

Таким образом, сама по себе форма *думаю* (без частиц, наречий и т. п.) при клаузе, выражающей содержание мнения, допускает три различные интерпретации: главная клауза при бессоюзном СА, ВК или лексикализованная форма (такие же три типа выделяются в английском языке [Kaltenböck 2007]). Согласно [Кобозева 1999а], лексикализованные формы отличаются от первых двух типов конструкций недопустимостью подлежащего, наречий, частиц и по др. признакам³. Встает вопрос, как различить первые два типа конструкций (при наличии выраженного подлежащего, наречия, частиц и т. п.)?

Одним из основных критериев, предлагавшихся для разграничения ВК и КСА, является порядок МК и содержания мнения, ср. [Urmson 1963; Thompson, Mulac 1991; Thompson 2002] для английского языка и [Зализняк 1992; Падучева 1996] для русского языка. ВК характеризуются свободой линейной позиции в составе ассоциированной клаузы, ср. начальную позицию *I guess* в (7) и конечную в (11).

- (11) *She uh= has had enough I guess* [Thompson 2002: 139].
'Она это... устала от этого, я думаю.'

Наоборот, в КСА главная клауза может быть в препозиции к зависимой:

- (12) *I really think but Mary doubts Clinton will be elected* [Doherty 2000: 25].
'Я на самом деле думаю, но Мэри сомневается, что Клинтон изберут.'

В данном примере МК в начальной позиции распространяется наречием *really* и сочиняется с другой клаузой. Для ВК вида *I guess* в (7) и (11) такое распространение, как и сочинение с другой клаузой, невозможно.

В работе [Dehé, Wichmann 2010] на основе просодических признаков делается вывод о том, что начальные *I think / I believe* (как с союзом, так и без союза) могут представлять собой как ВК, так и часть КСА, в то время как срединные и конечные МК следует однозначно классифицировать как ВК. Аналогичные выводы относительно позиции бессоюзных клауз делаются в [Aijmer 1972: 46; Huddleston, Pullum 2002: 896].

В русском языке конструкции в начале предложения также отличаются от конструкций срединной и конечной позиции (ср. обобщение в [Падучева 1996: 322]). Рассмотрим следующие примеры:

- (13) *Зоценко, я думаю, непереводим. Он создает переводчикам удвоенные трудности* [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература» (1990)].
(14) *Невероятно, Боря. Ты болеешь за будущее России. Я всегда думал, ты собираешься жениться и эмигрировать в Германию* [Константин Зарубин. День Конституции. (2004)].
(15) *Ведь я реально / когда пришел туда / думал в банке работают умные / серьезные люди. Хрена с два!! Одни дебилы* [Разговор в машине // Из коллекции НКРЯ (2006)].

Начальная МК может содержать обстоятельства и частицы, в то время как срединная и конечная МК гораздо хуже допускает подобного рода распространение. В частности, перестановка *я думаю* без распространителей вполне приемлема:

- (13') *Я думаю, Зоценко непереводим.*
(13'') *Зоценко непереводим, я думаю.*

Напротив, при наличии обстоятельства такая перестановка, как кажется, звучит намного хуже:

³ Анонимный рецензент ставит вопрос о причинах невозможности замены лексикализованных конструкций на ВК с субъектом в (10б). Данный вопрос представляется крайне перспективным, однако выходит за рамки настоящей работы.

(14') *??Ты, я всегда думал, собираешься жениться и эмигрировать в Германию.*

(14'') *??Ты собираешься жениться и эмигрировать в Германию, я всегда думал.*

Если же попытаться в (15) переставлять клаузу, содержащую частицы и даже подчиненное обстоятельственное предложение, то неграмматичность не вызывает сомнений:

(15') **В банке, ведь я реально, когда пришел туда, думал, работают умные, серьезные люди.*

(15'') **В банке работают умные, серьезные люди, ведь я реально, когда пришел туда, думал.*

Судя по рассмотренным примерам, «расширение» МК за счет обстоятельств, частиц и других элементов возможно в начальных клаузах, а срединные и конечные клаузы или этого не допускают, или допускают ограниченно (ниже будет показано, что верно второе). Это позволяет нам сформулировать следующую рабочую гипотезу:

Начальные клаузы могут представлять собой как ВК, так и бессоюзные КСА. Наоборот, срединные и конечные клаузы следует однозначно классифицировать как ВК.

Ниже на базе широкого массива данных мы покажем, что данная гипотеза подтверждается на основании анализа значительного количества морфосинтаксических признаков, а также некоторых данных просодии. Мы рассмотрим признаки, которые предлагались различными исследователями для анализа английских и русских МК (см. выше).

Уточним, что, говоря о начальной линейной позиции, мы не имеем в виду позицию в абсолютом начале предложения, а именно препозицию МК по отношению к содержанию мнения. Не учитываются различного типа внешне-ситуационные обстоятельства и вводные слова (например, *на самом деле*), которые могут семантически относиться как к главной, так и к зависимой клаузе (или ко всему предложению в целом) — причем зачастую даже широкий контекст не дает возможности определить это с точностью.

Другое уточнение касается кажущихся контрпримеров, каковыми, на первый взгляд, могут служить предложения следующего вида; ср. также [Апресян 2009: 271]:

(16) *Она же «торчит» — думали тогда многие, глядя на нее. Но ведь нет, уверяла же!* (<http://vla-site.narod.ru/Statyi/txts/Raznoye2004-1.html>).

(17) *Я редкий гость этого интернет-магазина <...> Домашний такой магазин, думал я всегда* {Оказалось, что магазин плохой} (<http://bladeforum.ru/viewtopic.php?f=30&t=2809&start=30>).

Действительно, здесь МК содержит обстоятельства *тогда* и *всегда*, несмотря на то что находится в конечной позиции. Заметим, что во всех найденных нами примерах такого типа происходит инверсия субъекта и предиката. Эта инверсия характерна для цитации в художественной речи (ср.: *Здравствуй, — сказал отец / воскликнул отец, убрав газету*). В устной речи они, по данным НКРЯ и поиска в интернете, крайне редки (нами найдены единичные примеры). На наш взгляд, данные конструкции представляют собой особый тип, калькирующий свойства глаголов речи при цитации (ср. различие *reporting clauses vs. matrix clauses vs. parenthetical clauses* в [Kaltenböck 2007]). Далее мы не берем такие конструкции в рассмотрение.

Таким образом, мы анализируем конструкции с глаголом *думать* без формальных признаков подчинения, допускающие все лично-числовые глагольные формы и выраженный субъект мнения — как, например, в (14) или (15). Такие конструкции, как будет показано ниже, отчасти обладают теми же свойствами, что КСА с союзом *что*, отчасти — свойствами ВК. Мы ставим задачу, во-первых, определить критерии, позволяющие различить данные два типа конструкций; во-вторых, выявить значение бессоюзных СА. Уточним, что в настоящей работе мы не рассматриваем подробно свойства конструкций с союзом *что*, хотя и привлекаем иногда примеры с данным союзом для сопоставления. Конечно, не вызывает

сомнений, что в принципе клаузы с союзом допускают большую часть свойств, рассматриваемых ниже — выражение субъекта именем нарицательным, наличие частиц и обстоятельств и т. п. Однако при отсутствии данных элементов и при выражении субъекта местоимением статус МК при союзе не всегда очевиден: довольно часто они просодически оформляются как вводные (автор благодарен анонимному рецензенту за пример такого оформления). Вообще сам факт наличия союза не исключает возможную кристаллизацию всего сочетания *Я думаю, что* в функции ВК с эпистемическим значением (так же как это происходит с сочетанием *Я думаю* без союза) — например, в английском языке союзные сочетания с МК, по-видимому, могут интерпретироваться именно таким образом, ср. [Dehé, Wichmann 2010; Kaltböck 2011]. В любом случае вопрос о статусе союзных МК в русском языке требует отдельного подробного изучения.

2. Морфосинтаксические свойства бессоюзных конструкций с глаголом *думать*

В настоящем разделе мы попытаемся определить, какие морфосинтаксические свойства различают ВК и КСА с глаголом *думать* — в основном это будут свойства, рассматривавшиеся в работах по английским бессоюзным клаузам, см. Введение.

Сплошной просмотр корпусных примеров с *думать* дает следующие результаты. По субъективным данным (сплошной просмотр запросов вида «*думать* + [отсутствие союза *что* справа]»), искомые примеры гораздо более частотны в устном корпусе, нежели в письменных корпусах. В целом в устном подкорпусе НКРЯ (дата обращения 10.01.2017) искомые конструкции (оба класса в сумме, МК и ВК с *думать*) нередки: в частности, из 1000 примеров на запрос «*думать* + [отсутствие союза *что* справа]» всего 411 релевантных примеров (нерелевантными мы считали примеры, содержащие другие союзы (например, *будто*); цитацию, оформленную кавычками; примеры, где содержание мысли оформлено предложной конструкцией, анафорой или вовсе отсутствует; амбивалентные примеры, где двузначность возникает, например, за счет наличия гезитации и т. п.). Всего в устном корпусе находится 11 207 примеров на данный запрос; соответственно, можно ожидать, что 4–5 тыс. примеров будут включать искомые конструкции. Следует, однако, уточнить, во-первых, что сплошной просмотр более чем 1 тыс. примеров недоступен рядовым пользователям корпуса; во-вторых, значительная часть примеров будет содержать *думать* 1 (синоним *размышлять*); фильтрация данных значений, очевидно, может осуществляться только вручную.

Если отвлечься от различия между *думать* 2.1 и *думать* 1 и объединить результаты, полученные по 1 тыс. примеров, можно заметить следующее. Рассматриваемые конструкции не являют того разнообразия, которое позволило бы проанализировать частотность морфосинтаксических параметров, рассматриваемых в настоящем разделе. 91,9 % всех примеров (из релевантных 411) имеют вид «подлежащее, выраженное личным местоимением, + *думать* в настоящем или прошедшем времени» или «*думать* в личной форме настоящего или прошедшего времени» (без подлежащего). Из них 87,3 % примеров с 1 лицом единственного числа (*я думаю / думал(а)* или *думаю / думал(а)*). Только один пример содержит будущее время и только один пример — сослагательное наклонение. Примеров, где подлежащее не является личным местоимением, всего три (0,7 %): два примера на *многие думают* и один — *начинаешь думать*; из них один содержит цитацию без кавычек. Нет ни одного примера на существительные (уточним, что речь идет именно о случайной выборке в 1000 примеров; в целом существительные в этом контексте в НКРЯ находятся). Случаев, где МК «подлежащее + *думать*» распространялась бы какими-либо зависимыми, частицами и т. п., всего 30 (7,4 %). Из них 16 (4 %) содержат *и/а/но* перед подлежащим; в таких примерах довольно трудно доказать принадлежность частицы / союза главной клаузе, так как они, возможно, оформляют все предложение в целом. Необходимо очень «сильный» контекст, чтобы можно было однозначно интерпретировать, например, частицу *а* как относящуюся к подлежащему (*Я думаю, Р. — А я думаю, ты*

не прав). Соответственно, большая часть таких примеров должна отбраковываться вручную после просмотра широкого контекста. Только 14 примеров (3,4 %) содержат интересные нас распространители (*я еще теперь думаю, скорее вы думаете* и т. п.). Из них большая часть (12 примеров) содержит МК в начальной позиции. Следует, однако, учитывать, что из 14 примеров с распространителями три примера представляют собой цитацию (содержат обращения, экспрессивные выражения и др.) и должны быть отбракованы в нашей выборке.

Суммируем количественные показатели, проанализированные выше, в таблице 1 (где мы опускаем результаты по цитации; линейная позиция анализировалась только для трех столбцов).

Таблица 1

Распределение конструкций МК при думать в 1000 примеров из устного подкорпуса НКРЯ (на запрос «думать + [отсутствие что справа], дата обращения 10.01.2017)

Конструкция (в любом времени и наклонении)	(Я) <i>думаю</i>	Другие личные местоимения + <i>думать</i>	И/а/но + (я) <i>думаю</i>	Личное местоимение + распространитель (и) справа или слева + <i>думать</i>	Не личное местоимение + <i>думать</i>	Итого
Всего примеров	359	19	16	14	3	411
Процентное соотношение	87,3%	4,6%	4%	3,4%	0,7%	100%
Линейная позиция	—	—	начальная: 16	начальная: 12 срединная: 1 неоднозначный пример: 1	начальная: 2 срединная: 1	—

Итак, можно видеть, что искомые конструкции представлены в рассматриваемой выборке достаточно бедно. В основном изобилуют конструкции вида (я) *думаю* / *думал(а)*, не содержащие других распространителей. По-видимому, это связано с особенностями употребления рассматриваемых конструкций: наиболее часто они используются для введения мнения говорящего, без дополнительных уточнений, когда и по какой причине это мнение появилось (в силу этого обычно отсутствуют все распространители, кроме субъекта).

Примеров, представляющих для нас наибольший интерес, всего 13 (т. е. 17 примеров из последних содержательных столбцов минус примеры с явной цитацией), и этот объем делает количественный анализ неэффективным. В силу этого методика сплошного просмотра фиксированной выборки примеров с анализом частотности тех или иных конструкций нам не представляется целесообразной. Наше исследование морфосинтаксических свойств искомым конструкциям основывается на ручном поиске посредством направленных поисковых запросов (вида «*вообще* + *думать* + [отсутствие что справа]» или «*теперь* + *думать* + [отсутствие что справа]») в подкорпусах НКРЯ (дата обращения 10.01.2017), корпусах на сайте <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorgora.html> и в интернете. Полученные примеры отбраковывались вручную на основании семантического анализа в том случае, если они включали явную цитацию или значение *думать* I. Уточним, что наиболее категоричные утверждения базируются не на частотности некоторой конструкции, а на ее допустимости в принципе. Суждения о недопустимости конструкции основаны, с одной стороны, на том, что при соответствующем поисковом запросе результатов не находилось, с другой стороны — на интроспективных суждениях о (не)грамматичности.

Сопоставляя ВК и КСА, мы будем в первую очередь опираться на линейную позицию МК (препозиция vs. срединная позиция и постпозиция), проверяя высказанную выше гипотезу о двусмысленности начальных ИК и об однозначно вводном статусе срединных и конечных МК.

2.1. Морфологические свойства

2.1.1. Лично-числовая парадигма ментального глагола

Согласно [Падучева 1996], в ВК без союза наблюдается редукция набора глагольных категорий, которые способен выражать ментальный глагол: крайне редко допускается форма 3 лица настоящего времени:

(18) а. *У соседей, я вижу, горит свет.*

б.**У соседей, Иван видит, горит свет* [Падучева 1996: 323].

Е. В. Падучева [1996: 331] обосновывает этот эффект тем, что вводное употребление ментальных глаголов предполагает либо признание субъекта в собственном состоянии, либо описание чувств и мыслей субъекта на основании внешних данных. В случае 3 лица настоящего времени первая интерпретация невозможна, так как «“репортаж” о состоянии синхронен самому состоянию» [Там же: 331]; вторая же интерпретация исключается, так как сделать вывод о том, что субъект воспринимает или думает, довольно трудно на основании только внешних проявлений.

Покажем, что начальные МК могут включать любую лично-числовую форму глагола *думать*, в том числе 3 лицо настоящего времени (19), ср. также (20) с 1 лицом, (21) со 2 лицом множественного числа.

(19) *Он думает / вот так вот приехал / а тебе сразу Владимира в петлицу и дадут* [Н. В. Гоголь, Ю. Аксенов. Ревизор (Национальный академический театр русской драмы им. Леси Украинки) (2002)].

(20) *Не знаю чем закончилась история с беглым солдатиком. Я теперь думаю он пригнал военную машину в свой родной двор* [Игорь Степанов-Зорин 3. Как я в 2015 году в Киве побывал! 2015].

(21) *Отдайте завтра Карабах Азербайджану, и вы думаете, он успокоится и начнет брататься?* (Заголовок статьи, <http://NovostiNK.ru>, 22-10-2015).

Большая часть примеров бессоюзных МК в корпусе содержит 1 лицо единственного числа, однако примеры на 3 лицо нередки и не приводят к неестественности, в отличие от (18б).

В срединных МК 3 лицо в принципе возможно в контексте прошедшего времени, однако такие примеры крайне редки (нами найден ровно один пример на соответствующие запросы в НКРЯ и корпусах на сайте С. Шарова):

(22) *Олег Немец не любит безделушек. С годами накапливается их в квартире множество — сувениров, статуэток, висялек разных. Однажды, когда в Америку отбывали, все это [безделушки] пришлось оставить, и, Олег думал, навсегда* [Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968—1997)].

Данный пример является частью рассказа, где главный персонаж — Олег Немец. Его детство, жизнь в Америке, в Европе и т. п. описываются с точки зрения именно этого персонажа. Таким образом, Олег является фокусом эмпатии, и в нарративном режиме он как будто бы сам излагает свое мнение. Как представляется, 3 лицо в ВК с *думать* (как в (22)) возможно ровно в тех случаях, когда обсуждаемый участник является фокусом эмпатии; отсюда такая ограниченность соответствующих примеров в корпусах.

2.1.2. Время и вид

В корпусе нередки примеры на настоящее (19), прошедшее (23) и будущее (24) всех лиц и чисел в начальных МК, ср.:

- (23) *Ты помнишь Берту? Я тогда **думал**, она красавица* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].
- (24) *Только что мне под окна упал с неба пластмассовый стул и две банки из-под пива. Можно, конечно, представить, они летели не с неба, а с четырнадцатого этажа, там у нас живет наркоман. Точно!!! Свалю все на наркомана, **буду думать**, это он сыплет сверху* [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Другие опусы... (2010)].

Кроме того, *думать* может выступать в составе аналитической конструкции с глаголом *стать* и *было* в значении ретроспективного сдвига:

- (25) *Ты представь, назову его мужем / Он женой назовет. Иль любимой. / Представишь... он будет мне нужен! / **Стану думать**, он неповторимый!* (<http://ok.ru/profile/548997419200>).
- (26) *А я-то **было подумал** ты «исполняешь тяжелей пас» на доске 624Q7* (<http://propokerpro.net/forum/73703-post76.html>).

Среди примеров с МК в срединной / конечной позиции также обнаружены формы настоящего, прошедшего времени и будущего времени (27), совершенный вид (28). Аналитические конструкции со *стать* и *было* не обнаружены, хотя они не кажутся неграмматичными, ср. (24').

- (27) *...новые коллекции мы видим на каждой выставке и, **будем думать**, рынок не просто «как-нибудь перезимует», а продолжит свое развитие* [Мария Куриная. Дело на 300 миллионов (2003) // «Мебельный бизнес»].
- (28) *Я вышла в коридор и, оглядевшись, неожиданно осознала, что поездка, в сущности, закончилась, **я подумала**, бесславно* [Елена Чиждова. Лавра // «Звезда», 2002].
- (24') *Это наркоман, **стану думать** / я **было подумал**, кидает сверху банки из-под пива.*

2.1.3. Наклонение главного глагола

Императив в бессознательных МК не встречается. Причина, по-видимому, заключается в следующем. Согласно [Булыгина, Шмелев 1989: 49; Апресян 1995: 394], *думать* в значении мнения (*думать* 2.1) — неконтролируемый глагол, поэтому он не способен выступать в императиве в значении каузации. Соответственно, при утвердительной форме императива для *думать* с союзом *что* происходит семантический сдвиг от мнения к осознанию или интерпретации, например *Рассчитывай на худший вариант и будь готова к этому. Я всегда так делаю. **Думай** (≈ вспомни или постарайся осознать. — Н. С.), что другого, лучшего мужчины судьба тебе уже не подбросит никогда* [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]; *Он кричит, а ты молчи... **Думай** (≈ интерпретируй это следующим образом. — Н. С.), что он на стену кричит...* [И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни (1912)]⁴. Как представляется, опустить союз в этих примерах невозможно в силу того, что рассматриваемая конструкция не допускает такого рода семантических сдвигов.

Что касается отрицательной формы императива, все примеры с отрицанием включают СА с *что* или иные конструкции (например, именные актанты):

- (29) *Никогда не **думай**, что ты самый умный... Всегда найдется кто-то умнее тебя* (www.inpearls.ru/221664).

Начальные МК с отрицательным императивом не зафиксированы и кажутся неграмматичными (ср.: ⁷*Никогда не думай, ты самый умный*). По-видимому, это связано с запретом на отрицание в искомым конструкциях, см. п. 2.2.1 ниже. В корпусе имеется определенное количество примеров с *не думай* без союза:

⁴ Автор признателен анонимному рецензенту за эти два примера.

- (30) *Юр, ты не думай, мне кофе не жалко, я тебя нежно люблю и готова по пять раз в день поить* [Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)].

Однако, по-видимому, их следует интерпретировать как сочиненные. Это видно из того, что клауза после *не думай* не входит в сферу действия отрицания (если бы это было так, то предложение выглядело бы как *ты не думай, (что) мне кофе жалко*).

Сослагательное наклонение в начальных МК возможно, ср.:

- (31) *Пока сам не проверил, что даже этот [программный] код может не сработать из-за недочета в ядре, то думал бы это надежная проверка* (<http://forum.qip.ru/archive/index.php/t-18123.html>).

Единичные примеры находятся и для срединных МК:

- (32) *И таким путем, я бы думал, едва ли можно их называть продолжателями деятелей 61 г.* [Стенограммы заседаний Государственной Думы. Заседание пятое. 24 октября 1908 г. Продолжение обсуждения Указа 9 ноября 1906 г. (1908)].

Таким образом, употребление времен и наклонений не может служить критерием различия ВК и бессоюзных КСА: обе конструкции демонстрируют одни и те же ограничения.

2.1.4. Способность выступать в инфинитиве, причастной или деепричастной формах

Инфинитив может употребляться вне зависимости от линейной позиции двух клауз:

- (33) *Все это, я склонен думать, фантазии автора* [Эркин Тузмухамедов, Борис Родинов. Великая водочная революция // «Однако», 2009].
- (33') *Я склонен думать, все это фантазии автора.*
- (33'') *Все это фантазии автора, я склонен думать.*

Уточним, что, как показывает [Апресян 2009: 282—283], сочетания с инфинитивом (*можно подумать, склонен думать* и т. п.) зачастую идиоматизированы, и не вполне понятно, можно ли трактовать их как частный случай искомым конструкций.

Причастная и деепричастная формы, по-видимому, возможны только в начальных МК:

- (34) *Мы даже зашли за памятник Сталину, думая, может, они сидят за ним на верхней ступеньке пьедестала, уютно опершись спиной о полы его гранитной шинели* [Фазиль Искандер. Письмо (1969)].

При перестановке МК в середину или в конец предложение становится неграмматичным:

- (34') **Мы зашли за памятник, может, они, думая, сидят за ним на верхней ступеньке.*
- (34'') **Мы зашли за памятник, может, они сидят за ним на верхней ступеньке, думая.*

Таким образом, начальная МК (предположительно, главная клауза в КСА с *думать*) может содержать все перечисленные формы, в то время как в срединных и конечных МК (предположительно, ВК) возможен только инфинитив.

Итак, с точки зрения морфологических свойств две конструкции в основном демонстрируют различия лишь в частотности тех или иных форм; все формы, кроме причастия и деепричастия, в равной степени грамматичны. Точнее, в срединных и конечных МК ограничены, по сравнению с начальными МК, примеры с 3 лицом настоящего времени и намного реже встречаются формы 3 лица, прошедшее время, будущее время, сослагательное наклонение, а также аналитические конструкции; крайне редки аналитические формы с *было* и *стать*; исключается деепричастие и причастие.

Основные же различия между обсуждаемыми конструкциями лежат в области синтаксических свойств.

2.2. Синтаксические свойства

2.2.1. Отрицание

В работе [Апресян 1995] показано, что ВК с ментальными глаголами не могут включать отрицание (35), в том числе имплицитное (36).

- (35) **Осетровые рыбы, (вовсе) не говорят знатоки, утратили свой былой вкус.*
- (36) **Вождь повстанцев, отрицают некоторые, уже прибыл в страну* [Апресян 1995: 614].

Падучева [1996: 330] объясняет это тем, что при отрицании вводных МК информация во второй клаузе перестает быть чьим-либо мнением, что противоречит семантике самой конструкции (выражение чьего-либо мнения). Соответственно, при изменении полярности глаголов с имплицитным отрицанием конструкция становится грамматичной:

- (36'') *Вождь повстанцев, не отрицаю, уже прибыл в страну.*

Несмотря на предположительные отличия бессоюзных КСА от ВК, они, по-видимому, также не могут включать отрицание, так как в начальных МК без союза отрицание дает неграмматичность:

- (37) *Я всегда думал, это невозможно.*
- (37') **Я всегда не думал, это невозможно.*
- (38) *А ты думаешь, это возможно?*
- (38') **А ты не думаешь, это возможно?*

В частности, на запросы с отрицанием и глаголом *думать* в НКРЯ нет ни одного примера с бессоюзным предложением (большая часть примеров содержит союзные СА). Сконструированные примеры (37')—(38'), как кажется, не являются грамматичными. Между тем при глаголах с имплицитным отрицанием начальная МК без союза допустима:

- (36''') *Не отрицаю, вождь повстанцев уже прибыл.*

Таким образом, в плане допустимости отрицания начальные МК ведут себя так же, как и срединные / конечные.

2.2.2. Актанты глагола *думать*

По нашим данным, в срединных и конечных МК крайне редки полные именные группы. В частности, при запросе «запятая + существительное нарицательное + *думать* в любой форме + запятая или точка», в НКРЯ и <http://corpus.leeds.ac.uk/> (дата обращения 10.01.2017) не находится ни одного примера (уточним, что запросы с именами собственными и местоимениями также проводились⁵). При сплошном просмотре срединных и конечных МК изобилуют примеры на личные местоимения, более всего — на местоимение 1 лица. Существительные также возможны, однако примеры с ними единичны: нами найден ровно один пример на имя собственное в НКРЯ (22). Что же касается нарицательных существительных,

⁵ Анонимный рецензент предлагает также привлекать к рассмотрению запросы, не предполагающие наличие подлежащего при *думать*. Обратим внимание, однако, что в таком случае возможна интерпретация *думать* как лексикализованной формы, см. [Кобозева 1999а].

таких примеров не обнаружено, однако, как кажется, они возможны; в частности, можно заменить *Олег* в (22) на *наш герой* или др. Как представляется, такое употребление возможно в нарративном режиме, если субъект мысли является фокусом эмпатии. Например, широкий контекст к примеру (22) представляет собой изложение мыслей героя по поводу бездельюшек в доме и пристрастии к ним его жены. Эти факты находят объяснение в работе Падучевой [1996: 331]: в ВК с ментальным глаголом предполагается признание субъекта в собственном состоянии. Такое признание наиболее характерно в контексте 1 лица и возможно для 3-го, только если субъект является фокусом эмпатии. Таким образом, параметр наличия актантов, выраженных существительными, дает аргументы в пользу трактовки срединных и конечных МК в терминах ВК.

Напротив, для начальных МК — т. е. для бессоюзных СА — широко представлены примеры с 3 лицом личных местоимений, другими разрядами местоимений, именами собственными и нарицательными, вне зависимости от того, кто является фокусом эмпатии, ср.:

- (39) {Говорящая описывает, как ей мерещился звон погремушки} *А он [муж] думал / у меня крыша поехала. Я утром собирала манатки и выходила на улицу / это было летом. К подружке... и приходила домой только когда муж возвращался* [Разговор о видении // Из коллекции НКРЯ, 2008].
- (40) *Ваще чем думают, набирая скорость, ИДИОТЫ на «неваляшках» с узкой колесной базой, поди придурок думал — моя «буханка» 4WD самая устойчивая. Пассажиров очень жаль, не могли притормозить «гонцега»* (<https://www.city-n.ru/view/370147.html>).

В (39) из контекста видно, что в фокусе эмпатии находится не субъект мнения, а скорее автор рассказа; в (40) субъект выражен оценочным именем *придурок*, что было бы невозможно, если бы субъект был фокусом эмпатии.

2.2.3. Обстоятельства

Срединные и конечные МК характеризуются ограниченной способностью к присоединению различного типа обстоятельств: в них, как кажется, недопустимы некоторые временные наречия, обстоятельства причины и эпистемические выражения, в то время как в начальных МК эти средства допустимы (43), (45)—(46). Это подтверждается тем фактом, что при поиске на различные сочетания с *думать* внутри двух запятых (т. е. предположительно в ВК) примеры на наречия единичны. В такой позиции допустимо ограниченное число наречий *так, сейчас, порой, часто, невольно* и некоторые другие:

- (41) {Комментарии к роману «Имя розы»} *В этом я с Хорхе не согласна вовсе. Но смех, я порой думаю, это скорее плохая вещь, чем хорошая* (<http://serge-le.livejournal.com/205618.html>).
- (42) *Всякое между людьми случается. Даже и между родственниками. Между родственниками, я так думаю, даже, наверно, чаще...* [Андрей Геласимов. Дом на Озерной (2009)].

Наречие *всегда*, как кажется, предпочтительно в начальных МК:

- (43) *А я всегда думал, он [Джонни Дэпп] умеет играть только одну дурацкую роль — Джонни Дэппа* (<http://kino.oper.ru/news/read.php?t=1051615286>).
- (43') ^{??} *Джонни Дэпп, я всегда думал, умеет играть только одну роль.*
- (43'') ^{??} *Джонни Дэпп умеет играть только одну роль, я всегда думал.*

Еще более надежным критерием служит допустимость выражений причины, ср.:

- (44) *Иногда отвечают — в соответствующей теме, но на ЭТОТ ВОПРОС дружно хранят молчание. Из-за чего я и подумал — пушка эта есть сюрприз, о котором мы еще услышим* (http://www.metro2033.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=read&FID=27&TID=2797).

При перестановке МК данное предложение становится неграмматичным:

- (44') **Пушка эта, из-за чего я и подумал, есть сюрприз...*
 (44'') **Пушка эта и есть сюрприз, о котором мы еще услышим, из-за чего я и подумал.*

Довольно однозначны в этом смысле эпистемические выражения: при перестановке МК они дают неграмматичность, ср. начальные МК в (45)—(46) и модифицированные примеры ниже:

- (45) *Муж **наверное** думает нашел ту самую, а вы одна из большинства ноющих и пилящих женщин* (<http://www.baby.ru/community/view/126381/forum/post/424177838/>).
 (46) *Он, **наверное**, думает — я миллионер, вон сколько у меня бумажек...* [Антон Висков. Наследник апостола Иоанна (2004) // «Наш современник»].
 (45') **Нашел ту самую, муж, **наверное**, думает.*
 (45'') **Я, муж, **наверное**, думает, нашел ту самую.*
 (46') **Этот человек, ты, **наверное**, думаешь, миллионер.*
 (46'') **Этот человек — миллионер, ты, **наверное**, думаешь.*

По-видимому, допустимость наречия *всегда*, выражений причины и эпистемических выражений может служить надежным критерием для различения ВК и КСА.

2.2.4. Допустимость эмфатических и фокусных частиц в МК

Начальные МК могут содержать фокусные частицы, выделяющие глагол (47) или субъект (48):

- (47) *А я **ведь** думал, друг, ты ко мне нехорошее имеешь* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].
 (48) *Знаешь, Михаэль смеется и спрашивает: ты по-русски всегда так **заковыристо** выражаешься? Он-**то** думал, ты такой немногословный, застенчивый юноша...* [Макс Фрай. Жалобная книга (2003)].

В срединной и конечной позиции аналогичные примеры не обнаружены; при постановке МК в постпозицию высказывания в (47) и (48), как представляется, становятся неграмматичными:

- (47') **Ты ко мне нехорошее имеешь, я **ведь** думал.*
 (48') **Ты такой немногословный, застенчивый юноша, он-**то** думал.*

Таким образом, фокусные частицы могут служить критерием разграничения ВК и бессоюзных КСА. Что касается союза *а* в (47), его также можно использовать как критерий за СА (и против ВК), в тех случаях, когда он семантически модифицирует именно один из элементов МК (а не зависимую клаузу).

Другие элементы с выделительной функцией также противопоставляют начальные vs. срединные / конечные МК:

- (49) *Почему вы думаете что он хотел сказать именно это? **я например думаю** он хотел сказать что у него было все но в могилу он ушел с пустыми руками...* (<https://www.kramatorsk.info/talk/index.php?topic=36788.15;wap2>).

При перестановке МК пример теряет свою естественность:

- (49') *??Он хотел сказать, **я, например, думаю**, что у него было все, но в могилу он ушел с пустыми руками.*
 (49'') **Он хотел сказать, что у него было все, но в могилу он ушел с пустыми руками, **я, например, думаю**.*

Уточним, что многие частицы возможны и в начальных, и в срединных / конечных МК (хотя последние встречаются значительно реже), например *уж(е), всё, вот, еще* и др.; ср. также союзы *тоже, также*:

- (50) *Вот Алена **тоже думаю** / **подрядится**... она на октябрь...* [Разговор двух женщин в кафе о планировании поездок в отпуск // Из коллекции НКРЯ, 2007].

2.2.5. Глагол *думать* в контексте других матричных глаголов

В [Апресян 2015] приводится ряд глаголов, при которых возможно употребление *думать* в значении 2.1 (синоним *полагать*): *надо думать, можно думать, склонен думать, приходится думать* и др. При некоторых матричных глаголах возможны начальные МК без союза:

- (51) *Старость надо готовить смолоду. **Смею думать**, я вовремя это поняла* [Виктория Токарева, Дмитрий Быков. «Человек без комплексов мне неинтересен»: Интервью Виктории Токаревой (2003)].
 (52) *А если от правления и появляется информация, так **приходится думать** ты дурак, или из тебя дурака пытаются сделать* (<http://forum.onliner.by/viewtopic.php?p=39132795#p39132795>).

Срединные и конечные МК с данными глаголами также зафиксированы, ср.:

- (53) *Мой друг, **смею думать**, не интересуется ими тоже* [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)].
 (54) *Для него, **приходится думать**, здесь все ясно* [В. В. Бибихин. Возвращение отцов (1992)].

Употребление бессоюзных конструкций при таких сочетаниях ограничено по сравнению с союзными. Например, как представляется, в приведенных ниже предложениях опустить союз *что* невозможно:

- (55) *Мой муж **запрещает мне думать**, что я «плохая» мама* (<http://www.ugolochek.ru/lofiversion/index.php/t11234-450.html>).
 (56) *Андрей выпил его практически весь. И это **мешает мне думать**, что это был цианид* [Ксения Любимова. Родовое проклятие. 2015].
 (57) *...он **боится думать**, что эта легитимность основана на насилии и лжи* (<http://echo.msk.ru/blog/minkin/1164490-echo>).
 (58) ***Приятно думать** что дома тебя ждет Лайка)))* (<http://vk.com/public91168433>).
 (59) *...автор повести **гreet** о кружку холодный лоб / и **старается думать**, что правильно поступил* (http://samlib.ru/n/nikolaew_o_e/silent-corner.shtml).

Такие ограничения возникают, во-первых, при глаголах, содержащих имплицитное отрицание: *мешать, запрещать, перестать* (см. п. 2.2.1 об отрицании). Так ведут себя и интенциональные предикаты, при которых истинность зависимой клаузы не утверждается (*стараться, пытаться* и др.) или не может утверждаться в силу генерического статуса зависимой ситуации⁶ (как при *любить, приятно, бояться*).

Неграмматичность бессоюзных СА здесь связана со следующим. При перечисленных предикатах зависимая клауза не может входить в ассерцию. Ее истинность, в основном, либо не предполагается, либо не может быть известна на момент произнесения. В то же время, как будет показано ниже, в бессоюзных КСА зависимая клауза может быть в ассерции. Следовательно, семантика матричного глагола вступает в противоречие с функциональной нагрузкой искомой конструкции.

По нашим данным, распределение матричных предикатов в начальных МК в целом совпадает с их распределением в срединных и конечных МК.

2.2.6. Допустимость оценочных аппозиций

Оценочные аппозиции (с союзом *как* и без него) широко засвидетельствованы в начальных МК:

- (60) **Я как придурок думал ты другая, А ты такая же как все...** (https://iomediamedia.ru/sava_ft.../такая_же_как_и_все_qdesnik_prod).
- (61) [Макс, Максим Виторган, муж, 35, 1972] **Мы-то дураки думаем / там просто каюта / а там же штаб** [Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007)].

При перестановке МК такого рода аппозиции, по всей видимости, недопустимы:

- (60') **Ты я как придурок думал другая.*
- (60'') **Ты другая, я как придурок думал.*
- (61') **Там просто, мы-то дураки думаем, каюта.*
- (61'') **Там просто каюта, мы(-то) дураки думаем.*

Итак, в результате исследования морфосинтаксических свойств МК мы видим, что начальные МК противопоставлены срединным и конечным МК. Они различаются по следующим параметрам:

- А. Синтаксические свойства. Начальные МК могут содержать существительные в позиции субъекта (в том числе нарицательные), различного вида обстоятельства (допускающие сочетания с *думать* в значении 'полагать'), например со значением причины, эпистемические выражения (*наверное, может быть*), фокусные и эмфатические частицы, выделительные элементы и конструкции (*например*), оценочные аппозиции. Все это невозможно (или сильно затруднено) в срединных и конечных МК. Из частиц наиболее однозначными диагностиками являются *а, -то, ведь*.
- Б. Морфологические свойства. В начальных МК *думать* может выступать во всех глагольных формах, включая деепричастие и причастие. В срединных и конечных МК данные две формы затруднены.

Таким образом, исходя из большого количества свойств мы должны противопоставлять начальные МК срединным / конечным. По-видимому, это должно объясняться различием в синтаксической структуре рассматриваемых конструкций: начальные МК представляют

⁶ Уточним, что это становится возможным в идиоматических сочетаниях, например *хочется думать*.

собой главные клаузы в КСА, а срединные и конечные должны быть отнесены к ВК. Соответственно, мы можем сформулировать следующее правило:

Линейная позиция: В бессоюзных КСА главная клауза всегда находится в препозиции к клаузе, выражающей содержание мнения (за исключением цитации, см. раздел 1).

Встает вопрос, все ли начальные МК должны трактоваться как КСА, или часть из них все-таки представляет собой ВК. Ниже мы увидим, что просодические данные говорят в пользу второго решения.

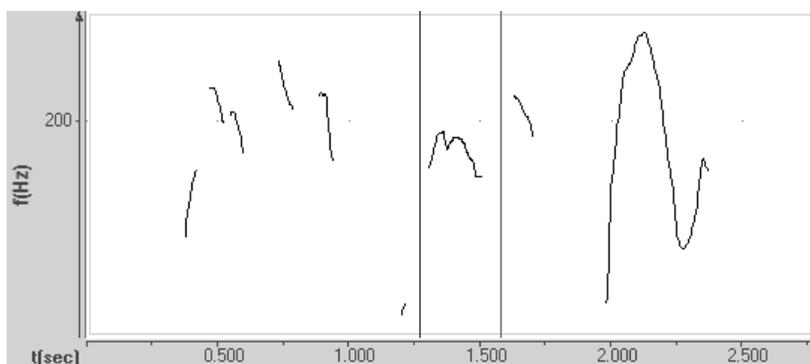
Итак, уточнение статуса клаузы с глаголом *думать* требует наличия различного вида распространителей или выражения субъекта существительным. Если же данная клауза имеет вид «местоименное подлежащее + глагол *думать*», т. е. *Я думаю / Ты думаешь* — а таких примеров абсолютное большинство (более 90 % из 1000 примеров в устном подкорпусе НКРЯ) — то она является амбивалентной с точки зрения вводной / невводной интерпретаций. Клаузы такого вида в срединной или конечной позиции мы однозначно интерпретируем как ВК, однако начальные клаузы допускают обе трактовки.

3. Некоторые просодические свойства клауз, возглавляемых глаголом *думать*

В [РГ 1980] вводные слова *так сказать, стало быть* описываются, как «слабоударяемые» или даже безударные. ВК (например, *правда сказать*), согласно [Янко 2001: 331], не могут включать акцентоноситель и являться частным случаем атонической темы [Там же: 81]. В работе [Гавриленко 2005] показано, что вставные конструкции в научной речи чаще всего имеют нисходящий фразовый акцент и обрамляются паузами. Приблизительно в половине случаев тональный регистр ниже, а ширина диапазона ЧОТ меньше, чем у невводной части. В [Кибрик, Подлесская 2009: 145] отмечается снижение тонального регистра и увеличение темпа.

Ср. следующий пример с ВК (данная МК находится в срединной позиции, и соответственно, классифицируется по нашим критериям, как ВК), где отмечается сжатый диапазон ЧОТ:

- (62) [Камиль, Камиль Ларин, муж, 42, 1966] *Вот эта вся техника / думаешь / на ком?*
[Дмитрий Дьяченко и др. День радио, к/ф (2008)].

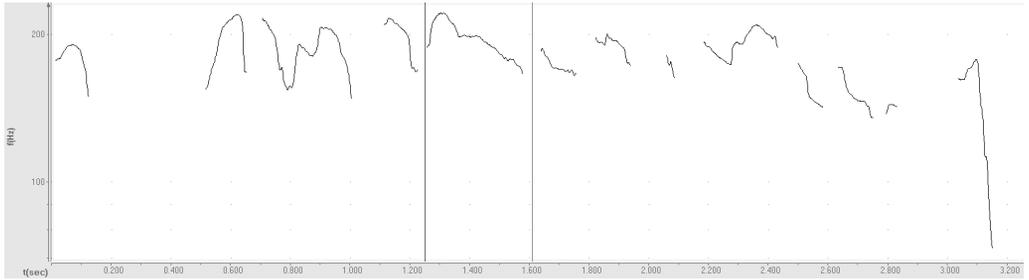
Вот вся эта техника думаешь на ком? На мне?

Схема 1

⁷ Здесь и далее анализ выполнен в программе Speech Analyzer 3.1.0.

В схеме 1 диапазон ЧОТ у говорящего колеблется от нуля до 250 Гц, в то время как в МК (которая выделена вертикальными чертами) он значительно меньше, приблизительно от 160 до 200 Гц. Ср. пример, однозначно классифицируемый (по синтаксическим критериям: имеется частица *-то* и оценочная аппозиция) как бессоюзная КСА:

(63) = (61) *Мы-то дураки думаем / там просто каюта / а там же штаб* [Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007)].

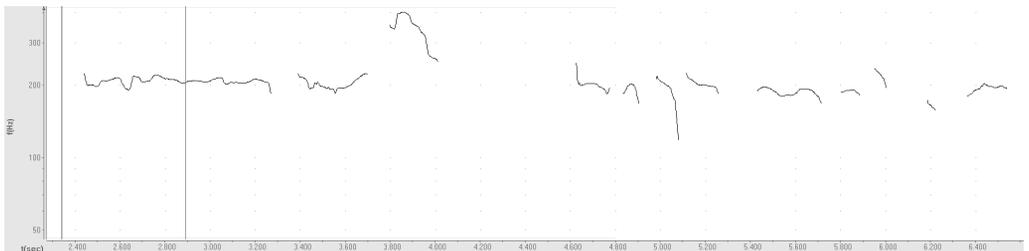
Мы-то дураки думаем там просто каюта, а там же штаб.
Схема 2

В схеме 2 диапазон ЧОТ в клаузе с *думать* такой же, как и в остальной части высказывания, — приблизительно до 220 Гц.

Таким образом, просодические характеристики позволяют различить бессоюзные КСА и ВК. Выше мы показали, что МК в бессоюзных КСА могут быть только в начальной позиции, а срединные и конечные МК — однозначно вводные. Встает вопрос, верно ли, что все начальные МК представляют собой КСА. По-видимому, нет: начальные МК могут проявлять те же свойства, что и срединные/конечные. Рассмотрим следующее предложение:

(64) [Валентина Кудымова, жен] *Я́ думала / они́ мне́ сильно мешали́ / а я́ прихо́жу́ из шко́лы / я́ сажу́сь / рису́ю. Никто́ не меша́ет* [Полесск (Калининградская область). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2010)].

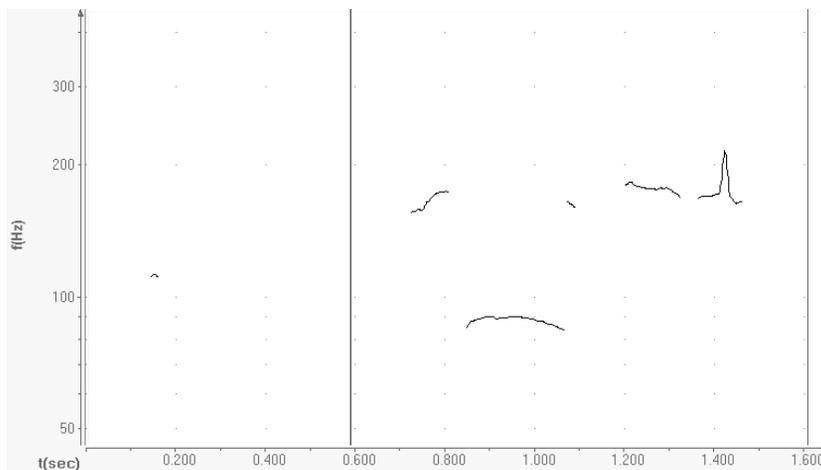
Здесь МК занимает начальное положение и не содержит никаких элементов, кроме субъекта и предиката. Таким образом, без данных просодии невозможно определить, идет ли речь о ВК или КСА. При этом просодически МК характеризуется сжатым диапазоном ЧОТ (приблизительно от 195 до 210 Гц), в отличие от всего высказывания, где диапазон колеблется от 100 до 400 Гц, ср. схему 3.

Я́ думала они́ мне́ сильно мешали́ / а я́ прихо́жу́ из шко́лы / я́ сажу́сь / рису́ю
Схема 3

Исходя из просодических свойств, по-видимому, эту конструкцию следует классифицировать как ВК. Ср. следующий пример, где, на первый взгляд, такая же МК просодически устроена иначе:

- (65) {Речь идет о захваченных русских моряках.} [Салех, Талгат Нигматулин, муж, 30, 1949] *Я думаю / их надо...* [жест, изображающий намерение убить] [Борис Дуров, Станислав Говорухин. Пираты XX века, к/ф (1979)].

Я думаю их надо...
Схема 4

На схеме 4 видно, что МК характеризуется широким диапазоном ЧОТ, приблизительно от 70 до 200 Гц (так же, как и другие высказывания этого персонажа, в среднем).

Итак, некоторое подмножество начальных МК (схема 3) демонстрирует те же просодические свойства, что и срединные / конечные, которые мы выше классифицировали как ВК, в то время как другие начальные МК (схема 4) просодически устроены так же, как главные клаузы в КСА (схема 2), см. таблицу 2.

Таблица 2

Позиция МК по отношению к клаузе, выражающей содержание мнения

Позиция	Бессоюзные КСА	ВК
начальная	+	+
срединная	— ⁸	+
конечная	—	+

Соответственно, мы можем уточнить правило, сформулированное в конце раздела 2:

Линейная позиция: В бессоюзных КСА главная клауза всегда находится в препозиции к зависимой, в то время как вводные МК допускают любую позицию в составе клаузы, выражающей содержание мнения.

Сформулированное правило согласуется с обобщениями в статье [Dehé, Wichmann 2010] про начальное *I think / I believe* без союза в английском языке.

⁸ За исключением цитации, см. (16) и (17) выше.

Уточним, что мы не исследовали тональный регистр и позицию акцента⁹. Данные по ЧОТ, представленные выше, основаны на небольшом количестве примеров, обнаруженных в Мультимедийном подкорпусе НКРЯ (11 примеров; дата обращения 10.01.2017). Подчеркнем, что это все имеющиеся в данном подкорпусе примеры, допускающие неоднозначную трактовку. Таким образом, сделанные выводы носят предварительный характер и требуют подтверждения, основанного на широкой выборке. Следует, однако, уточнить, что сам поиск и отбор примеров, которые в силу морфосинтаксических свойств допускают однозначную трактовку как КСА vs. ВК, осложняется следующим. Как говорилось выше, абсолютное большинство МК с *думать* содержит выражения вида «местоимение + *думать*»; примеры же, содержащие какие-либо распространители или существительные в роли субъекта мнения, единичны (нами проанализированы все релевантные примеры из Мультимедийного подкорпуса). Это связано с особенностями употребления рассматриваемых конструкций: наиболее часто они используются для введения мнения говорящего, причем без дополнительных уточнений, когда и по какой причине это мнение появилось (обычно отсутствуют все распространители кроме субъекта). Таким образом, проблема составления выборки примеров со звуковым сопровождением, достаточно объемной, чтобы осуществить количественный анализ результатов, на настоящий момент не решается средствами рассмотренных нами корпусов и требует дополнительного сбора данных, включающего каким-то образом стимулы к обсуждению чужих мнений и смены собственного мнения (что обусловило бы наличие сирконстантов, например, *Я раньше думал* или *Я теперь думаю*).

Важно учитывать, что МК с союзом также могут просодически оформляться как вводные (как справедливо отмечается рецензентом). Само наличие союза не исключает возможную кристаллизацию всего сочетания *Я думаю, что* в функции ВК с эпистемическим значением, как это происходит в английском языке [Dehé, Wichmann 2010; Kaltenböck 2011]. В силу этого союзные МК требуют отдельного изучения, которое учитывало бы просодию в сопоставлении с морфосинтаксическими свойствами, рассмотренными в разделе 2.

Следующий раздел посвящен семантике бессоюзных КСА, в сопоставлении с семантикой ВК.

4. Семантика и функциональный потенциал бессоюзных СА и ВК с глаголом *думать*

В [Dehé, Kavalova 2007: 1] семантика ВК описывается следующим образом: «ВК представляют собой выражения, находящиеся внутри некоторого предложения, но структурно независимые от него... они не включаются в основной просодический контур содержащего их высказывания... не входят в коммуникативное членение (топик, фокус и т. п.) включающего их предложения и не несут истинностного значения»¹⁰. Таким образом, ВК представляют собой единства, функционирующие отдельно от ассоциированной клаузы на уровне просодии, синтаксической структуры и информационной организации высказывания. Отметим, однако, что данное определение дается не только для МК, а для любых ВК (в силу этого мы не принимаем тезис об отсутствии истинностного значения, которое, как представляется, сохраняется во вводных МК). Анна А. Зализняк и Е. В. Падучева описывают вводные МК как не обладающие коммуникативной значимостью [Зализняк 1992: 437; Падучева 1996: 325]. Понятие коммуникативной значимости (вслед за [Крейдлин 1983]) формулируется

⁹ Как справедливо отмечает анонимный рецензент, наличие акцента и диапазон ЧОТ не являются независимыми параметрами. Более подробный просодический анализ, несомненно, является важной перспективой настоящего исследования.

¹⁰ “Parentheticals are expressions that are linearly represented in a given string of utterance (a host sentence), but seem structurally independent at the same time... interrupt the prosodic flow of an utterance... are outside the focus-background structure of their host utterance and are usually associated with non-truth conditional meaning” [Dehé, Kavalova 2007: 1].

как способность входить в сферу утверждения / вопроса в утвердительном / вопросительном предложении, нести новую информацию и содержать логический акцент. Вводные МК обычно содержат информацию об эпистемической или субъективной оценке истинности ассоциированной клаузы. Сами они не входят в нарративную цепочку и не обладают коммуникативной значимостью (ср. обсуждение примера (7) в разделе 1, а также наблюдения в [Thompson 2002; Dehé, Wichmann 2010] относительно ВК с глаголами мнения в английском языке). Например, если задать вопрос к (66), сфера действия вопроса скорее будет включать зависимую предикацию, чем главную (*Неужели? — Да, ушло безвозвратно; но не [?]Да, я и правда так думаю*).

(66) *...время демократического романтизма ушло / я думаю / безвозвратно...* [Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004]

Здесь МК находится в срединной позиции и, соответственно, представляет собой ВК. Наоборот, в бессоюзной КСА спор с утверждением, содержащимся в главной клаузе (в данном случае это спор с правом собеседника на свое мнение), выглядит совершенно естественно, ср. пример (67), где, как было показано в разделе 3, *я думаю* является главной клаузой, а не ВК:

(67) = (65) [Салех, Талгат Нигматулин, муж, 30, 1949] *Я думаю / их надо...* [*жест, изображающий намерение убить*]
[Капитан пиратов, Рейно Арэн, муж, 52, 1927] *Здѣсь думаю я / Мальчи. А не жалко? Все-таки они тебя спасли* [Борис Дуров, Станислав Говорухин. Пираты XX века, к/ф (1979)].

Ср. также следующий пример, где говорящий явно запрашивает мнение собеседника, т. е. *думать* находится в фокусе вопроса, относящегося ко всему предложению:

(68) — *Думаешь, Макс — мент? — спросила я по дороге. — Не думаю / а вижу* (Татьяна Полякова. Сестрички не промах (2015)).

Конечно, в любом случае информация в клаузе с *думать* может быть опровергнута в дальнейшем контексте, например, на (66) можно ответить *Да не верю, ты так не думаешь, ты это просто ради красного словца говоришь!* Однако такие примеры более редки, как показано в работах [Матвеева 2006; Матвеева, Сердобольская 2006] на основе опроса 20 носителей. В этих работах привлекаются следующие критерии выделения неассертивной информации, основанные на определении ассерции в [Падучева 1981]:

— возможность опровержения МК:

(69) *Иван думает, твой брат получит двойку. — Нет, неправда!*

— проверка возможности дублирования МК в виде презумпции:

(70) *Иван думает, твой брат получил двойку, что меня очень раздражает.*

— выявление того, какая часть фразы подвергается эллиптическому сокращению:

(71) *Я думаю, (что) он придет, а ты — нет.*

Все перечисленные средства (опровержение истинности клаузы, анафорическое средство, эллиптический ноль) могут отсылать как к МК, так и к содержанию мнения, ср.:

(69') *Неправда, он так не думает.*

(69'') *Неправда, он не получит двойку.*

(70') *Меня раздражает, что Иван так думает.*

(70'') *Меня раздражает, что твой брат получил двойку.*

(71') *Ты так не думаешь.*

(71'') *Ты не придешь.*

Эти и аналогичные предложения предъявлялись носителям с просьбой выбрать один из вариантов продолжения (или оба), отдельно 1) для конструкций с *что* вида *Я думаю, что он придет*, 2) для начальных МК без союза вида *Я думаю, он придет* и 3) для ВК со срединной позицией вида *Он, я думаю, придет*. Носителям предлагались варианты: а) правилен только первый вариант; б) только второй вариант; в) оба варианта; г) ни один из двух вариантов. По результатам опроса, частотность интерпретации, в которой происходит отсылка к МК (включая случаи, когда обе интерпретации признаны допустимыми), падает в два раза, если эта клауза находится в срединной позиции. Таким образом, в работе [Матвеева 2006] показано, что в ВК коммуникативная значимость МК в значительной мере снижена.

Интересно, что процентное соотношение двух интерпретаций (вида (69') и (69'')) конструкций с начальной МК примерно одинаково, вне зависимости от наличия союза. Это говорит о том, что в КСА без союза и с союзом *что* обе части приблизительно в равной мере «делят» между собой коммуникативную значимость (в согласии с заключением в [Падучева 1996]). Мы вернемся к этой мысли в конце данного раздела.

Корпусные данные подтверждают, что МК в бессоюзных КСА обладает коммуникативной значимостью. Во-первых, она может входить в синтаксическую структуру предложения, включающего обе клаузы, в частности сочиняться с глаголом, входящим в нарративную цепочку, ср. примеры с союзами *и* и *но*:

- (72) *Я думал, это невозможно и чувствовал себя совершенно беспомощным* [Запись LiveJournal (2004)].
- (73) *Я говорю «Куда ж ты смотрел?»... а он мне «Да я смотрю ты покатился, ну я думал ты уехал и тоже поехал»* (<http://www.drive2.ru/users/max-88/blog/>).
- (74) [Ю. К., жен, 19] *Я ее [другую машину] видела / но думала ты проскочишь* [Разговор о поездке в лес // Из коллекции Саратовского университета, 2002].

Связь с предыдущим повествованием очевидна также в следующих примерах, где используются показатель причинно-следственной связи событий *поэтому* и показатель временной последовательности событий *потом* (т. е. возникновение у говорящего мнения происходит в результате или после другого события в нарративной цепочке):

- (75) {О Маяковском} *Это была его «рулетка». Я много о нем читала, мне он очень близок по духу, поэтому думаю он поступил бы именно так* (А. Захарова. http://v-mayakovsky.com/topic_smert_poeta-page_3.html).
- (76) *И я к вам же в общагу собиралась ехать / я в четверг обещала / потом думаю / нет / наверно я не доеду / пошла в центр / на остановку* [Разговор во время похода в лес // Из коллекции Саратовского университета, 2002].

Как кажется, попытка такой связи с ВК приводит к неестественности, ср.:

- (72') **Это невозможно, я думал и чувствовал себя совершенно беспомощным.*
- (76') **Я в четверг обещала; наверно, я не доеду, потом думаю.*

Во-вторых, МК в бессоюзных КСА может содержать логический акцент, в частности, как показано выше, включать фокусные частицы на субъекте или на глаголе (47)—(48), выделительные элементы и конструкции (49).

В-третьих, в отличие от (62), МК в бессоюзных СА может входить в сферу действия вопроса в вопросительном предложении (68); она может содержать вопросительные слова и релятивизаторы, ср.:

- (77) *Не верю! Вполне вероятно, что Ивашку-то, к заветному микрофону подвели (...). Вот почему я и думаю, не просто так он к этому микрофону пробился* (<http://medassistans.ru/?p=970>).

- (78) *Иногда отвечают — в соответствующей теме, но на ЭТОТ ВОПРОС дружно хранят молчание. Из-за чего я и подумал — пушка эта есть сюрприз, о котором мы еще услышим* (http://www.metro2033.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=read&FID=27&TID=2797).

По контексту видно, что выражения причины в (77) и (78) относятся именно к мнению говорящего, а не к содержанию мнения.

Заметим, что зависимая клауза в бессоюзных КСА также может быть в сфере действия вопроса, в частности, включать вопросительные слова (79), в согласии с идеей о равной коммуникативной значимости обеих клауз.

- (79) — *Хорошо, я продам ее, но только за сорок тысяч. <...> Я стала думать, сорок тысяч ЧЕГО? Долларов — это, разумеется, удивительно, но и лир столько быть не может* [Л. Петрушевская. Маленькая девочка из Метрополя. 2006].

Итак, МК без союза в полной мере демонстрируют коммуникативную значимость, в отличие от ВК.

Возникает вопрос, верно ли, что обе клаузы в полной мере обладают свойствами независимого предложения. В работе [Сердобольская 2016] анализируется поведение в рассматриваемых конструкциях средств синтаксической неподчинимости (далее: ССН) или явлений главного предложения (main clause phenomena), выявленных в работах [Emonds 1970; Hooper, Thompson 1973] и разработанных в [Падучева 1990; Кобозева 1999б] относительно русского языка, ср.:

- (80) **Очень жаль, что ее муж — он большой начальник. *Я сам знаю, что Иван-то справится* [Падучева 1990: 316].

Неграмматичность данных предложений связана с наличием в зависимой предикации ССН — это топикализация субъекта в первом случае и частица *-то* во втором. При перефразировании данных предложений с удалением ССН оба примера становятся допустимыми:

- (80') *Очень жаль, что ее муж — большой начальник. Я сам знаю, что Иван как раз из тех, кто может справиться с этой задачей.*

Как было показано рядом исследователей (см. [Кобозева 1999б] для русского языка), ССН тем не менее возможны в некоторых типах зависимых клауз (например, *Иван давно занимается танцами, так что уж Иван-то справится*), что обычно связано с их способностью входить в ассерцию, обладать самостоятельной иллокутивной силой и т. п. Таким образом, если мы говорим о коммуникативной значимости обеих клауз при *думать*, мы будем ожидать, что ССН возможны в обеих клаузах. Доказательство справедливости этого предположения проводится в [Сердобольская 2016].

В [Падучева 1990: 316] выявлены основные ССН для русского языка. Это различные средства выражения коммуникативного членения, иллокутивной силы и дейктики. В [Сердобольская 2016] показано, что в бессоюзных КСА при *думать* обе клаузы, и главная, и зависимая, допускают ССН:

- (81) *Мы уж думали, конец вам приходит, городу, как вы у себя такой кувырлак затеяли* [Л. М. Леонов. Вор. Части 1—2 (1927)].

- (82) *Прости меня, а? Я ведь думал, ты виновата в моей гибели* [Элеонора Кременская. Под покрывалом белых облаков (2013)].

В (81) зависимая предикация включает конструкцию правой дислокации топика, а в (82) главная клауза содержит частицу *ведь*. Они в целом недопустимы в зависимых клаузах (ср. **Жаль, что конец вам приходит, городу*; **Жаль, что ты ведь так думал*), однако возможны в рассматриваемых конструкциях. Напротив, в ВК с *думать* ССН затруднены, ср.:

(81') **Конец вам приходит, городу, мы уж думали*¹¹.

(82') **Ты виновата в моей гибели, я ведь думал*.

Таким образом, с точки зрения допустимости ССН обе клаузы — и главная, и зависимая — ведут себя как простое независимое предложение (в отличие от ВК). На наш взгляд, это связано с тем, что обе они в равной мере обладают коммуникативной значимостью. Такое равноправие на дискурсивном уровне отражается на морфосинтаксических свойствах предикатов обеих клауз и выражается отсутствием союза.

Почему, несмотря на столь очевидные отличия от ВК, бессоюзные СА не могут включать отрицание, как и ВК с тем же глаголом? Согласно [Падучева 1996: 330] при отрицании вводных МК (без союза *как*), информация, выраженная в ассоциированной клаузе, перестает быть чьим-либо мнением, что противоречит семантике самой конструкции (выражение чьего-л. мнения). В бессоюзной КСА содержатся два утверждения (мнение и его содержание). Если говорящий отрицает наличие некоторого мнения, то содержание этого мнения не может утверждаться, что противоречит семантике искомой конструкции¹².

Итак, в бессоюзных КСА с глаголом *думать* обе клаузы — и главная, и зависимая — характеризуются коммуникативной значимостью, в частности в обеих частях допускается вопрос, узкий фокус, эмпфаза; обе части могут сочиняться с другим глаголом, входящим в нарративную цепочку. Следует уточнить, что обе части способны включать указанные элементы в рамках одного и того же предложения. Например, в следующем примере обе клаузы содержат выделительные частицы:

(83) *А я думал, ты и не пьешь вовсе* [Владислав Граковский. Последнее испытание, или спасти королеву — убить королеву (2015)].

Согласно определению в [Dehé, Kavalova 2007], ВК не входят в ассерцию и неспособны иметь истинностное значение. Ассерция при вводном *думать* выражена в клаузе, обозначающей содержание мысли, например *Трудность будет состоять в том* и т. д. в следующем примере:

(84) = (5) [А. Зализняк] *Трудность будет состоять в том / что он должен был сам собрать все эти сведения / равные результатам труда сотен / я думаю / филологов* [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)].

Иначе обстоит дело с бессоюзными СА, где сам факт наличия мнения, как показано выше, входит в ассерцию. Что касается содержания мнения, интерпретация зависит от того, насколько говорящий к нему присоединяется. Если субъект выражен 1 лицом, а глагол в настоящем времени (то есть мнение говорящего не изменилось), то СА тривиальным образом выражает мнение говорящего и принадлежит ассерции. Если субъект выражен 2 или 3 лицом, возможны следующие ситуации:

- 1) говорящий оспаривает истинность СА («несочувственная» интерпретация в [Падучева 1996: 322]: *Он думает, я его испугался*):

¹¹ Безусловно, пример безупречен также при отсутствии правого топика *городу*, так как содержит порядок слов, маркированный с точки зрения коммуникативного членения. Как представляется, при небольшом перефразировании пример становится грамматичным (*Вам конец, мы уж думали*) и теряет грамматичность при наличии правого топика (*Вам конец, городу, мы уж думали*), что доказывает наше утверждение.

¹² Уточним, что конструкции с цитацией при *думать* все же могут включать отрицание, ср.:

- (i) *Но никто не думал: «Так начинается героиня»* [Галина Шергова. Письмо о бессмертии // «Огонек». (1959)].

Как говорилось выше, эти конструкции в принципе отличаются по своим свойствам от конструкций мнения: в частности, они могут занимать срединную или конечную позицию, ср. (16) и (17). Представляется, что это связано с особым режимом цитации.

- (85) *Это вот твой был свитер? А я думала* Э. [Разговоры во время празднования дня рождения на острове на Волге // Из коллекции Саратовского университета, 2002].
- (86) *А всего-то и нужно было, спросить, не возьмут ли его на новую должность. Взяли и с радостью. Он, конечно, думает — это полностью его заслуга, но я-то знаю...* (<http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t11273-50.html>).

Обратим внимание, что несочувственная интерпретация допустима и для 1 лица, как в (85), где говорящий изменил свое мнение.

Обсуждаемая интерпретация (часто с насмешкой, с выражениями вида *ишь чего* и т. п.), по нашим данным, наиболее частотна, однако необязательна. Возможны также следующие употребления:

- 2) говорящий присоединяется к высказанному мнению:
- (87) *Оказываться, есть такая фобия — боязнь дырок, ученые думают, это наши далекие предки так научились определять насекомых-паразитов, обосновавшихся в теле* (<http://beenkle.livejournal.com/36004.html>);
- 3) говорящий передает чужое мнение нейтрально, без дополнительной оценки:
- (88) *Мужчина — это 80% тестостерона, а в наше время вырастают имея 40% мужского гормона. Ученые думают, это из-за того что, мальчиков выращивают женщины или это так сказался феминизм, или так надо природе?..* (<http://aum.mybb.ru/viewtopic.php?id=98>).

Семантика СА в этих трех случаях различна: для первой и третьей группы контекстов это ирреалис (в терминах [Palmer 2001: 1] и [Noonan 1985: 60]), т. е. их истинность не утверждается говорящим. Во втором случае истинность СА утверждается говорящим, и соответственно, СА находится в ассерции согласно пониманию [Stalnaker 1999]. Как известно, нахождение зависимой клаузы в ассерции облегчает допустимость ССН [Hooper, Thompson 1973; Aelbrecht et al. 2012]. Следовательно, можно ожидать, что ССН будут лучше звучать, если субъект при *думать* выражен 1 лицом или если говорящий присоединяется к чужому мнению.

Обобщим результаты данного раздела. Мы показали, что ВК и бессоюзные КСА обладают различными свойствами не только на синтаксическом и просодическом уровнях, но и в плане семантики. Функция бессоюзных КСА — введение двух клауз, обладающих самостоятельной информационной структурой и коммуникативной значимостью в терминах [Крейдлин 1983; Падучева 1996]. Соответственно, МК в таких конструкциях допускают самостоятельный логический акцент, эмфазу и контраст (он думает Р, а ты думаешь Q), могут входить в сферу утверждения / вопроса в утвердительном/вопросительном предложении, нести новую информацию, входить в нарративную цепочку и содержать ССН. Это не всегда связано с тем, что содержание мнения входит в ассерцию, так как в некоторых случаях говорящий передает содержание мнения как сомнительное или неверное.

Заключение

Итак, в работе были рассмотрены бессоюзные КСА с глаголом *думать* в главной предикации. Такие предложения, с одной стороны, проявляют свойства союзных КСА с *что*, а с другой стороны, похожи на конструкции, где МК является вводной. Мы разработали следующие критерии отличия бессоюзных КСА от ВК:

- а) МК в бессоюзных КСА могут быть только в препозиции к содержанию мнения; в ВК — в любой позиции;
- б) МК в бессоюзных КСА могут содержать любые имена и местоимения в позиции субъекта; в ВК местоимения 3 лица, неличные местоимения и существительные возможны, только если соответствующий участник является фокусом эмпатии;

- в) МК в бессоюзных КСА могут включать любые обстоятельства (возможные при *думать* в значении мнения), фокусные и эмфатические частицы (*ведь, а, -то*), выделительные элементы и конструкции (*например*), оценочные аппозиции и ССН;
- г) в ВК *думать* не может выступать в причастной и деепричастной формах;
- д) по предварительным данным, просодически МК в бессоюзных КСА имеют тот же диапазон ЧОТ, что и все предложение (в отличие от ВК, имеющих сжатый диапазон ЧОТ);
- е) семантически в бессоюзных КСА обе части, и главная, и зависимая, допускают самостоятельный логический акцент, эмфазу и контраст (он думает Р, а ты думаешь Q), могут входить в сферу утверждения / вопроса в утвердительном / вопросительном предложении, нести новую информацию и входить в нарративную цепочку — иными словами, обе части характеризуются коммуникативной значимостью. Такое равноправие на дискурсивном уровне отражается на морфосинтаксических свойствах обеих клауз и выражается отсутствием союза. В ВК коммуникативно значимым является только содержание мнения.

Формально, однако, бессоюзные КСА бывает трудно отличить от начальных ВК. Если в МК содержатся наречия, эмфатические частицы, ССН и другие элементы, перечисленные выше, то можно утверждать, что речь идет о КСА без союза. Между тем абсолютное большинство примеров из корпусов содержит только местоимение 1 лица единственного числа или личную форму тоже же лица и числа и глагол *думать*. Например, в случайной выборке на 1 тыс. примеров оказывается 91,9 % примеров вида «личное местоимение + *думать* в настоящем / прошедшем времени» или «*думать* в личной форме настоящего / прошедшего времени» (без подлежащего); из них 87,3 % примеров с 1 лицом единственного числа (*я думаю / думал(а)* или *думаю / думал(а)*). В силу этого мы почти не привлекаем количественный анализ: интересующие нас примеры единичны и в основном находятся посредством направленных поисковых запросов в интернете. При 1 лице ключевым критерием разграничения анализируемых конструкций является их просодический контур и семантика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresjan Yu. D. Language anomaly and logical contradiction. *Izbrannye trudy*. Vol. 2. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]
- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. [Apresjan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii*. T. I: *Paradigmatika* [Studies in semantics and lexicography. Vol. I. Paradigmatics. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Апресян 2015 — Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для Активного словаря русского языка // *LingVaria*. 2015. X. Kraków. S. 13—27. [Apresjan Yu. D. Syntactic information for the Active dictionary of the Russian language. *LingVaria*. 2015. X. Kraków. Pp. 13—27.]
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka, 1988.]
- Арутюнова 1989 — Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Арутюнова Н. Д. (ред.) Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7—31. [Arutyunova N. D. “Believe” and “see” (towards the problem of mixed propositional intentions). *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1989. Pp. 7—31.]
- Булыгина, Шмелев 1989 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31—55. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Mental predicates in the context of aspectology. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 31—55.]

- Гавриленко 2005 — Гавриленко И. И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, МГУ, 2005. [Gavrilenco I. I. *Dopolnitel'naya informatsiya v nauchnykh tekstakh: semanticheskie, sintaksicheskie i prosodicheskie osobennosti*. Kand. diss. [Additional information in scientific texts: Semantic, syntactic, and prosodic characteristics. Cand. diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2005.]
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies in semantics of internal state predicates]. München: Otto Sagner, 1992.]
- Земская и др. 1981 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. [Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'*. *Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. Moscow: Nauka, 1981.]
- Кибрик, Подлеская 2009 — Кибрик А. А., Подлеская В. И. «Рассказы о сновидениях»: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *«Rasskazy o snovideniyakh»: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [“Night dream stories”: A corpus-based study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Кобозева 1999а — Кобозева И. М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 539—543. [Kobozeva I. M. On two types of parenthetical structures with a parenthetical verb. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'asneniyu. K 60-letiyu A. E. Kibrika*. Rakhilina E. V., Testeleets Ya. G. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999. Pp. 539—543.]
- Кобозева 1999б — Кобозева И. М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью. Доклад на 3-й Европейской конференции “Formal Description of Slavic Languages”, г. Лейпциг, 2 декабря 1999 // www.philol.msu.ru/%2F~otip1%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc. [Kobozeva I. M. *Problema identifikatsii i sintaksicheskoi reprezentatsii slozhnopodchinnennykh predlozhenii russkogo yazyka s illokutivno samostoyatel'noi pridatochnoi chasti'yu*. *Doklad na 3-ÿ Evropeiskoi konferentsii on “Formal Description of Slavic Languages”*, g. Leiptsig, 2 dekabrya 1999 [The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionarily independent subordinate part. A report at the Third European Conference “Formal Description of Slavic Languages”, Leipzig, December 2, 1999. Available at: www.philol.msu.ru/%2F~otip1%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc.]
- Крейдлин 1983 — Крейдлин Г. Е. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983. [Kreidlin G. E. On some characteristics of syntactic behavior of predicates with sentential actants. *Semiotika i informatika*. Vol. 21. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1983.]
- Лаптева 1976 — Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. [Lapteva O. A. *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Матвеева 2006 — Матвеева Н. С. Ментальные предикаты и вводные обороты в русском языке. Дипломная работа. Рукопись. М., 2006. [Matveeva N. S. *Mental'nye predikaty i vvodnye oboroty v russkom yazyke*. *Diplomnaya rabota* [Mental predicates and parenthetical phrases in Russian. Undergraduate thesis]. Manuscript. Moscow, 2006.]
- Матвеева, Сердобольская 2006 — Матвеева Н. С., Сердобольская Н. В. Синтаксические свойства конструкций с ментальными предикатами в русском языке // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2—4 ноября 2006 г. СПб: Нестор-История, 2006. С. 120—125. [Matveeva N. S., Serdobol'skaya N. V. Syntactic features of constructions with mental predicates in Russian. *Tret'ya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov. Sankt-Peterburg, 2—4 noyabrya 2006 g.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 120—125.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1981 — Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Научно-техническая информация. Автоматизация обработки текста. 1981. Сер. 2. № 11. С. 23—30. [Paducheva E. V. Presuppositions and other types of non-explicit information in the

- sentence. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Avtomatizatsiya obrabotki teksta*. 1981. Ser. 2. No. 11. Pp. 23—30.]
- Падучева 1990 — Падучева Е. В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*. 1990. Т. 62. Fascicule 1—2. L'énunciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte. Sémon J.-P., Włodarczyk H. (éds.). S. 303—320. [Paducheva E. V. Between sentence and utterance: Subjective modality and syntactic non-subordinativity. *Revue des études slaves*. 1990. Vol. 62. Fascicule 1—2. L'énunciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte. Sémon J.-P., Włodarczyk H. (eds.). Pp. 303—320.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Коммуникативный статус вводных предложений // Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. Communicative status of parenthetical clauses. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Сердобольская 2016 — Сердобольская Н. В. Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях с глаголом *думать* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 275—295. [Serdobol'skaya N. V. Syntactic non-subordinativity in actant sentences with the verb *dumat'*. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 10. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii»* (30 maya — 1 iyunya 2016 g.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 275—295.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies in spoken Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Aelbrecht et al. 2012 — Aelbrecht L., Haegeman L. M. V., Nye R. *Main clause phenomena: New horizons*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 190.) Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Aijmer 1972 — Aijmer K. *Some aspects of psychological predicates in English*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972.
- Dehé, Kavalova 2007 — Dehé N., Kavalova Y. *Parentheticals*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106.) Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Dehé, Wichmann 2010 — Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. No. 1. Pp. 36—74.
- Diessel, Tomasello 2001 — Diessel H., Tomasello M. The acquisition of finite complement clauses in English: A corpus-based analysis. *Cognitive Linguistics*. 2001. Vol. 12. No. 2. Pp. 97—144.
- Doherty 2000 — Doherty C. *Clauses without that. The case for bare sentential complementation in English*. New York: Garland publ., 2000.
- Emonds 1970 — Emonds J. *Root and structure-preserving transformations*. Ph. D. diss. Cambridge (MA): MIT, 1970.
- Hooper, Thompson 1973 — Hooper J. B., Thompson S. A. On the applicability of root transformations. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. No. 4. Pp. 465—497.
- Huddleston, Pullum 2002 — Huddleston R., Pullum G. K. *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Kaltenböck 2007 — Kaltenböck G. Position, prosody, and scope: The case of English comment clauses. *VIEWS*. 2007. Vol. 16. No. 1. Pp. 1—96.
- Kaltenböck 2011 — Kaltenböck G. Linguistic structure and use: Explaining diverging evidence. The case of clause-initial *I think*. *Converging evidence — discussing and extending the methodological tool-kit of the linguist*. Schönefeld D. (ed.). London: Equinox, 2011.
- Kaltenböck 2013 — Kaltenböck G. The development of comment clauses. Aarts B., Close J., Leech G., Wallis S. *The Verb Phrase in English: Investigating recent language change with corpora*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. Pp. 286—317.
- Lehmann 1988 — Lehmann C. Typology of clause linkage. *Clause combining in grammar and discourse*. Haiman J., Thomson S. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 181—225.
- Noonan 1985 — Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description 2: Complex constructions*. Shopen T. (ed.). Cambridge Univ. Press, 1985. Pp. 42—140.

-
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and Modality*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Stalnaker 1999 — Stalnaker R. Assertion. *Context and content*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. Pp. 78—95.
- Thompson 2002 — Thompson S. A. Object complements and conversation: Towards a realistic account. *Studies in Language*. 2002. Vol. 26. No. 1. Pp. 125—164.
- Thompson, Mulac 1991 — Thompson S. A., Mulac A. The discourse conditions for the use of the complementizer *that* in conversational English. *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 237—251.
- Urmson 1963 — Urmson J. O. Parenthetical verbs. *Philosophy and ordinary language*. Caton Ch. E. (ed.). Chicago: Univ. of Illinois Press, 1963. Pp. 220—240.

Получено / received 02.03.2017

Принято / accepted 04.04.2017

ПРЕДЛОГ ИЛИ НАРЕЧИЕ? ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС НАРЕЧНЫХ ПРЕДЛОГОВ*

© 2017

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Феде-
рация; uryson@gmail.com

Предмет настоящей работы — так называемые наречные предлоги, ср. *вокруг (костра), далеко от (дома)*. По определению академической грамматики, наречный предлог либо совпадает с наречием, либо состоит из наречия и предлога. В работе продемонстрировано, что наречный предлог и производящее наречие имеют тождественное значение, в частности один и тот же набор семантических актантов, и различаются лишь синтаксически — способом реализации одного из этих актантов. В современной лингвистике единицы, различающиеся только синтаксически, принято описывать в рамках одного значения того или иного слова. Требуется определить, к какой части речи принадлежит так называемый наречный предлог. В статье аргументируется, что его следует считать наречием. Тем самым в русском языке, наряду с предикативными наречиями, выделяется еще один класс управляющих наречий. В статье описаны основные специфические свойства этих наречий.

Ключевые слова: наречие, предлог, семантический актант, синтаксический актант, соподчинение, управление

ADVERBIAL PREPOSITIONS AS A SUBCLASS OF ADVERBS

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation;
uryson@gmail.com

The subject of this paper is the so called adverbial prepositions in Russian, cf. *вокруг (kostra)* ‘around sth.’, *daleko ot (doma)* ‘far from sth.’, etc. By definition, an adverbial preposition either coincides with an adverb (cf. *вокруг*) or contains an adverb and a preposition (cf. *daleko ot*). I demonstrate that an adverbial preposition and the underlying adverb have the same meaning, the only difference between them being in the mode of expression of the main semantic actant, cf. *Gorel koster, вокруг (preposition) kostra stojali liudi* ‘A fire was burning, people were standing around it’ vs. *Gorel koster, вокруг (adverb) stojali liudi* ‘A fire was burning, people were standing around’. From the modern point of view, syntactic distinction is insufficient for interpreting such cases as different words (or different meanings of a word). So, an adverbial preposition and the underlying adverb should be interpreted as the same meaning of a given word. I argue that this word is an adverb. Thus, in Russian, in addition to predicative adverbs, there is another group of adverbs which are able to subordinate a noun group. Specific features of these adverbs are described in the paper.

Keywords: adverb, preposition, semantic actant, subordination, syntactic actant

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-18-02054). Автор благодарит Н. В. Зорихину-Нильсон, Л. Л. Иомдина, С. А. Крылова и М. А. Холодильову за полезные замечания.

Введение

Объект настоящей работы — русские слова и некоторые сочетания слов, которые современная академическая грамматика относит к классу наречных предлогов, например: *ВОКРУГ (костра)*, *ВПЕРЕДИ (демонстрантов)*, *ДАЛЕКО ОТ (дома)*. Близость выбранных единиц к наречиям очевидна — в следующих контекстах формально те же слова безусловно являются наречиями: *Вокруг никого не было*; *Он шагал впереди*; *Вокзал очень далеко*. Разница между наречными предлогами и соответствующими наречиями состоит в их синтаксической функции.

По школьной грамматике наречие синтаксически относится к глаголу (или прилагательному, другому наречию, реже — к существительному), а от него самого может зависеть только другое наречие, ср. *Вокзал был очень ← далеко*. Что касается предлога, то он выражает «синтаксическую зависимость существительного от другого слова в составе словосочетания» [Грамматика 1970: 311]. Ср. *стоять у костра*, где существительное *костра* синтаксически зависит от глагола *стоять*, и эта зависимость оформляется предлогом *у*. При этом «каждый предлог употребляется только в соединении с существительным в косвенном падеже» [Там же]. Поэтому «формальным признаком предлогов в русском языке является управление падежом» [Щерба 1974: 91]. Так, предлог *у* управляет родительным падежом, ср. *у кого / чего-либо*.

Синтаксическое сходство случаев типа *стоять у костра* и *стоять **вокруг** костра* очевидно. Очевидно и синтаксическое различие внутри пар типа *Вокруг стояли люди* — *Вокруг костра стояли люди*; *Он шагал впереди* — *Он шагал впереди демонстрантов*; *Они живут далеко* — *Они живут далеко от Москвы*. Сходство слов типа *вокруг* и предлогов, а также отличие этих слов от «классических» наречий интерпретировал с грамматической точки зрения Л. В. Щерба [1974: 91]. В цитируемой работе ставится задача уяснить основания классификации слов по частям речи в русском языке. Наречия и предлоги относятся к морфологически неизменяемым словам (отвлечемся сейчас от степеней сравнения некоторых наречий, ср. *нырнуть глубже*). Следовательно, единственным надежным основанием для различения наречий и предлогов является их синтаксическая функция. Но тогда следует признать выбранные единицы типа *ВОКРУГ (костра)*, *ВПЕРЕДИ (колонны)*, *ДАЛЕКО ОТ (Москвы)* предлогами. Эта точка зрения развивается в книге В. В. Виноградова [1972] и в академических грамматиках (включая РГ 1980)) и в настоящее время является господствующей.

Однако в русистике был представлен и другой подход к рассматриваемым словам: они считались наречиями, которые «могут управлять падежом (*около дерева, возле дома*), но это не составляет их назначения; это, если можно так выразиться, их право, а не обязанность» [Овсяннико-Куликовский 1902: 261]. Данная точка зрения развивается в книге [Черкасова 1967].

В предлагаемой работе будет показано, что отнесение выбранной группы единиц к классу производных предлогов как минимум спорно: гораздо последовательнее и экономнее описывать их как подкласс наречий. Мы обсудим принципы лексикографического представления этого класса. Пока ограничимся описанием выбранной группы «с высоты птичьего полета». Детальное описание данных единиц представляет собой следующий этап исследования.

Прежде чем переходить к анализу наречных предлогов, напомним их место в академической классификации предлогов — это поможет лучше уяснить природу рассматриваемых слов.

Русская академическая грамматика традиционно делит предлоги на непроизводные (или первообразные) и производные (или непервообразные). Примеры непроизводных предлогов: *на, в, о, из* и т. п. В эту группу входят также «парные предлоги — сращения» *из-за, из-под* и т. п. [РГ 1980: 707]. Первообразные предлоги представляют собой закрытую немногочисленную группу «простейших слов» [Там же: 706]. Эта группа закрыта в том смысле, что она не пополняется. Иными словами, непроизводные предлоги могут быть заданы списком.

К производным (непервообразным) предлогам традиционная грамматика относит некоторые полнзначные слова (их конкретные формы), а также целые сочетания слов. Примеры:

ВОКРУГ (дома), ВПЕРЕДИ (колонны демонстрантов), ДАЛЕКО ОТ (дома), БЛАГОДАРЯ (яркому солнцу), НЕСМОТРЯ НА (дождь), В СВЯЗИ С (реконструкцией). Группа этих предлогов очень многочисленна и разнородна. Она открыта, т. е. в языке образуются новые предлоги: есть единицы, «приобретающие свойства предлогов» [Там же].

Нелишне уточнить, что понятие производности / непроизводности по-разному интерпретируется при синхронном или диахронном описании языка. В синхронном описании языка непроизводность понимается как отсутствие производящего слова в языке данного временного среза. При описании истории языка непроизводность понимается как отсутствие производящего слова в языке не только данного, но и предшествующих временных срезов. Некоторые синхронно непроизводные предлоги являются производными с точки зрения их происхождения, ср.: *сквозь, между, ради, перед, среди*. Что касается первообразных предлогов, то так, видимо, принято называть предлоги, непроизводные на любом временном срезе. Тем самым синхронно непроизводный предлог может и не быть первообразным [Черкасова 1967: 6].

Строение производных предлогов считается достаточно хорошо известным. По определению такой предлог формально совпадает с каким-либо знаменательным словом (с формой такого слова), либо в таком предлоге выделяется компонент, формально совпадающий с каким-либо знаменательным словом (с формой такого слова). При этом под формальным совпадением по умолчанию понимается и семантическая тождественность или весьма большая близость производного предлога (его компонента) со знаменательным словом. Приведем примеры.

Предлог *ВПЕРЕДИ* (колонны демонстрантов) формально совпадает с наречием *вперед* и как минимум близок ему семантически, ср.: *Он шел вперед*.

Предлог *ВДАЛИ ОТ* (родины) имеет в своем составе компонент *вдали*, который формально совпадает с наречием *вдали* и как минимум близок ему семантически, ср.: *Вдали виднелись горы*.

Предлог *ТИПА* (ср. *устройство типа центрифуги*) формально совпадает и семантически сближается с формой родительного падежа существительного *тип*.

Предлог *В СРАВНЕНИИ С* (*прежним вариантом*) содержит компонент *сравнении* — он совпадает с падежной формой существительного *сравнение*.

Предлог *НЕСМОТРЯ НА* (*непогоду*) имеет в своем составе компонент *несмотря*, формально и семантически совпадающий с деепричастием *смотря* (с отрицанием) от глагола *смотреть* в значении ‘учитывать, принимать во внимание’, ср.: *Сначала смотрели, как складываются обстоятельства, а потом уже принимали решение*.

Заметим, что приведенное определение не вполне корректно, когда речь идет о наречных предлогах. Академические описания трактуют как наречные предлоги единицы *задолго до* и *незадолго до*, *вплоть до*, *применительно к*, *сообразно с*, но в состав этих единиц, по крайней мере в современном русском языке, не входит никакое наречие. Действительно, компоненты *задолго* и *незадолго*, *вплоть*, *применительно*, *сообразно* данных наречных предлогов лишь похожи на наречия, но самих таких наречий в языке просто нет. Тем самым остается неясным, какое наречие мотивирует данный производный предлог в синхронии. Ниже (раздел 5) мы вернемся к обсуждению этих единиц. Сейчас для простоты воспользуемся академическим определением наречного предлога.

Производный предлог (или его компонент) может совпадать со знаменательным словом не любой части речи. Такое знаменательное слово может быть либо наречием, ср. *ДАЛЕКО ОТ* (дома), *ПОЗАДИ* (дома); либо существительным (точнее, падежной формой существительного), ср. *В СВЯЗИ С* (*похолоданием*), *ТИПА* (*центрифуги*); либо глаголом, точнее деепричастием, ср. *НЕСМОТРЯ НА* (*дождь*), *БЛАГОДАРЯ* (*его помощи*). Как пишет [РГ 1980: 707], производные (непервообразные) предлоги «имеют мотивационные отношения с наречиями, существительными и деепричастиями».

Единица, которая имеет подобные мотивационные связи в лексической системе языка, логически может быть производящей (мотивирующей) или производной (мотивированной). Рассматриваемые предлоги естественно считать производными (что и отражается в их названии).

В зависимости от производящего слова производные предлоги делят на группы. Класс русских производных предлогов состоит из трех групп: наречные, или адвербиальные, предлоги (*ВОКРУГ, ДАЛЕКО ОТ*), субстантивные предлоги (*ТИПА, В СВЯЗИ С*) и деепричастные предлоги (*БЛАГОДАря, НЕСМОТря НА*).

Русским производным предлогам посвящена большая литература: изучение этих единиц — научное направление, во многом определяемое трудами М. В. Всеволодовой. Основная задача, решаемая в рамках данного направления, — описание единиц, которые в том или ином контексте выполняют функцию предлога. По данным работы [Всеволодова 2007], число таких единиц в русском языке превышает 6,5 тысяч. Ясно, что такое количество единиц не может входить в служебную часть речи. В этих исследованиях, в частности в статье [Всеволодова 2010], речь идет, скорее, не о производных предлогах как подклассе предлогов, а о размытом множестве самых разных единиц — «эквивалентах предлога»: такая единица в определенном контексте выполняет функцию предлога, «оставаясь в рамках своей части речи» [Всеволодова 2007: 269]. Остаются, однако, не вполне ясными критерии отграничения подобных единиц от подкласса производных предлогов [Шереметьева 2008].

Сказанное в наибольшей степени относится к субстантивным предлогам. Что касается наречных предлогов, то они представляют собой достаточно компактный класс единиц, устроенных вполне единообразно. Поэтому изучение производных предлогов удобно начать именно с наречных предлогов.

Дальнейшее изложение строится по следующему плану. Раздел 1 посвящен синтаксису и семантике выбранных единиц. В разделе 2 обосновывается, что выбранные единицы естественно отнести к классу наречий. Раздел 3 посвящен спорным вопросам наречного синтаксиса. В разделе 4 перечисляются достоинства предлагаемого подхода. В разделе 5 анализируются некоторые сложные случаи; в разделе 6 приведены возможные контраргументы против предлагаемого подхода. В разделе 7 рассматривается вопрос о степени близости описываемых наречий к предлогу.

Уточним терминологию. Будем считать, что предлог управляет падежной формой, а сам зависит от другого слова (если оно есть): *сидеть* → *у* → *костра*. В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в одном из его значений. Таким образом, многозначное слово представляет собой набор лексем¹. Вслед за общепринятыми описаниями будем делить наречные предлоги на простые и составные. «Простые предлоги совпадают с наречием» [РГ 1980: 707] (*ВОКРУГ кого / чего-либо, ВПЕРЕДИ кого / чего-либо*). «Составные предлоги представляют собой соединение наречия с первообразным предлогом» [Там же] (*ВДАЛИ ОТ кого / чего-либо, РЯДОМ С кем / чем-либо*).

1. Синтаксис и семантика наречных предлогов

Этот раздел преследует две цели. С одной стороны, мы опишем синтаксис наречных предлогов, сравнивая их с непроизводными предлогами. С другой стороны, сравним семантику наречных предлогов с семантикой мотивирующих наречий. Ср. примеры:

- (1) *Горел костер, вокруг стояли люди.*
- (2) *Вокруг костра стояли люди.*

В обоих случаях слово *вокруг* предполагает объект Х (в данном случае это ‘костер’), со всех сторон окруженный другими объектами, а они, в свою очередь, являются участниками ситуации Р (в данном случае Р — ‘стояли люди’). Будем называть объект Х ориентиром, а Р — ориентируемой ситуацией (участников ситуации Р можно называть ориентируемыми

¹ В целом понятие «лексема» соответствует понятие «лексико-семантический вариант» А. И. Смирницкого.

объектами). Итак, слово *вокруг* в обоих случаях имеет два семантических актанта — ориентир и ориентируемую ситуацию: *вокруг X-а P*. В приведенных примерах оба семантических актанта выражены: объект-ориентир — это *костер*, а ориентируемая ситуация — *стояли люди*.

Различаются примеры (1) и (2) тем, как в них выражен семантический актант 'ориентир'. В (2) этот актант обозначен формой родительного падежа существительного *костер*: слово *вокруг* управляет формой *костра* (*вокруг* → *костра*). При этом слово *костер* (точнее, его синтаксическая группа) следует непосредственно за словом *вокруг*. В данном случае выражение семантического актанта 'ориентир' слова *вокруг* описывается вполне четким правилом. Заметим, что так задаются синтаксические актанты непрямых предлогов. Следовательно, в этом отношении слово *вокруг* в (2) не отличается от обычных предлогов, ср.: *У костра стояли люди*. По аналогии с обычными предлогами слово *вокруг* в случаях типа (2) тоже считают предлогом².

Иначе обстоит дело с примером (1). Семантический актант 'ориентир' слова *вокруг* тоже выражен здесь словом *костер*, но выражение и позиция этого актанта в тексте не могут быть полностью описаны морфо-синтаксическими или иными столь же четкими лингвистическими правилами. Относительно обозначения этого актанта известно лишь, что оно находится где-то в предтексте (пока отвлекаемся от случая, когда 'ориентир' совпадает с субъектом ситуации, ср.: *Он посмотрел вокруг*). В данном случае правило, описывающее выражение актанта 'ориентир' слова *вокруг*, сближается с правилами поиска антецедента местоимения.

Аналогичным образом обстоит дело и с составными наречными предлогами, ср.:

- (3) *Во дворе росла ель, рядом стояли две березы.*
- (4) *Рядом с елью стояли две березы.*

В обоих случаях слово *рядом* имеет семантический актант 'ориентир'. В примере (3) на выражение семантического актанта 'ориентир' этого слова накладывается лишь одно синтаксическое ограничение — обозначение данного актанта должно находиться в предтексте. Следовательно, *рядом* в (3) — это безусловно наречие. В примере (4) этот же актант слова *рядом* выражен предложно-падежной группой *с кем / чем-либо*, следующей непосредственно за словом *рядом*. В русской грамматике предлогом считают все сочетание *рядом с*, так как это сочетание целиком, подобно первообразному предлогу, управляет падежной формой.

Приведем аналогичные примеры с непрямостепенными наречиями и предлогами:

- (5) *Поговорим после лекции — После поговорим!*
- (6) *Спектакль начался раньше назначенного времени — Спектакль начался раньше.*
- (7) *Он ест отдельно от нас — Он ест отдельно.*
- (8) *Вдобавок к зарплате он получает премиальные — Он получает зарплату и вдобавок премиальные.*

Итак, существуют наречия, имеющие семантический актант, выражение которого не описывается морфологическими, синтаксическими или иными подобными «жесткими» правилами полностью. Это, по-видимому, основное синтаксическое отличие наречия от наречного предлога.

Для описания выражения подобного актанта наречия требуется расширение теории валентностей. Подобная проблема возникает при описании выражения семантических

² Добавим, что наречные предлоги сближаются с непрямными предлогами и семантически. Так, значение предлога *вокруг* весьма близко значению пространственных предлогов, ср. у.

актантов некоторых союзов и частиц. Соответствующее расширение было предложено в работах [Урысон 2011; 2013]; наречия специально рассматриваются с этой точки зрения в работе [Урысон 2014]. Сейчас мы на этой проблеме не останавливаемся.

Мы убедились, что в разобранных случаях наречие и образованный от него наречный предлог различаются лишь способом оформления некоторого семантического актанта. Легко видеть, что аналогичным образом различаются и другие наречия и образованные от них предлоги. Заметим, что это весьма существенное синтаксическое отличие наречия от наречного предлога. Но что касается собственно семантики, то между наречием и образованным от него предлогом различий, вообще говоря, нет.

Выделение наречных предлогов и описание их как особых единиц, отличных от производящего наречия, вполне оправдано, когда в центре внимания лингвистики находится грамматика, а семантика занимает в описании языка периферийное положение. Однако в современной лингвистике, напротив, в центре внимания находится семантика: все больше фактов языка находят теперь семантическое объяснение. Посмотрим на академическую интерпретацию наречных предлогов с точки зрения семантики и попытаемся обосновать другой подход к их описанию.

2. Наречные предлоги или предлогообразные наречия?

Выше мы уже говорили, что толковые словари представляют наречие и совпадающий с ним (в том числе и по значению) наречный предлог как две разные единицы. Обычно это две лексемы одного слова.

С семантической точки зрения этот подход страдает существенным недостатком — неоправданно «умножаются сущности»: казалось бы, две в целом одинаковые единицы, различающиеся лишь синтаксически, должны признаваться одной лексемой. Действительно, подобные единицы обычно описываются в рамках одного значения. Ср. *назначить* <выбрать> его председателем — *назначить* <выбрать> председателя (подробнее см. работу [Апресян 2010]). Попробуем применить такой подход к нашему материалу. Вернемся к примерам (1) и (2).

При таком подходе принимается, что в контекстах типа *Вокруг стояли люди* и типа *Вокруг костра стояли люди* слово *вокруг* представлено одной и той же лексемой, которая имеет (в частности) семантический актант 'ориентир'. Различаются эти контексты способом выражения данного актанта. В синтаксической зоне словарной статьи лексемы *вокруг* отмечается, что этот актант может быть выражен двумя способами: а) существительным в предтексте; б) формой родительного падежа существительного в постпозиции к данной лексеме (*вокруг костра*). Кроме того, этот актант может совпадать с субъектом, ср.: *Он посмотрел вокруг*. Такое описание вполне соответствует духу современной семантики и лексикографии. Остается ответить на грамматический вопрос: к какой части речи относится эта лексема?

Имеется всего два варианта, альтернативных академическому описанию: отнести лексему *вокруг* во всех случаях к предлогам или во всех случаях к наречиям.

Допустим, что данная лексема является предлогом. Тогда придется считать, что предлог может выступать в высказывании без зависимой падежной формы. Такие случаи действительно встречаются, ср.:

(9) *Чемодан не на кровати, а под, под!*

Однако они свойственны исключительно экспрессивной разговорной речи и, главное, весьма редки. Обязательное наличие зависимой падежной формы — это конституирующее свойство предлога как части речи. В случае лексемы *вокруг* дело обстоит иначе: данная лексема одинаково допускает и наличие, и отсутствие зависимой падежной формы. Поэтому гораздо естественнее не пересматривать синтаксические свойства предлога, а признать лексему *вокруг* наречием.

Аналогичным образом описываются и так называемые составные наречные предлоги. Например, лексема *рядом* признается наречием и в случаях типа *стоять рядом*, и в случаях типа *стоять рядом с кем / чем-либо*. Во втором случае считается, что семантический актант 'ориентир' лексемы выражен предложно-падежным сочетанием *с кем / чем-либо*.

Итак, мы предлагаем считать, что в случаях типа *Вокруг костра стояли люди* и *Вокруг стояли люди* (а также *Он стоял рядом с ней* и *Он стоял рядом*) слово *вокруг* (или *рядом*) представлено одной и той же лексемой, причем данная лексема в обоих случаях является наречием. Но принимая такой подход, мы фактически признаем, что наречие может управлять существительным (его падежной или предложно-падежной формой). Не противоречит ли это принятому определению наречия?

Оказывается, нет: хорошо известно, что многие русские наречия способны управлять. К классу управляющих наречий [РГ 1980] относит, прежде всего, предикативные наречия, т. е. те, которые (с некоторым упрощением) стоят в вершине предложения. Ср.: *кому-либо жаль кого-либо* (*Мне жаль его*); *кому-либо стыдно за кого / что-либо* (*Было стыдно за жену, за этот поступок*); *кому-либо страшно за кого-либо* (*Ей страшно за детей*); *кому-либо можно делать что-либо* (*Ему можно гулять*) и т. п. Такое наречие часто словообразовательно связано с глаголом, ср.: *Мне жаль его* — *Я его жалею*; *Ему стыдно за этот поступок* — *Он стыдится этого поступка*; *Ему можно гулять* — *Он может гулять*. Некоторые другие предикативные наречия словообразовательно связаны с прилагательными, ср.: *темно, сыро, душно* (*Здесь темно и сыро*; *Мне здесь душно*) и т. п.³ Как бы то ни было, в классе наречий выделяется подкласс таких, которые способны управлять падежной или предложно-падежной формой. Следовательно, отнесение так называемых наречных предлогов к классу наречий не размывает основания наречия как части речи.

Более того, отнесение наречий типа *вокруг* или *рядом* к классу предлогов оказывается не вполне последовательным и неэкономным: непонятно, почему одни наречия могут управлять, а другие — с подобными синтаксическими свойствами — выводятся в другую часть речи.

Было бы последовательно считать, например, что наречие вообще не может управлять. Такой подход тоже предлагался в русистике. Предикативные наречия относятся тогда к особой части речи, называемой «категория состояния» [Виноградов 1972; Щерба 1974]. Однако большинство современных грамматических описаний, в частности академические грамматики, такой части речи не выделяют. Но тогда не следует и другим управляющим наречиям отказывать в принадлежности к классу наречий.

На наш взгляд, в классе наречий естественно выделять подкласс управляющих наречий. Данный подкласс, в свою очередь, делится на две группы: управляющие предикативные наречия vs. управляющие непредикативные наречия. Наречия из второй группы подобны предлогам: они управляют падежной формой слова или предложно-падежным сочетанием, но при этом и сами подчиняются какому-либо слову. Подчеркивая эту аналогию, можно называть данную группу слов «предлогообразными наречиями»⁴.

Чем же отличается предлогообразное наречие от предлога? Любой предлог обязательно управляет падежной формой: высказывание с предлогом, не имеющим такой зависимой формы, практически невозможно. Наречие, даже если оно способно управлять падежной формой (*вокруг костра*), может употребляться и без нее (*Мы стояли вокруг и смотрели*).

³ В некоторых грамматиках (например, [Аванесов, Сидоров 1945; Белошапкина 1967]) такие слова трактуются как прилагательное среднего рода в краткой форме. Мы ориентируемся здесь на академический подход.

⁴ «Предлогообразные наречия» совпадают с «предложными наречиями», как они определены в книге [Черкасова 1967: 30]. Мы отказались от термина «предложное наречие», потому что в русистике в него вкладывается разное содержание. Кроме того, слово «предложный» входит еще в состав термина «предложный падеж», в котором обозначает совершенно иное отношение обозначаемого понятия к предлогу.

Кроме того, предлоγοобразное наречие может управлять не падежной, а предложно-падежной формой (*рядом с ней*). Ниже мы уточним синтаксическую специфику предлоγοобразных наречий.

3. Наречие и предложно-падежная форма: управление или соподчинение?

В синтаксической структуре предложения падежная или предложно-падежная форма может зависеть от предлоγοобразного наречия (наречное управление), а может подчиняться самому глаголу. Если от этого глагола зависит еще и наречие, то имеет место соподчинение глаголу наречия и данной формы. В принципе возможен такой контекст, когда неясно, чему данная форма синтаксически подчиняется — наречию или глаголу. Впрочем, синтаксическая зависимость падежной формы в реальном высказывании устанавливается однозначно (ср. *стоять вокруг костра*). Иначе обстоит дело с предложно-падежной формой. Рассмотрим примеры.

(10) *Поселок был далеко от реки.*

(11) *Поселок был далеко.*

(12) *Поселок был далеко за рекой.*

Наречие *далеко* имеет семантический актaнт ‘пространственный ориентир’ (от чего далеко?). Этот актaнт стандартно выражается предложно-падежной формой *от кого / чего-либо*, ср. (10). В данном случае предложно-падежная форма *от реки* безусловно зависит от наречия, а не от глагола: в русском языке есть словосочетание *далеко от кого / чего-либо*, но нет словосочетания **быть от кого / чего-либо*⁵. (На первый взгляд, это сочетание возможно в случае типа *быть на расстоянии (в) 15 метров от финиша*, но здесь группа *от финиша* синтаксически зависит от слова *расстояние*.) Семантический актaнт ‘ориентир’ наречия *далеко* может быть не выражен, ср. (11). В этом случае подразумевается, что ориентируемый объект находится далеко от наблюдателя (который может совпадать с говорящим)⁶.

Перейдем теперь к примеру (12). Рассмотрим сначала синтаксическую структуру более простого выражения:

(13) *Поселок был за рекой.*

Предлог *за* (в этом значении) указывает на расположение объекта относительно двух ориентиров. Первый ориентир — наблюдатель, а второй — это объект, обозначенный существительным, управляемым предлогом *за* (в данном случае это река). Действительно, в (13) местоположение поселка описано через отсылку к другому объекту — реке, но при этом еще предполагается, что наблюдатель находится на одной стороне реки, а поселок — на другой.

Эта семантика предлога *за* сохраняется и в контексте наречия *далеко*, ср. (12). Очевидно, что в примере (13) группа *за рекой* синтаксически зависит от глагола *быть*. От какого слова зависит эта группа в примере (12)? С одной стороны, в русском языке есть словосочетание *быть за кем / чем-либо*, и поэтому можно считать, что группа *за рекой* зависит в (12) от глагола *быть*. С другой стороны, группа *за рекой* в (12) указывает, что поселок находится далеко от реки, и значит эту группу можно интерпретировать как выражение семантического актaнта ‘ориентир’ наречия *далеко* (с оговоркой о наблюдателе). Казалось бы, перед нами случай неединственности лингвистического описания. Однако это не так.

⁵ Для определения синтаксически главного слова мы пользуемся слегка видоизмененным критерием определения направления синтаксической зависимости в словосочетании [Курилович 1962; Холодович 1979].

⁶ Слово *далеко* и выражение его данного семантического актaнта описано в [НОСС].

Обратим внимание на то, что предлог *за*, как и другие пространственные предлоги в русском языке, имеет два значения: локативное (*стоять за рекой*) и направительное (*уйти за реку*). Первая лексема управляет творительным падежом, а вторая — винительным. Выбор лексемы предлога *за*, и следовательно, падеж существительного диктуется глаголом. Контекст наречия *далеко* не меняет дела, ср.: *Он стоял далеко за рекой — Он ушел далеко за реку*. Поэтому естественно считать, что предложно-падежная форма синтаксически зависит от глагола, а не от наречия *далеко*. Таким образом, в (12) наречие *далеко* и предложно-падежная форма *за рекой* синтаксически соподчиняются глаголу. Аналогичным образом обстоит дело в примерах типа (14—15).

(14) *Поселок стоял далеко в лесу (на склоне горы).*

(15) *Орел парит далеко под облаками.*

Здесь предложно-падежные формы *в лесу, на склоне горы, под облаками*, как и наречие *далеко*, синтаксически зависят от сказуемого.

Отметим одну общую черту всех приведенных контекстов, не зависящую от их синтаксической структуры: наречие как бы срастается с последующей предложно-падежной формой, образуя единую группу, просодически оформляемую как синтаксически законченная часть высказывания. Ср. возможные ответы на вопрос *Где?* — *Далеко за рекой; Далеко в лесу; Далеко на склоне горы; Далеко под облаками* т. п.⁷ Казалось бы, перед нами аргумент в пользу того, что наречие и предложно-падежная форма образуют единство и предложно-падежная форма синтаксически зависит от наречия, а не от глагола.

Но подобное единство образуют и другие соподчиненные обстоятельства, ср.: *Вчера вечером (я была в театре); В среду шестого ноября (нас ждут в гости); В Москве на Тверской (открылся новый ресторан)* и т. п. Такие соподчиненные обстоятельства располагаются контактно друг к другу и просодически оформляются как словосочетание. Тем не менее не возникает сомнений в том, что оба обстоятельства подчиняются сказуемому. Следовательно, нет оснований считать, что в случае типа *далеко в (степи), далеко на (небе), далеко за (горами), далеко под (землей)* мы имеем дело с наречным управлением. Итак, наречие *далеко* способно управлять предложно-падежной формой *от кого / чего-либо*. В остальных случаях предложно-падежная форма и наречие *далеко* соподчиняются глаголу.

Предложно-падежной формой *от кого / чего-либо* управляет еще целый ряд пространственных наречий, ср.: *вдали от (Он стоял вдали от них — *Он стоял от них); вдалеке от (Вдалеке от города виднеется монастырь — *От города виднеется монастырь); невдалеке от, близко от, поблизости от, справа от, слева от*. Некоторые из этих пространственных наречий, указывающих на близость объекта к ориентиру, способны управлять также предложно-падежной формой *к кому / чему-либо*, ср.: *близко к (Он сидит близко к сцене — *Он сидит к сцене), вплотную к (Стол стоит вплотную к стене — *Стол стоит к стене)*.

Последовательное различение управления одного слова другим и соподчинения обоих слов некоему третьему могли бы лечь в основу критерия выделения составных наречных предлогов. Однако, насколько нам известно, в рамках академического подхода данная проблематика не обсуждается.

4. Достоинства предлагаемого подхода

Достоинство предлагаемого подхода заключается в экономности и более последовательном представлении некоторых фактов. Рассмотрим их.

⁷ В позиции предложно-падежной формы может находиться и другое наречие, ср. *далеко впереди (позади), далеко слева (справа)*. Тогда слово *далеко* «прилипают» к нему.

4.1. Постпозиция предлоγοобразного наречия относительно управляемой именной группы

Многие предлоγοобразные наречия могут располагаться не только в препозиции, но и в постпозиции к управляемой именной группе, ср. (16)—(20).

- (16) *Он бежал навстречу ей — Он бежал ей навстречу.*
 (17) *Школа была далеко <близко> от дома — Школа была от нас далеко <близко>.*
 (18) *Они живут рядом с нами — Они живут с нами рядом.*
 (19) *Стол стоит вплотную к стене — Стол стоит к стене вплотную.*
 (20) *Ты всегда заодно с ними — Ты всегда с ними заодно.*

В этих примерах представлены интересующие нас единицы *далеко <близко> от, рядом, вплотную к, заодно с*. По академическому описанию перед нами составные предлоги. Если принять эту точку зрения, то придется признать, что предлог может располагаться как перед управляемой именной группой, так и после нее. Однако русским предлогам постпозиция несвойственна (единственное исключение — предлог *ради*, ср. *ради отчизны — отчизны ради*), и это отражается даже в названии данной части речи. Следовательно, академическое описание выбранной группы требует пересмотра одного из конституирующих свойств предлога: придется признать, что многие предлоги свободно располагаются не только в препозиции, но и в постпозиции к управляемому существительному. Это очень усложнит описание предлогов как части речи. Кроме того, придется признать, что составной наречный предлог не обязан быть цельнооформленной единицей: он допускает перестановку своих частей.

В рамках предлагаемого подхода перед нами наречия *навстречу, далеко <близко>, рядом, вплотную, заодно*, которые управляют падежной или предложно-падежной формой. Данное синтаксическое зависимое наречия, подобно синтаксическим зависимым глагола, свободно располагается и в препозиции, и в постпозиции к своему главному слову. Порядок слов зависит от коммуникативной организации высказывания, ср.: *Петр уехал в командировку — В командировку уехал Петр; Поезд опоздал на три часа — Поезд на три часа опоздал; Он объяснился ей в любви — Он ей объяснился в любви — Он ей в любви объяснился* и т. п.

Отметим, что далеко не все предлоγοобразные наречия допускают препозицию управляемой именной группы. По-видимому, препозиция допустима в случае управления предложно-падежной формой, см. примеры выше. По данным работы [Галактионова 2007], лишь два интересующих нас наречия, управляющие падежной формой без предлога, могут располагаться в постпозиции к ней: это *навстречу* и *наперекор*, ср. *навстречу ей — ей навстречу, наперекор ему — ему наперекор*. Заметим, что оба наречия управляют дательным падежом. В случае управления родительным падежом постпозиция наречия, по всей вероятности, недопустима; ср. *вокруг костра — *костра вокруг, внутри дома — *дома внутри*.

4.2. Дистантное расположение предлоγοобразного наречия относительно управляемой именной группы

Некоторые наречия, управляющие предложно-падежной формой, могут располагаться дистантно от нее, ср. (21)—(23).

- (21) *От нас это далеко <близко>.*
 (22) *Шкаф вплотную стоит к стене.*
 (23) *С врагами нельзя быть заодно.*

Если считать, что интересующие нас единицы *далеко от, вплотную к, заодно с* — это составные предлоги, то придется признать, что некоторые составные предлоги допускают

не только перестановку частей, но даже их дистантное расположение (и, следовательно, не являются цельноформленными единицами). Это размывает категорию предлогов и усложняет ее описание.

Отметим, что многие рассматриваемые наречия не допускают такого порядка слов, ср.: **Вокруг это было нас*; ?*Рядом это было с нами*. В рамках предлагаемого подхода требуется «штучное» лексикографическое описание предлогообразных наречий: возможность дистантного расположения управляемой группы фиксируется в словарной статье наречия.

4.3. Сочетаемость предлогообразного наречия с наречиями меры и степени

Некоторые наречия, в частности пространственные и временные, могут иметь зависимое наречие меры или степени, ср.: *совсем рядом, довольно близко, очень далеко, намного левее, немножко позже* и т. п. Эта способность иметь зависимое слово не связана с тем, как выражен семантический актант обсуждаемого наречия — падежной формой (предложно-падежным сочетанием) или существительным в любой форме в предтексте, ср. (24)—(26).

(24) а. *В парке был корт, а совсем рядом небольшая площадка с тренажерами.*

б. *Совсем рядом с кортом была небольшая площадка с тренажерами.*

(25) а. *Мы стояли и разговаривали, он стоял довольно (очень) близко и слушал.*

б. *Он стоял довольно (очень) близко от нас и слушал наш разговор.*

(26) а. *Он стоял немного сбоку и видел их лица.*

б. *Он стоял немного сбоку от них и видел их лица.*

Если считать, что в случаях типа (б) представлен наречный предлог, то придется признать, что предлог способен иметь зависимое наречие меры или степени. Это усложняет описание предлогов и размывает основания данной части речи. Проще считать, что слова *рядом, близко, сбоку* и т. п. во всех контекстах являются наречиями и, управляя предложно-падежной формой, сохраняют свойство иметь зависимое наречие меры или степени.

4.4. Вариативность наречного управления

Некоторые предлогообразные наречия имеют вариативное управление. Таково уже рассматривавшееся наречие *далеко*. Во-первых, оно может управлять предложно-падежной формой *от кого / чего-либо*, ср.: *Поселок был далеко от города*. Во-вторых, оно способно подчинять местоименное наречие *отсюда* или *оттуда*, ср.: *Театр отсюда (оттуда) далеко*.

Еще более вариативным управлением обладает наречие *близко*. Подобно наречию *далеко*, оно управляет предложно-падежной формой *от кого / чего-либо*, ср. *жить близко от работы, плыть близко от берега, сидеть близко от сцены*. Однако наречие *близко* может управлять еще и предложно-падежной формой *к кому / чему-либо*. Ср. примеры из [НКРЯ]: *Иван стоял близко к собаке, которая укусила его; Уж больно близко к столице располагалась деревня Тропарево (Л. Улицкая); Он стоял опасно близко к краю вагона (В. Пелевин); А ноги близко к огню никогда в обуви не ставь (А. Солженицын)*. Кроме того, наречие *близко* свободно подчиняет себе наречия *оттуда, отсюда* и *откуда*, ср.: *Музей отсюда (оттуда) близко; Не знаю, откуда это близко*.

В рамках академического подхода перед нами серия наречных предлогов: *близко от — близко к* и т. п. При этом смежные случаи типа *далеко от — далеко отсюда, близко от — близко к — близко оттуда* описываются раздельно, и связь между ними не фиксируется.

В рамках предлагаемого подхода перед нами случай вариативной реализации одного и того же семантического актанта предиката. Это распространенное и хорошо известное

явление. Примером может служить глагол *находиться* — он имеет семантический актант ‘место’, который обязательно выражается в высказывании (невозможно: **Она находится*). При этом данный актант может выражаться достаточно большим набором средств, ср.: *находиться в (доме), находиться на (доме), находиться под (домом), находиться у (около) (дома), находиться за (домом), находиться дома* и т. п.

5. Некоторые сложные случаи

5.1. Лексическое значение глагола и синтаксическая интерпретация предложно-падежной формы в контексте наречия

Вернемся к сочетанию *далеко от кого / чего-либо*. Его синтаксическая интерпретация зависит от лексического значения управляющего глагола, ср. (27).

(27) а. *Диван стоит далеко от окна.*

б. *Диван отодвинули далеко от окна.*

В (27а) предложно-падежная форма *от окна* синтаксически подчиняется наречию *далеко* (в русском языке есть словосочетание *стоять далеко*, но нет словосочетания **стоять от окна*). Что касается (27б), то здесь выделяются словосочетания *отодвинуть от окна* и *отодвинуть далеко*. Строго говоря, в (27а) наречие управляет предложно-падежной формой, а в (27б) — то же наречие и предложно-падежная форма соподчиняются глаголу. Наречное управление имеет место в контексте предикатов пространственного расположения, ср. *стоять (сидеть, лежать, висеть, ...)* *далеко от кого / чего-либо*. В контексте глагола движения наречие *далеко* и предложно-падежная форма *от кого / чего-либо* соподчиняются глаголу, ср. *отойти (отодвинуться, отодвинуть, поставить, ...)* *далеко от кого / чего-либо*.

Точно так же обстоит дело и с наречием *близко*; ср.:

(28) *Стол стоит близко от двери (к двери).*

Здесь предложно-падежная форма *от двери (к двери)* синтаксически подчиняется наречию *близко*: в русском языке есть словосочетание *стоять близко*, но нет словосочетаний **стоять от двери*, **стоять к двери*. В следующем примере, напротив, предложно-падежная форма *к двери* синтаксически подчиняется глаголу, и ему же подчиняется наречие *близко*, ср.:

(29) *Стол придвинули близко к двери.*

В последнем примере выделяются словосочетания *придвинуть близко* и *придвинуть к двери*, наречное управление отсутствует.

Аналогичным образом обстоит дело с наречием *вплотную*.

(30) *Шкаф стоит вплотную к стене* [наречное управление].

(31) *Шкаф придвинули вплотную к стене* [соподчинение глаголу наречия и предложно-падежной формы].

Во всех разобранных случаях предложно-падежная форма выражает семантический актант наречия. Тем не менее в контексте глагола движения данная предложно-падежная форма и наречие естественным образом синтаксически соподчиняются глаголу. Такие соподчиненные обстоятельства, из которых к тому же одно является семантическим актантом другого, как бы срастаются в единую цепочку. В результате вся эта цепочка в каком-то смысле функционирует как единое целое и в результате может относиться не только к глаголу движения, но и к глаголу локализации. В последнем случае предложно-падежная форма синтаксически зависит от наречия.

Переподчинение семантического актанта лексемы другой лексеме в предложении — достаточно распространенное явление в языке. Оно подробно описано на глагольном материале как смещение дополнения. Обзор таких случаев дан в работе [Апресян 2010: 121—122]. Приведем некоторые примеры: *крепко сжимать руки бандита* — *крепко сжимать бандиту руки*; *обработать его раны* — *обработать ему раны* [Там же]. Как видим, предлагаемый подход к описанию наречий вполне лежит в русле современного синтаксиса.

5.2. Обязательность у наречия зависимой предложно-падежной формы

До сих пор мы рассматривали такие наречия, которые способны управлять падежной или предложно-падежной формой (*вокруг костра, рядом с ней*), но могут употребляться и без нее (*Мы стояли вокруг (рядом) и смотрели*). Казалось бы, способность употребляться без зависимой формы отличает предлогообразное наречие от предлога. Однако дело обстоит сложнее: некоторые предлогообразные наречия не употребляются без зависимой предложно-падежной или падежной формы. Примерами могут служить слова *применительно* и *сообразно* (в толковых словарях трактуются как наречия).

Слово *применительно* употребляется только с управляемой предложно-падежной формой *к кому / чему-либо*. Ср. *действовать применительно к обстоятельствам* при недопустимости **действовать применительно*. Слово *сообразно* требует формы дательного падежа либо предложно-падежной формы *с кем / чем-либо*, ср.: *действовать сообразно замыслу, действовать сообразно с изменившимися условиями*, причём недопустимо: **действовать сообразно*. Заметим, что еще в языке XIX в. наречие *сообразно* употреблялось и без зависимой формы. Ср. пример из [МАС]: — *Я подозреваю, что они [родственники] хотели посадить меня в сумасшедший дом. Ну, помилуй, друг мой, сообразно ли это? Ну, что б я там стал делать?* (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон). Однако такое употребление слова *сообразно* совершенно устарело.

В рамках предлагаемого подхода данные факты описываются вполне естественно: в языке существуют предикаты, которые требуют обязательного выражения некоторого актанта. Ср. глаголы местонахождения *находиться (где-либо), водиться (где-либо), деться куда-либо* и т. п. Все они требуют выражения семантического актанта 'место', который оформляется как синтаксический антакт глагола. Нормально *Эта улица находится в Западном округе* при недопустимости **Эта улица находится*. Нормально *Слоны водятся в Африке; Эта деревня расположена высоко в горах; Город лежит в долине Ганга; Паспорт куда-то делся*, но недопустимо **Слоны водятся; *Эта деревня расположена; *Город лежит; *Паспорт делся*. Слова *сообразно* и *применительно* — это наречия, которые употребляются аналогичным образом: они тоже требуют обязательного выражения своего семантического актанта, который оформляется как их синтаксическое зависимое.

Обязательное наличие у наречия зависимой предложно-падежной формы можно интерпретировать как сближение такого наречия с предлогом. Действительно, если наречие не употребляется без зависимой падежной формы, то говорят, что такое наречие перешло в разряд предлогов, ср.: «бывшие» наречия *вплоть, сквозь, через, между* и т. п. Отличие слов *применительно* и *сообразно* от подобных предлогов состоит в том, что предлог по определению управляет падежной формой, а данные слова сами управляют предлогом, ср. *сообразно с, применительно к*.

Заметим, что если в рамках академического подхода трактовать единицы *применительно к* и *сообразно с* как наречные предлоги, то остается неясным, какое наречие мотивирует данный производный предлог. Компоненты *применительно* и *сообразно* данных наречных предлогов лишь похожи на наречия на *-о*, а самих таких наречий в современном языке нет. Таким образом, академический подход к рассматриваемым единицам требует пересмотра самого определения наречного предлога.

5.3. Обязательность у наречия зависимой падежной формы: «последелог» (*неделю*) *назад*

В сочетаниях типа *неделю* (<год, три дня) *назад* представлена особая, «временная» лексема *назад*. Специфика ее в том, что она не употребляется без зависимого винительного падежа; нормально высказывание *Это произошло неделю назад*, но невозможно **Это произошло назад*. Кроме того, данная лексема не допускает дистантного расположения управляемой группы: невозможно **Назад приехал уже неделю*. Обязательность зависимой падежной формы, причем контактно расположенной, сближает эту лексему с предлогами (подробнее о главных синтаксических свойствах предлога см. раздел 7). Однако в отличие от предлога она возможна только в постпозиции к зависимой группе. Нормально *Он приехал год назад*, но недопустимо **Он приехал назад год*. Поэтому в работах [Isačenko 1962; Крылов, Муравенко 2007] слово *назад* в данном значении квалифицируется как послелог.

Недостаток такого описания в том, что в языке выделяется часть речи — послелог, которая состоит всего из одного слова. С нашей точки зрения, данная лексема *назад* является наречием, обязательно управляющим падежной формой. В этом отношении лексема *назад* сближается с рассмотренными выше наречиями *применительно* (*к*) и *сообразно* (*с*). Единственное отличие данной лексемы *назад* от предлогов — постпозиция относительно управляемой группы. Преимущество предлагаемого подхода очевидно: не требуется ни выделять в русском языке особую часть речи (послелог), ни пересматривать одну из конституирующих черт предлога (препозицию относительно управляемого слова).

5.4. Обязательность соподчиненной предложно-падежной формы при некоторых наречиях: *долго до*, *недолго до* и подобные случаи

Рассмотрим семантическую организацию единиц *долго до* и *недолго до*, ср.: *прийти (P) долго до звонка (Q)*; *уйти (P) недолго до отхода поезда (Q)*. Данные наречия предполагают две ситуации P и Q, причем указывают, что P имела место раньше Q и отделена от нее определенным промежутком времени. Ситуации P и Q — это семантические актанты данных наречий: Q — временной ориентир, относительно которого определяется время ситуации P.

Актанты P и Q могут быть событиями, и тогда событие Q ('звонок', 'отход поезда') служит временным ориентиром события P. Если же Q является не событием, а делящейся ситуацией, то временным ориентиром служит ее начало, ср.: *недолго до войны* 'до начала войны'. В разговорной речи событие, являющееся временным ориентиром, может пониматься из контекста и обозначаться не отдельным предикатом, а (метонимически) его главным участником, ср.: *Он пришел недолго до Ивана* 'Он пришел недолго до прихода Ивана'.

Семантический актант 'временной ориентир' данных наречий выражается предложно-падежным сочетанием *до чего / кого-либо*. При этом рассматриваемые наречия не употребляются без этой предложно-падежной формы; невозможно **Лекция начиналась в семь вечера, он пришел долго*; **Она пришла недолго*.

На первый взгляд может показаться, что единицы *долго до кого / чего-либо*, *недолго до кого / чего-либо* устроены так же, как и только что рассмотренные наречия *применительно к кому / чему-либо*, *сообразно чему / с чем-либо*. Действительно, и те и другие требуют наличия при себе предложно-падежной (падежной) формы. Однако синтаксическая интерпретация единиц *долго до кого / чего-либо* и *недолго до кого / чего-либо* принципиально иная.

В случае типа *прийти* (<уйти, начаться, ...) *долго / недолго до кого / чего-либо* выделяются словосочетания *прийти* (<уйти, начаться, ...) *до чего / кого-либо*. Поэтому естественно считать, что здесь форма *до чего / кого-либо* синтаксически подчиняется глаголу. Принимая такое решение, мы последовательно проводим принцип различения управления и соподчинения, обсуждавшийся в разделе 3. Но тогда остается принять, что наречие

задолго или *незадолго* подчиняется тому же глаголу, что и форма *до чего / кого-либо*. Специфика данного случая в том, что наречия *задолго* и *незадолго* требуют обязательного наличия соподчиненной предложно-падежной формы.

Что касается случаев *действовать применительно к обстоятельствам, поступать соответственно с обстановкой*, то здесь словосочетания **действовать к обстоятельствам, *поступать с обстановкой* не выделяются: в русском языке таких словосочетаний нет. Поэтому здесь предложно-падежная форма синтаксически подчиняется наречию.

Заметим, что единицы *задолго (до)* и *незадолго (до)* (как и *применительно к* и *соответственно с*) хотя и трактуются в академических грамматиках как наречные предлоги, но не подпадают под определение этого класса слов. Действительно, в их составе не выделяется никакое наречие, поскольку наречий *задолго* и *незадолго* в современном языке не существует.

Еще один пример обязательного соподчинения наречия и предложно-падежной формы предоставляют некоторые контексты с наречием *вместе*. Данное наречие сближается с симметричными предикатами *дружить, враждовать, общаться, разговаривать* и т. п., которые предполагают двух актантов, ср. *кто-либо дружит с кем-либо* и т. п.: *Петя дружит с Ваней; Коля общается с Васей; Маша разговаривает с Катей*. При этом возможна совместная реализация этих двух актантов существительным в форме множественного числа, ср.: *Дети дружат; Они общаются; Девушки разговаривают*⁸. Наречие *вместе* предполагает тех же двух актантов, ср.:

(32) а. *Дети шли вместе.*

б. *Дети шли вместе со взрослыми.*

в. *Мальчик шел вместе с отцом.*

Очевидно, что синтаксическая трактовка случаев (32) должна быть единообразной. Наречие *вместе* в (32а) и, следовательно, в (32б) и (32в) подчиняется глаголу: *идти* → *вместе*. Группа, вводимая комитативным предлогом *с* — именно она выражает второй семантический актант наречия *вместе*, — тоже подчиняется глаголу: *идти* → *со взрослыми, идти* → *с отцом*. При этом в (32б) эту группу можно опустить: получится нормальное высказывание (32а). В примере (32в) та же группа неопустима: невозможно **Мальчик шел вместе*. Следовательно, в контекстах типа (32в) наречие *вместе* требует соподчиненной формы *с кем / чем-либо*.

С точки зрения современной синтаксической теории перед нами переподчинение семантического актанта лексемы другой лексеме в предложении («смещение дополнения», см. раздел 5.1). Специфика нашего случая в том, что переподчинение семантического актанта обязательно.

Обязательное наличие в высказывании предложно-падежной формы, соподчиненной наречию, можно интерпретировать как первый этап синтаксического «срастания» наречия с такой формой. Второй этап такого срастания — переподчинение предложно-падежной формы наречию. На последнем этапе наречие уже не употребляется без зависимой формы.

6. Возможные контраргументы: специфические предложные признаки предлогообразных наречий

Хорошо известно, что простые наречные предлоги сближаются по некоторым формальным признакам с первообразными предлогами. Иными словами, предлогообразные наречия типа *вокруг, около, вблизи, мимо, внутри, внутрь, вдоль, поперек* в случае, если они управляют падежной формой, приобретают некоторые особые свойства первообразного предлога.

Формальные признаки первообразных предлогов систематизированы Н. А. Еськовой [1996]. В этой работе продемонстрирована степень распространения формальных признаков

⁸ Такое описание материала принято, например, в [Апресян 2010].

предлога на простые наречные предлоги (т. е. на предлогообразные наречия, управляющие падежной формой). Приведем данные цитируемой работы.

I. После первообразного предлога употребляются особые формы местоимений-существительных *он, она, оно, они* с начальным *н*: *него, нее, них* и т. д. Ср.: *без него, в нем, для нее, до них, за ним, к нему, на них, над ними* и т. д. Для первообразных предлогов это ненарушаемое правило. Многие предлогообразные наречия, управляющие падежной формой, в этом отношении ведут себя как первообразные предлоги. Ср.: *вокруг него, около нее, вблизи них, мимо нее, внутри них, внутрь него, вдоль нее, поперек него*. Однако «последовательно не требуют припредложных форм предлоги, употребляемые с дательным падежом: *навстречу ему, наперекор им, наперерез ей* и т. п.» [Там же: 459].

II. Первообразный предлог «разрывает» местоименные слова с начальным компонентом *ни- или не-* (*никто, ничто, никакой, ничей; некого, нечего*), располагаясь после этого компонента (*ни для кого, ни до чего, ни к какому, ни перед чем; не на кого, не от чего* и т. п.). Для первообразного предлога интерпозиция обязательна. Что касается предлогообразных наречий, управляющих падежной формой, то некоторые из них допускают интерпозицию в местоимение на *ни-*. Ср. возможные сочетания: *ни близ кого, ни возле кого, ни после чего*. Однако многие из таких наречий интерпозиции не допускают, ср. **ни перпендикулярно чему*. Кроме того, наречие не разрывает местоимения на *не-* (правда, эти местоимения, по видимому, вообще плохо сочетаются с такими наречиями). Ср.: **Не возле кого найти успокоение, *Не против кого выступить с критикой* и т. п.

III. Первообразный предлог «разрывает» также местоименные слова с начальным компонентом *кое- / кой-* (*кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-чей*), располагаясь после него (ср.: *кое у кого, кое над чем, кое с каким, кое о чем* и т. п.). При этом интерпозиция предлога считается строго нормативной. «Но эта норма достаточно часто нарушается, причем конструкции с препозицией употребляются и хорошими авторами: *на кое-кого* (В. Набоков), *для кое-кого* (В. Кардин), *на кое-какие вопросы* (Ю. Домбровский), *к кое-каким новинкам* (В. Шаламов)» [Там же: 461]. Некоторые предлогообразные наречия допускают такую интерпозицию, ср.: *кое вокруг кого, кое мимо кого*. Однако в целом для них нормальна препозиция: *вокруг кое-кого, мимо кое-кого, вдоль кое-чего, вблизи кое-кого, внутри кое-чего*.

IV. Первообразный предлог «разрывает» местоименное сочетание *друг друга*, причем интерпозиция первообразного предлога в таких сочетаниях — строгая норма: *друг без друга, друг для друга, друг за другом, друг к другу*. С предлогообразными наречиями дело обстоит сложнее. Некоторые из них допускают интерпозицию в этом сочетании: *друг близ друга, друг возле друга, друг против друга* и т. п. Однако препозиция предлогообразного наречия «не выглядит таким же грубым нарушением нормы, как препозиция первообразного предлога: *близ друг друга, против друг друга, возле друг друга vs *у друг друга, *для друг друга* и т. п. *Друг навстречу другу — навстречу друг другу, друг напротив друга — напротив друг друга*. В ряде случаев опора на языковое чутье подсказывает препозицию предлога как единственную языковую возможность: *благодаря друг другу, вблизи друг друга, наперекор друг другу*» [Там же: 461]; добавим еще *параллельно друг другу, перпендикулярно друг другу*.

V. Между первообразным предлогом и падежной формой невозможна вставка частицы: **без же помощи, *в ли фургоне, *из-то шкафа*. Однако частица возможна между предлогообразным наречием и управляемой им падежной формой. Ср.: *внутри же фургона, не вслед ли за ним..., мимо-то киосков*.

Мы видим, что, с одной стороны, предлогообразное наречие, выполняя синтаксическую функцию первообразного предлога, «перенимает» у него некоторые несинтаксические свойства, ср. (I)—(IV): это действие аналогии в системе языка. С другой стороны, предлогообразное наречие сохраняет определенные черты знаменательной части речи, ср. (V). Но черты (I)—(IV) настолько ярки и специфичны для предлогов, что кажется естественным объединить по этим признакам все единицы, которые ими обладают, объявив данные единицы предлогами.

Однако перечисленные свойства выбранных единиц легко описываются и в рамках предлагаемого подхода. Академический подход в этом отношении отнюдь не более экономен. Допустим, например, что слово *вокруг* или *навстречу* является предлогом. В идеале принадлежность к той или иной части речи — и соответствующая характеристика лексемы — предсказывает формальные особенности данной лексемы: в нашем случае это обязательность после нее *n*-форм местоимений, а также обязательность интерпозиции в конструкциях с местоименными словами и в сочетании *друг друга*. Однако ни одна из этих особенностей не присуща всем предлогам. Даже особые *n*-формы местоимений обязательны лишь после первообразных предлогов, а некоторые непервообразные предлоги их уже не допускают (ср. *навстречу ему*). Описывать разное поведение выбранных слов в одинаковых синтаксических контекстах естественно в их подробном лексикографическом описании, т. е. в словарных статьях данных единиц. Объединение предлогообразных наречий в один класс с первообразными предлогами не упрощает описания.

7. Степень близости наречия к предлогу

Хорошо известно, что разные наречия в разной степени сближаются с предлогами [Черкасова 1967: 30—31; Виноградов 1972: 534]. Для того чтобы выявить степень близости предлогообразного наречия к предлогу, требуется прежде всего располагать списком основных черт, конституирующих предлог как часть речи. Эти черты очевидны; все они так или иначе упоминались выше. Кратко перечислим их для удобства дальнейшего изложения.

Первое свойство предлога — обязательное управление падежной формой. Отличие предлогообразного наречия от предлога состоит в обязательности управления: предлог обязан иметь зависимую падежную форму, а предлогообразное наречие — нет (при том что в принципе оно способно управлять).

Второе свойство — препозиция предлога относительно управляемого слова (при редкой допустимости и постпозиции, ср. *ради отчизны* — *отчизны ради*). Предлогообразные наречия в этом отношении ведут себя по-разному: если наречие управляет предложно-падежной формой, то оно может располагаться в постпозиции к ней.

Третье свойство — обязательное контактное расположение предлога относительно управляемой группы (ср. *стоять у большого костра* — **у стоять большого костра*). Для наречий, управляющих предложно-падежной формой, это необязательно.

Заметим, что обязательное употребление *n*-форм местоимений после предлога с типологической точки зрения не является конституирующим признаком предлога как части речи.

Степень «предложивания» наречия с точки зрения первого признака обсуждалась неоднократно. В рамках диахронического описания, предлагаемого в книге [Черкасова 1967: 31], «основным критерием для установления степени приближения наречия к словам, принадлежащим к разряду предлогов, служит утрата этим наречием способности выступать (...) без следующего за ним падежа». В рамках синхронного описания естественно говорить не об утрате или приобретении словом тех или иных черт, а только о количественном соотношении тех или иных контекстов. Приведем пример.

Возьмем близкие по смыслу лексемы *около* и *рядом*. Обе они могут управлять: *около* управляет родительным падежом (*около нее*), а *рядом* — предложно-падежной формой *с кем / чем-либо* (*рядом с ней*). Обе лексемы могут употребляться и без зависимой формы. Ср. фразеологизм *ходить вокруг да около*, а также примеры из [МАС]: [Григорий] привязал к кусту коня, лег около, прикрыв от ветра лицо полкой шинели (М. Шолохов); Сзади него [Павла] шли мать и Саша, а рядом шагал Рыбин (М. Горький).

Однако для слова *около* употребление без зависимого слова нехарактерно: соответствующие высказывания стилистически отмечены, они ощущаются как уходящие или разговорные. Иначе обстоит дело со словом *рядом*, которое употребляется без зависимой формы совершенно свободно. Благодаря этому лексема *около* по своему употреблению гораздо ближе к предлогам, нежели лексема *рядом*.

По следующему признаку — препозиция относительно зависимой формы — наречия делятся на две основные группы: для одних препозиция строго обязательна, а другие допускают постпозицию. К первой группе относятся наречия, управляющие родительным падежом, ср.: *вокруг костра* — **костра вокруг, внутри дома* — **дома внутри, после урока* — **урока после*. Ко второй группе относятся наречия, управляющие дательным падежом: *навстречу ей* — *ей навстречу, наперекор ему* — *ему наперекор* [Галактионова 2007]. К этой группе относятся также многие наречия, управляющие предложно-падежной формой, ср.: *(быть) далеко от нас* — *(быть) от нас далеко, (быть) близко к нему* — *(быть) к нему близко, стоять вплотную к нему* — *(стоять) к нему вплотную*. Ясно, что наречия первой группы гораздо ближе к предлогам, чем наречия второй группы.

По третьему признаку (контактное расположение относительно управляемой группы) выделяются наречия, не допускающие или с трудом допускающие дистантное расположение относительно зависимой группы, ср.: *стоять вокруг костра* — **вокруг стоять костра, двигаться наперерез танкам* — **наперерез двигаться танкам*. Этим наречиям противопоставлены наречия, свободно допускающие дистантное расположение относительно управляемой группы, ср. примеры из раздела 4: *От нас это далеко (близко); Шкаф вплотную стоит к стене; С врагами нельзя быть заодно*. Ясно, что наречия второй группы не столь близки предлогам, как наречия первой группы.

Возможно, что для решения поставленной задачи плодотворным окажется учет и других признаков предлога, например невозможность иметь зависимое наречие (ср. раздел 4.5).

Разумеется, для более точного определения степени близости наречия к предлогу по каждому признаку требуются статистические данные. Возможно, что какие-то наречия одинаково свободно употребляются как с зависимой формой, так и без нее, в то время как для других предпочтителен определенный тип контекстов. Аналогичным образом некоторые предлогообразные наречия могут допускать как постпозицию, так и препозицию управляемой группы, в то время как другие предпочитают ее постпозицию и тем самым в большей степени сближаются с предлогами. По-видимому, точно так же обстоит дело и с контактными / дистантными расположением зависимой формы относительно предлогообразного наречия. Учитывая данные признаки, можно расположить предлогообразные наречия на шкале близости наречия к предлогу.

Статистическое обследование русских предлогообразных наречий с этой точки зрения представляет собой отдельную задачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов, Сидоров 1945 — Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I: Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945. [Avanesov R. I., Sidorov V. N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. Chast' I: Fonetika i morfologiya* [An outline of the Russian grammar. Part I: Phonetics and morphology]. Moscow: Uchpedgiz, 1945.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка // Апресян Ю. Д. (ред.). Проспект активного словаря русского языка. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 56—152. [Apresjan Ju. D. The instruction on writing lexical entries for the Active dictionary of Russian. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka*. Apresjan Ju. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 56—152.]
- Белашапкова 1967 — Белашапкова В. А. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1967. [Beloshapkova V. A. *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (A grammatic theory of the word)]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1972.]
- Всеволодова 2007 — Всеволодова М. В. Категория русского предлога. Системные характеристики // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 269—270. [Vsevolodova M. V. The category of the Russian preposition. Systemic characteristics. *III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka. Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: MAKSS Press, 2007. Pp. 269—270.]

- Всеволодова 2010 — Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3—26. [Vsevolodova M. V. Grammatical properties of the prepositional units in Russian: Typology, structure, syntagmatics and syntactical modifications. *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 4. Pp. 3—26.]
- Галактионова 2007 — Галактионова И. В. Предлог: постпозиция и препозиция // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 272—273. [Galaktionova I. V. The preposition: Postposition and preposition. *III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka. Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: MAKS Press, 2007. Pp. 272—273.]
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970. [Grammatika sovremenno russkogo yazyka [Modern Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Еськова 1996 — Еськова Н. А. Первообразные и непервообразные предлоги: Формальный аспект // Николаева Т. М. (ред.). Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М.: Индрик, 1996. С. 458—464. [Es'kova N. A. Non-derivative and derivative prepositions: Formal aspect. *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Indrik, 1996. Pp. 458—464.]
- Крылов, Муравенко 2007 — Крылов С. А., Муравенко Е. В. Послелого в русском языке // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 278—279. [Krylov S. A., Muravenko E. V. Postpositions in Russian. *III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka. Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: MAKS Press, 2007. Pp. 278—279.]
- Курилович 1962 — Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 48—56. [Kurylowicz E. The basic structures of language: Phrase and sentence. Kurylowicz E. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, 1962.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1981—1984. [Slovar' russkogo yazyka [A dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1981—1984.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [A new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Apresjan Yu. D. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Овсяннико-Куликовский 1902 — Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1902. [Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. St. Petersburg: Publication by D. E. Zhukovskii, 1902.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt of description of conjunction semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Урысон 2013 — Урысон Е. В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 3—24. [Uryson E. V. Syntax of conjunctions and connectors and valency theory. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 3. Pp. 3—24.]
- Урысон 2014 — Урысон Е. В. О производных предлогах: наречные предлоги // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2014» (Бекасово, 2013 г.). Вып. 13 (20): в 2 т. М.: Изд-во РГГУ, 2014. Т. 1. С. 695—706. [Uryson E. V. On derivative prepositions: Adverbial prepositions. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2014» (Bekasovo, 2013 g.)*. No. 13 (20): In 2 vols. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2014. Vol. 1. Pp. 695—706.]
- Холодович 1979 — Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 293—298. [Kholodovich A. A. Towards the problem of the sentence dominant. *Kholodovich A. A. Problemy grammaticheskoi teorii*. Leningrad: Nauka, 1979. Pp. 293—298.]
- Черкасова 1967 — Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. [Cherkasova E. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The transformation of autonomous words to prepositions]. Moscow: Nauka, 1967.]

- Шереметьева 2008 — Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. [Sheremet'eva E. S. *Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Denominative relatives in Modern Russian. Semantic-syntactic essays]. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2008.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77—100. [Shcherba L. V. On parts of speech in Russian. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad: Nauka, 1974. Pp. 77—100.]
- Isačenko 1962 — Isačenko A. V. *Die Russische Sprache den Gegenwart. T. 1: Formenlehre*. Halle: Niemeyer, 1962.

Получено / received 29.11.2016

Принято / accepted 07.02.2017

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2017

Екатерина Николаевна Виноградова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ekaterinavin@mail.ru

В статье дается анализ основных современных грамматических и лексикографических описаний предлога, перечисляется около 900 единиц, относимых к предлогам, формулируются проблемы, встающие перед лексикографами и грамматистами при категоризации предлогов, предлагаются возможные пути преодоления неоднозначности в составлении реестров предлогов.

Ключевые слова: грамматика предлога, грамматикализация, лексикография предлога, предлог, предложная единица, служебное слово

PREPOSITIONS IN MODERN RUSSIAN: LEXICOGRAPHY AND GRAMMATICAL DESCRIPTION

Ekaterina N. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ekaterinavin@mail.ru

The article deals with modern grammatical and lexicographic descriptions of preposition, about 900 Russian prepositions mentioned in various sources are listed. The author considers the main problems that arise while characterizing prepositions and suggests some feasible solutions.

Keywords: functional word, grammar of preposition, grammaticalization, lexicography of preposition, preposition, prepositional unit

Введение

Начиная со второй половины прошлого века проблемы переходности, ярчайшие примеры которой демонстрируют предлоги, всерьез завладели умами русистов. По-видимому, это произошло с легкой руки академика В. В. Виноградова, писавшего, что «вместе с образованием новых типов предлогов меняется и общий морфологический облик этой грамматической категории» [Виноградов 1947/1972: 533]. Эта, на взгляд филистера, служебная и «маленькая» часть речи, как ни парадоксально, ставит перед исследователями целый ряд проблем, многие из которых пока не нашли своего решения. Наша статья посвящена анализу и сопоставлению современных грамматических и лексикографических описаний предлогов, выявлению в них «проблемных зон» и поиску возможных подходов к снятию неточностей и неоднозначностей, характеризующих «портрет» предлога сегодня. Материалом для исследования послужили работы [Виноградов 1947/1972; Леденев 1966; Черкасова 1967; РГ 1980; Богданов, Рыжова 1997; Морковкин 1997; Ефремова 2001; Рогожникова 2003; Шиганова 2003; Лепнев 2009; 2010; Бурцева 2010]. Объединение реестров предлогов данных изданий составляет 890 единиц, однако в связи с невозможностью приведения сводной таблицы в статье принят принцип последовательного увеличения списка предлогов в соответствии с добавлением в анализируемых источниках новых предложных единиц, что

позволяет продемонстрировать весь диапазон предлогов, выделяемых сегодня. Кроме того, отметим определенную относительность количественных характеристик: точные подсчеты зачастую представляются затруднительными и нерациональными в связи с тем, что авторы по-разному относятся к единице описания, например: *через, черезо, чрез и чрезо* — это один предлог, два, три или четыре? Ср. также: *силой в и силою в, в сопровождении и в сопровождени, в преддверии, в преддверьи и в преддверье* и т. п. Считать ли одним предлогом или разными *в + В. п.* и *в + П. п.*, *во благо + Р. п.* и *во благо + Д. п.*, а также лексико-семантический вариант (ЛСВ) одной лексемы, ср. более 30 значений предлога *на* в [БАС]. В целях экономии объема мы относили все указанные варианты к одному предлогу.

1. Постановка проблемы. Обзор существующих лексикографических и грамматических описаний предлогов

Очевидно, что изначально к предлогам было принято относить лишь простые непрямые производные единицы типа *въ, на, о, при, у, изъ, къ* и т. п. Однако даже сопоставление первых грамматик собственно русского языка — Генриха Лудольфа 1696 г. [Ларин 2002] и Михаила Ломоносова 1755 г. [1952], несмотря на совпадение числа предлогов (24), демонстрирует разночтения в понимании этой части речи. Так, Лудольф не смешивает приставки и предлоги, и потому в его списке отсутствуют *возь, вы, низъ, разъ*, обязательное слитное написание которых отмечает Ломоносов (сюда же, по-видимому, можно отнести и *пре*). В то же время русский ученый выводит в отдельную группу (помимо 24 основных) предлоги, которые «суть купно и наречия»: *прежде, внутри, внигъ, блиско, противу, около, подль, чрезъ, сквозь, послъ, мимо, кромъ* и др. (список открытый). Лудольф вносит в свой реестр предлоги *кромъ, околь, после, прежде, противъ*, а также называет два предлога, не зафиксированных у Ломоносова (*безъ* и *опричъ*), в свою очередь, последний пополняет список немецкого ученого тремя прямыми предлогами (не считая приставок): *межь, надъ, ради*.

Парадоксальным образом вопрос о количестве предлогов в русском языке за три столетия так и не решился. На сегодняшний момент не существует единого общепринятого списка русских предлогов. Так, например, реестр предлогов, предлагаемый последней академической грамматикой [РГ 1980], зачастую не совпадает с данными словарей и других специализированных словариков. Так, в [СТС] не указано более половины предлогов РГ-80, в [Морковкин 1997] — больше четверти. В РГ-80 отмечены, а в [СОШ] нет: *без помощи, без сопровождения, в контраст, в направлении, вне границ, вне пределов, вне рамок, вне сферы, в содружестве с, через посредство*. И наоборот, в СОШ выделены, а в РГ-80 не указаны: *в глазах, в добавление к, в завершение, в заключение, во главе, во избежание, в противность, в разрезе, в расчете на, в сопоставлении с, в составе, в ущерб, в числе, под властью, при виде* и др. Словники предлогов в современных специальных изданиях неуклонно расширяются. Очевидно, что такая картина связана с появлением большого числа «предполагающихся» единиц, ср.: «в современной речевой практике, а тем более речевой стихии, растет число неупорядоченных “предложных сочетаний”» [Лекант 2015: 61].

Вопрос о росте новых типов отыменных, отглагольных и наречных предлогов первым, по-видимому, поставил В. В. Виноградов [1947/1972], включив в структурные ряды предлогов «сложные типы предложных словосочетаний», например: *независимо от, впрдь до, в отношении к, применительно к, в связи с, согласно с, следом за, вслед за, по направлению к, глядя по, несмотря на, не смотря на¹, не говоря о* и др. Рискнем предположить, что ученый выделил данную группу на основании наличия первообразного предлога в постпозиции к мотивирующему слову, ср. отмеченные наречные предлоги *согласно*,

¹ Отметим, что в ряде случаев написание предлогов различается, мы сохраняем вариант цитируемого автора.

вслед, отыменной *в отношении*, в то время как среди наречных, отыменных и отглагольных предлогов нет ни одного предлога с первообразным предлогом после мотивирующей лексемы². В целом в работе названо 120 предлогов (списки предлогов открытые), включая перечисленные выше сложные типы предложных сочетаний: *без(о), благодаря, близ, в(о), в видах, ввиду, в деле, вдоль, включая, в лице, вместо, вне, внутри, внутрь, в области, возле, вокруг, вопреки, в отношении, впереди, в пользу, в продолжение, вроде, в силу, вследствие, в смысле, в сопровождении, в сторону, в течение, в целях, в части, выключая, для, до, за, за счет, из(о), из-за, из-под, исключая, к(о), касательно, кончая, кроме, кругом, меж, между, мимо, на, над(о), наподобие, напротив, на путях, наспротив, насчет, начиная (с), не считая, о(б)(о), около, окрест, от(о), относительно, перед(о), по, поверх, под, под видом, подле, подобно, по-за, позади, по линии, по мере, по-над, поперек, по поводу, по причине, по пути, посередине, после, по случаю, посреди, посредством, по части, пред(о), прежде, при, при посредстве, про, промеж, против, путем, ради, с(о), сзади, сквозь, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно, со стороны, с помощью, спустя, среди, у, через (чрез).*

Дальнейшее развитие идея об изменении морфологического облика предлога находит в ставшей классической для исследователей этой части речи работе Е. Т. Черкасовой [1967], которая детально анализирует 107 производных предлогов, на 57 единиц пополняя список, предложенный в [Виноградов 1947/1972]: *вдоль по, в зависимости от, в интересах, в качестве, в направлении (к), во время, во имя, в отличие от, вплоть до, в подобие, в противность, в противоположность, в рассуждении, в согласность (с), в сообразность (с), в соответствии с, в соразмерность, в сравнении с, в сходственность (с), в сходстве (с), в сходство (с), за исключением, навстречу к, назад / тому назад, на предмет, на протяжении, насчет, начиная от, не в пример, подобием, помощью, по отношению к, по сравнению с, предварительно, при помощи, противно, смотря по, сообразно (с), соответственно (с), соразмерно (с), сравнительно с, сходно (с), сходственно (с), с целью, через помощь, через посредство. В то же время ряд предлогов из [Виноградов 1947/1972] автор не рассматривает: *впереди, впродолжение, в сопровождении, глядя по, кончая, кругом, на путях, не говоря о, поверх, под видом, позади, по пути, посередине, применительно к.**

Одновременно с книгой Черкасовой выходят малоизвестные, но поистине революционные словарные материалы [Леденев 1966], где перечислено около ста новых по отношению к [Виноградов 1947/1972] и [Черкасова 1967] предлогов: *ближе, вблизи (от), в виде, в глубине, вглубь, в даль, в дело, в довершение, вдогонку (за), в доказательство, в дополнение, в духе, в завершение, в заключение, в знак, в количестве, в конце, вкупе с, влево от, в меру, вместе с, в начале, вниз по, внизу, в область, в обмен на, во власти, во главе (с), в означение, во избежание, во изменение, во славу, в ответ на, в плане, вплотную к, в поле, в порядке, вправо от, в приложение к, в противовес, в рамках, в рамки, в результате, вровень с, в роли, в свете, в середине, в случае, в сочетании (с), в стороне (от), в ходе, в центре, выше, дальше, для ради, за вычетом, изнутри, из среды, исходя из, левее (от), навстречу, на грани, на дело, наискосок от, наискось от, накануне, налево от, на основании, наперекор, направо от, наравне с, наряду с, незадолго до, ниже, поблизости от, по вине, по вопросу, под знаком, под предлогом, помимо, по примеру, по пути к, по существу, правее, рядом с, сбоку от, сверху, свыше, слева от, совместно с, справа от, с точки зрения, судя по. В то же время некоторые предлоги, упомянутые в [Виноградов 1947/1972], не включены в список: *в видах, насчет, с помощью, в пользу, в продолжение, в связи с, вследствие, в части, выключая, глядя по, на путях, наспротив, независимо от, по направлению к.**

РГ-80 существенно расширяет представления о предлогах, смело (хотя отчасти и опрометчиво) давая закрытый список из 210 предлогов, ср. новые по отношению к [Виноградов 1947/1972; Леденев 1966; Черкасова 1967]: *без помощи, без сопровождения, в адрес, в границах, вдалеке от, вдали от, в ипостаси, в контраст, вне границ, вне пределов, вне рамок, вне*

² Исключением является лишь один отглагольный предлог *начиная*, для которого вариант управления (*кем / чем?* или *с кого / с чего?*) дан в скобках.

сферы, в пределах, в районе, в согласии с, в содружестве с, в сообществе, в сфере, в счет, в унисон с, в уровень с, в условиях, в честь, наверху, на пути (к), недалеко от, не доходя (до), округ, по адресу, погода, по образцу, порядка, при условии, пройдя, сбоку, считая, типа.

Тем не менее в реестр РГ-80 не попадают:

- 8 предлогов из [Виноградов 1947/1972]: *в лице, в части, выключая, в видах, в от-
ношении к, исключая, на путях, не говоря о;*
- 31 предлог из [Черкасова 1967]: *в видах, вдоль по, в лице, в подобие, в противополож-
ность, в рассуждении, в согласность (с), в сообразность (с), в соразмерность, в сходствен-
ность (с), в сходстве (с), в сходство (с), в части, навстречу к, назад, подобием, по-
мощию, предварительно, противно, смотря по, сравнительно с, сходно (с), сход-
ственно (с), через помощь;*
- 64 предлога из [Леденев 1966]: *ближе, в глубине, в даль, в дело, в довершение, вдо-
гонку (за), в доказательство, в дополнение, в завершение, в заключение, в количе-
стве, в конце, вкупе с, влево от, в меру, в начале, вниз по, внизу, в область, в обмен на,
во власти, во главе (с), в ознаменование, во избежание, во изменение, во славу, в плане,
вплотную к, в поле, вправо от, в приложение к, в рамки, в середине, в сочетании (с),
в центре, выше, дальше, за вычетом, изнутри, из среды, левее (от), на грани, на дело,
наискосок от, наискось от, налево от, направо от, незадолго до, ниже, поблизо-
сти от, по вине, по вопросу, под знаком, по примеру, по существу, правее, сбоку от,
слева от, справа от, с точки зрения.*

Таким образом, наряду с количеством предлогов растет и степень субъективности при отнесении той или иной единицы к их числу. Прекрасной иллюстрацией этого положения являются сводные таблицы русской служебной лексики [Богданов, Рыжова 1997], где обобщаются данные по предлогам, союзам и частицам, содержащимся в наиболее представительных (на момент составления таблиц) словарях и специально ориентированных справочниках. Общее число предлогов, указанных в данном своде, составляет 358 единиц, среди них 62 «новых» по отношению к ранее упомянутым работам: *а-ля, без ведома, в замену, в зачет, вкось, вкруг, в нарушение, вне зависимости от, в обстановке, в обход, в память, вперед, в передвижении, в предвкушении, в преддверии, в процессе, в распоряжении, в расчете на, в ущерб, в числе, далеко за, замест, заместо, касаемо, край, круг, минус, на базе, на благо, на основе, на почве, на правах, на случай, на смену, невзирая, не до, несмотря, оба-пол, обок, кроме, окромя, oprичь, от имени, перед лицом, плюс, близости, позадь, посере-реди, посередь, посредь, превыше, преж, промежду, противу, сверху, с середи, середь, сквозь, снизу, сопровтив, спереди, с учетом.* Отметим, что «поставщиком» большинства актуальных предлогов в этом списке явился словарь [Рогожникова 1991]. Последующие лексикографические произведения, посвященные предлогам, лишь усиливают тенденции «роста» числа предлогов и «субъективизма» составителей.

В [Морковкин 1997] выделено 205 предлогов, ср. небольшие дополнения к предыдущим источникам: *в форме, в число, далеко от, за границы, за пределами, за пределы, за рамками, за рамки, именем, имени, недалеко от, неподалеку от, позже, по истечении, поодаль от, по прошествии, раньше, считая от, считая с.* Однако целый ряд предлогов из РГ-80 в этот список не входит: *без помощи, без сопровождения, вглубь, в границах, в ипостаси, в контраст, в направлении к, вне границ, вне пределов, вне рамок, вне сферы, внутри, внутрь, в пределах, в противовес, вровень с, вслед, в согласии с, в содружестве с, в сообществе с, в сторону от, в унисон с, в уровень с, глядя на / по, для ради, касательно, меж, на пред-мет, на пути (к), наверху, на счету, начиная, не доходя (до), округ³, погода, подле, по-за, по образцу, по пути к, пред, прежде, пройдя, сбоку, следом за, со стороны, сообразно (с),*

³ Прикладными задачами словаря, выполненного в Институте русского языка имени А. С. Пушкина, вполне объясняется отсутствие в нем устаревших вариантов, хотя подобная помета и пред-смотрена.

соответственно (с), соразмерно (с). Отметим, что даже сопоставление количества предлогов в работах, вышедших в 1997 г. [Богданов, Рыжова 1997; Морковкин 1997], — 328 и 205 соответственно — демонстрирует значительные расхождения в понимании объема предлога как части речи. Подчеркнем, что во всех без исключения последующих источниках будет отсутствовать целый ряд предлогов, называвшихся ранее; из соображений экономии объема мы не приводим списки расхождений; кроме того, даже в самых «коротких» реестрах обнаруживается как минимум один неповторимый (т. е. не повторяемый в других работах) предлог, например: *вовне* в [СТС], *по предположениям* в [Рогожникова 2003].

В «Толковом словаре служебных частей речи» [Ефремова 2001] рассматривается 350 заголовочных единиц, посвященных предлогам, однако нужно учитывать, что автор выделяет в разные словарные статьи предлоги *без* и *безо*, в *память о* и *в память об*, в *сравнении с* и *в сравнении со* и др. Несомненным достоинством данного словаря является отнесение каждой заголовочной единицы к какой-либо части речи, что не всегда характерно для современной лексикографической практики; так, с пометой «предлог» даются *в предвкушении*, *в преддверии*, *по праву*, *с ведома* (отмечались лишь в [Рогожникова 1991] как «аналоги» предлогов), *в применении к*, *в ранге* (только в [СОШ] «в знач. предлога»). В целом в словаре охарактеризованы следующие «новые» предлоги: *без разрешения*, *без согласия*, *в глазах*, *вдобавок к*, *вдогон (за)*, *вдогоночку*, *во исполнение*, *в отдалении от*, *в память о/об*, *в предвидении*, *в присутствии*, *вразрез*, *в разрезе*, *в согласии*, *в составе*, *в угоду*, *за границами*, *за недостаточностью*, *из пределов*, *из рамок*, *из числа*, *к числу*, *на глазах у*, *на манер*, *наперерез*, *на путях к*, *на радость*, *на стороне*, *на сторону*, *на уровне*, *на фоне*, *независимо*, *обочь*, *от лица*, *по аналогии*, *под председательством*, *под эгидой*, *по направлению*, *по праву*, *по стопам*, *при всей*, *при всех*, *при всем*, *с ведома*, *силами*, *снаружи*, *что до*. Отметим, что автор впервые вводит предлог, образованный от существительного в Т. п. мн. ч. *силами* (подробнее о грамматикализации форм типа *заботами*, *силами*, *трудами*, *усилиями*, *хлопотами* см. [Виноградова 2013]), а также синтаксически сложные единицы (*при всей*, *при всех*, *при всем*, *что до*).

Классический «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» [Рогожникова 2003] включает около 150 предлогов и их аналогов, состоящих более чем из одного слова. Основная часть этих единиц уже отмечена в [Рогожникова 1991] и, соответственно, в [Богданов, Рыжова 1997], поэтому сделаем лишь несколько замечаний относительно данного словаря. Прежде всего, принятая в работе классификация сочетаний, эквивалентных слову, как кажется, не всегда последовательна. Так, целый ряд единиц охарактеризован с точки зрения синтаксической функции без указания частеречной принадлежности, например с пометой «в роли сказуемого»: *в состоянии*, *на счету у* и др.; «в составе вводного сочетания»: *по выражению*, *по мнению*, *по словам* и др. Р. П. Рогожникова также вводит понятие «аналоги» для групп эквивалентов слова, которые не перешли в разряд служебных слов, но в предложении выполняют функции определенных частей речи, однако критерии разграничения «аналогов» и «полноценных» служебных слов не названы, потому зачастую единицы, отнесенные в РГ-80 к предлогам, попадают в разряд «аналогов» предлога, таковы, например: *в адрес*, *в духе*, *в знак*, *в интересах*, *в ответ на*, *в пользу*, *в соответствии*, *в ходе*, *в целях*, *на основании*, *на пути*, *по адресу*, *под предлогом*, *под видом* и пр. Некоторые предлоги, зафиксированные в РГ-80, в словаре [Рогожникова 2003] не упоминаются: *без помощи*, *в границах*, *в пределах*, *в районе*, *в содружестве с*, *в согласии с*, *в уровень*, *по образцу*, *при условии* и др.

Г. А. Шиганова [2003] также рассматривает единицы, которые представляют собой сочетания слов, относя их к фразеологическим предлогам в противоположность к однословным лексическим предлогам. Данная работа во многом является пионерской, так как значительно увеличивает состав предлогов (465 фразеологических предлогов). По сравнению с рассмотренными источниками «новыми» являются: *без доли*, *безотносительно к*, *без расчета на*, *без тени*, *без ущерба для*, *без цели*, *близко к / от*, *в авангарде*, *в атмосфере*, *вверх по*, *в виду*, *в вопрос (о)*, *в вопросах*, *в вопросе (о)*, *в годы*, *в голове*, *в дни*, *в добавление к*,

в единстве с, в защиту, в зоне, в итоге, в канун, в комбинации с, в контексте, в координации с, в кругу, в миг, в момент, в направлении на, вне зоны, вне контекста, вне связи с, вне сравнения с, в ногу с, во благо, в облике, в обмен за, в обоснование, в образе, в объеме, во взаимосвязи, во вкусе, во вред, во времена, в основании, в основе, в отвлечении от, в отделении от, в отрыве, в отходе от, в период, в поддержание, в поддержку, в подражание, в подтверждение, в положении, в помощь, в пору, в последствии, в предложении, в применении к, в противоречии с, в развитие, в размерах, в размере, вразрез с, в ранг, врозь с, в руках, в русле, в рядах, в ряде, в ряд с, в ряды, в соавторстве с, в совокупности с, в сопоставлении с, в состав, в сотрудничестве с, в союзе с, в среде, в сумме, в фундаменте, в эпоху, дохода до, емкостью в, за бортом, за время, за годы, за дело, задолго до, за кадром, за кулисами, за неимением, заодно с, за период, за плечами, за порогом, за скобками, за спиной, за стеной, за фасадом, за ширмой, за власти, из зоны, из области, к довершению, к исходу, к моменту, к направлению, ко времени, к услугам, на взгляд, на время, на границе, над головой, на долю, над ухом, наедине с, на заре, на исходе, на месте, на момент, на положении, на пользу, на пороге, на примере, на рубеже, на славу, на службу, на стыке, начиная от/с ... до/кончая, невдале от, не в пользу, одновременно с, от рук(и), перед ликом, перед носом, по вопросу, по всей строгости, по всем правилам, по (горячим / свежим) следам, под боком, под властью, под влиянием, под воздействием, под впечатлением от, под вывеской, под гнетом, под давлением, под действием, под завесой, под знаменем, под временем, под именем, под крылом, под крышей, под лозунгом, под маркой, под маской, под натиском, под ногами, под носом, по долгу, под печать(ю), под покровом, под рукой, под сенью, под соусом, под спудом, под стать, под тяжестью, под углом, под угрозой, под фирмой, под флагом, под ширмой, по милости, по образу, по обстоятельствам, по обыкновению, по окончании, по основанию, по пятам, по свидетельству, по силе, по согласованию, по соображениям, по типу, по условиям, по ходу, при наличии, при отсутствии, протяженностью в, размером в/с, рядышком с, с видом, силою в/до/от ... до, с момента, с начала, со времен, со дня, со слов, с расчетом на, стоимостью в, тиражом в, у порога, ценой в, численностью в. Хорошо видно, что новаторство автора заключается в том числе во включении в разряд предлогов единиц, восходящих к так называемым параметрическим существительным типа емкостью в, протяженностью в, размером в, стоимостью в, тиражом в, ценой в и др.; предлогов, различающихся прилагательным-конкретизатором: по горячим следам — по свежим следам; производных дистантных предлогов: начиная от ... до, начиная от ... кончая, начиная с ... кончая, начиная с ... до, силою от ... до; а также в фиксации парадигм типа: в рядах — в ряде — в ряд с — в ряды, в размерах — в размере, размером в — размером с, силою в — силою до — силою от ... до и др.

В [Бурцева 2010] описано 450 предлогов, при этом вводится целый ряд единиц, не упомянутых в вышеперечисленных источниках: боком к, в аспекте, в границы, в комплекте с, в лад, в лоно, в лоне, в награду за, в нагрузку к, в направлении от, вниз от, в окружении, в окружности, волею, в опоре на, в оплату за, вплотную с, вплоть к, в погоне за, в притык к, в ранге, времен, времена, в соприкосновении с, в стенах, в стиле, до и после, заботами, за границами, задом к, за ненадобностью, из границ, из расчета (на), исходя от, сверху от, кзади от, снизу от, минуя, на виду у, на волоске от, на волосок от, на завтра после, на задворках, назади, наизволок от, на отдалении от, на отлете от, на поводу, на подступах к, на потребу, на рельсы, невысоко над, не глядя на, не исключая, не сообразно с, не считаясь с, от ... до, от ... к, отступя от, плюс к, по аналогии с, по бокам от, по воле, под напором, под прикрытием, под руководством, под сень(ю), по направлению от, поперед, по принципу, посередке, по уполномочию, при виде, при учете, прочь от, ранее, рядом с, силою, сквозь призму, совокупно с, созвучно с, сообща с, с подачи, сродни, ценой, ценою, через призму. Отметим, что в данном словаре, по-видимому, впервые выделены сложные по структуре предлоги: *назавтра после*, *до и после*, производные дистантные предлоги: *от ... до*, *от ... к*, а также предлоги *времен* (*костры времен Средневековья*) и *времена* (*времена Петра Первого*).

М. Г. Лепневым в рамках работы над «Современным толковым словарем живого русского языка» (под рук. Г. Н. Складневской) созданы «Словарь непроезженных предлогов русского языка» [Лепнев 2009], в котором даются значение и примеры употребления 54 непроезженных предлогов⁴ (часть из них не отмечается в проанализированных выше источниках: *за-ради, из-меж, из-промеж, из-среди, противу ради*) и словарные материалы [Лепнев 2010], включающие 549 производных предлогов, охарактеризованных с точки зрения фонетических, семантических, синтаксических и стилистических особенностей, этимологии и наличия / отсутствия омонимов. Автор выделяет следующие «новые» предлоги: *аналогично (к/с), без оглядки на, без посредства, в бытность, вверх от, сверху, в видности, в глубинах, в глубину, в глубины, в довершение к, в зону, в исходе, в канве, в канву, в контакте с, в контраст(е) с, в круг, в лад с, в мире, вне круга, вне области, вне поля, вне русла, вне ряда, вне числа, в отсутствие, в нандан (к/с), в паре с, в придачу к, в противоположность к, в противоход (к), в противоходе к/с, в русло, в ряд, в соразмерность с, в супряге с, в сферу, в тандеме с, в тон, в удобность, дополнительно к, за выключением, за канвой, за минованием, за спиной у, за спину, извне, из глубин, из глубины, из канвы, из русла, из ряда, из сферы, из ... вглубь, кнаружи от, кнутри от, кпереди от, на волне, навроде, на горизонте, на канве, на ниве, на память о, наперехват, на страже, начиная (от) ... (и) заканчивая / кончая, начиная от ... и (вплоть) до, начиная с ... (и) вглубь / впрдь до / заканчивая / замыкая / по, не выключая (и), не говоря (уже) про, несообразно, от ... вглубь, от ... (и) вплоть до, памяти, под названием, позднее, по канве, по миновании, по именованию, при опоре на, сквозь призму, с оглядкой на, с опорой на, со стороны ... вплоть до, с условием, с ущербом. На наш взгляд, данную работу отличает, во-первых, большая системность, учет парадигматических связей, ср.: в канве — в канву — за канвой — из канвы — на канве — по канве; в контраст — в контраст с — в контрасте с, а во-вторых, внимание к дистантным предлогам: *начиная ... (и) заканчивая, начиная ... (и) кончая, начиная от ... (и) заканчивая / кончая, начиная от ... (и) кончая, со стороны ... вплоть до, из ... вглубь, от ... вглубь* и т. д.*

Наконец, самый широкий круг единиц рассматривается в материалах [Всеволодова и др. 2014] российской рабочей группы проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии», в рамках которого также изданы словари белорусских и украинских предлогов [Загнітко и др. 2007; Канышкewич 2008—2010]. В состав предложных Всеволодова и ее коллеги включают все единицы, выполняющие функцию предлога, независимо от их статуса и степеней нормативности, что позволяет представить всю систему языка и дать «объективную», а не «нормативную» грамматику. В первые два тома словаря (предложные единицы на буквы А—В) входит приблизительно 800 предлогов и их эквивалентов, для каждого из них дается атрибуция из 16 позиций, характеризующих различные аспекты его функционирования. Однако нужно учитывать, что в качестве отдельных заголовочных статей выделяются ЛСВ предлогов, предлоги, управляющие разными падежами, а также морфологические и графические варианты.

Что касается толковых словарей русского языка, то, например, в [СОШ] названо немногим более 400 предлогов и сочетаний с пометой «в значении предлога»; при этом отсутствует ряд предлогов, выделенных РГ-80 (*без помощи, без сопровождения, в контраст, вне грани, вне пределов, вне рамок, вне сферы, в содружестве, через посредство* и др.). Впрочем, это крайне небольшой список предлогов, которые не попадают в большинство проанализированных работ, другими словами, включение их в состав предлогов противоречит лингвистической интуиции многих лексикографов. Некоторые «бесспорные», по мнению РГ-80, предлоги получают лишь помету «в значении предлога», например *в адрес, в границах, в духе, в интересах, в ипостаси, в ответ на, в пользу, в пределах, в районе, в рамках,*

⁴ Проблемам описания семантики первообразных предлогов посвящено значительное количество работ, в частности [Июмдин 1991; В. Апресян 1995; Плунгян, Рахилина 1996; Пайар, Селиверстова 2000; Солоницкий 2003] и др.

в случае, в стороне от, в сторону (от), в унисон, в уровень, в условиях, в честь, на основании, на предмет, на пути (к), не в пример, по адресу, под предлогом, по линии, по образцу, по причине, порядка, при условии, типа⁵ и др.

В [СТС] в противоположность [СОШ] отражен узкий подход к пониманию предлога (СТС является несомненным «рекордсменом» в минимизации предложных реестров) и маркировано 105 предлогов и около 10 сочетаний «в значении предлога». Абсолютное большинство предлогов в словаре — первообразные и простые наречные, в то время как отыменные и отглагольные предлоги за редким исключением не отмечаются.

В [НОСС] исчерпывающим образом описаны ряды с доминантами: «включая» (не исключая, в том числе (частица)), «для»-1 (ради, на, за, во имя, во благо, на благо, в пользу), «для»-2.1 (ради, из-за, на, в, за, во имя, в целях, с целью), «для»-2.2 (на, под, к), «из-за» (из, от, по, с, за, благодаря, по причине, вследствие, в результате, ввиду, в силу), «кроме»-1 (за исключением, за вычетом, не считая, если не считать⁶), «кроме»-2 (помимо, не считая, не говоря уже (оборот)). Целый ряд предлогов и их аналогов выделен как самостоятельные лексические единицы в рамках других статей, ср.: в ознаменование, в отместку, в пику, в преддверии, в противовес, в расчете, в угоду, в честь, за спиной, накануне, наподобие, невзирая на, под видом и др.

Примечание. Особо отметим исследования, посвященные отдельным большим группам производных предлогов. Так, филигранные семантико-синтаксические «портреты» релятивов в случае_{1, 2, 3}, на случай, при условии, в расчете (на), в надежде (на), наподобие, подобно, в духе, вроде, на предмет, в деле, в свете, в плане, по части, в части, в / из области, в область, в / к сфере, в сферу, вне / из сферы, в адрес, в лице даны в работе [Шереметьева 2008]. З. Д. Попова [2014] группирует и описывает предложно-падежные формы с производными предлогами в зависимости от выполняемой ими синтаксической функции: в позициях традиционных членов предложения (в сфере, в области, в пределах, в границах, в рамках, в кругу, в районе, со стороны, в сторону, в направлении (к), по направлению, по линии, в русле, вслед за, в течение, на протяжении, в ходе, по мере, в процессе, в деле, в качестве, в виде, вроде, в форме, путем, посредством, с помощью, при помощи, за счет); в аблативных и комитативных конструкциях (кроме, помимо, за исключением, исключая, не говоря о, вместо, взамен, вопреки, несмотря на, невзирая на, независимо от, вместе с, наряду с, включая); в каузативных и финальных позициях (исходя из, согласно, в соответствии, применительно к, с учетом, в связи с, в зависимости от, в силу, ввиду, благодаря, вследствие, в результате, в случае, с целью, в целях); вне традиционной теории членов предложения (в сравнении с, по сравнению с, в сопоставлении с, в соотношении с, подобно, наподобие, в отличие, в противоположность, по отношению к, в отношении к, относительно, по поводу, на предмет, насчет, касательно, касаемо, в заключение, начинающая с, в смысле, в духе, типа).

Сопоставление списков предлогов в перечисленных источниках позволяет назвать три наиболее актуальные проблемы, стоящие перед исследователями предлогов:

- отсутствие однозначных критериев включения единиц в разряд предлогов;
- отсутствие системного подхода к описанию предлогов;
- смешение наречий и предлогов.

1. Как было показано выше, за последние 70 лет число предлогов, выделяемых в русском языке, увеличилось в десятки раз, при этом реестры предлогов в различных грамматических

⁵ См. интереснейшую статью о конкуренции *типа* и *вроде* [Лаптева 1983].

⁶ Все синонимы «обладают свойствами предлогов, так как управляют именными группами в форме РОД. (<...> Немного отличается от остальных синонимов оборот *Если не считать*, который еще не вполне окончательно превратился в предлог» [НОСС: 489].

и лексикографических описаниях не совпадают, и зона этих несовпадений достаточно велика. Это свидетельствует, на наш взгляд, о растущем субъективизме ученых, изучающих предлоги, и, соответственно, об отсутствии операциональных критериев, своего рода тестов для каждого «кандидата в предлоги», которые бы позволили вынести однозначный вердикт относительно его частеречной принадлежности.

2. Отсутствие системности проявляется в недостаточном учете парадигматических связей предлогов. Так, разные авторы включают в свои реестры предлоги, которые различаются:

- а) наличием / отсутствием предлога в постпозиции к предлогообразующему существительному: *вдоль* [Виноградов 1947/1972] — *вдоль по* [Черкасова 1967], *в память* [Рогожникова 2003] — *в память о* [Ефремова 2001], *в сочетании* [Леденев 1966] — *в сочетании с* [Бурцева 2010], *навстречу* [РГ 1980] — *навстречу к* [Черкасова 1967], *на пути* [РГ 1980] — *на пути в* [Шиганова 2003], *независимо* [Ефремова 2001] — *независимо от* [Виноградов 1947/1972], *плюс* [Богданов, Рыжова 1997] — *плюс к* [Бурцева 2010], *по аналогии* [Ефремова 2001] — *по аналогии с* [Бурцева 2010], *считая* [РГ 1980] — *считая от/с* [Морковкин 1997] и др.;
- б) предлогом в постпозиции к предлогообразующему существительному: *в обмен на* [Леденев 1966] — *в обмен за* [Шиганова 2003], *исходя из* [РГ 1980] — *исходя от* [Бурцева 2010], *в направлении к* [Черкасова 1967] — *в направлении на* [Шиганова 2003], *вплотную к* [Леденев 1966] — *вплотную с* [Бурцева 2010], *вплоть до* [Черкасова 1967] — *вплоть к* [Бурцева 2010] и др.;
- в) числом предлогообразующего существительного: *во время* [Черкасова 1967] — *во времена* [Шиганова 2003], *в ряду* [Рогожникова 2003] — *в рядах* [Шиганова 2003], *на пути* [РГ 1980] — *на путях* [Виноградов 1947/1972], *по вопросу* [Богданов, Рыжова 1997] — *по вопросам* [Шиганова 2003] и т. д.

Представляется, что было бы целесообразно учитывать в лексикографических и грамматических описаниях парадигмы, сформированные подобными синонимическими вариантами, и включать в словари и грамматики все единицы — члены парадигматического ряда.

Анализ лексикографических реестров предлогов также позволил выявить зафиксированные у разных авторов предлоги, мотивированные одним существительным, но передающие разное значение (в работе [Всеволодова и др. 2014] подобные варианты предлагаются объединять в семантическую парадигму), ср.: *в границах, вне границ* [РГ 1980] — *в границы, из границ* [Бурцева 2010], *во власти* [Леденев 1966] — *из власти* [Шиганова 2003], *в области* [Виноградов 1947/1972] — *из области* [Шиганова 2003], *из среды* [Леденев 1966] — *в среде* [Шиганова 2003], *в сравнении с* [Черкасова 1967] — *вне сравнения с* [Шиганова 2003], *в кругу* [Шиганова 2003] — *в круг* [Лепнев 2010], *в ранг* [Шиганова 2003] — *в ранге* [Ефремова 2001], *в ряду* [Рогожникова 2003] — *в ряде* [Шиганова 2003] — *в ряд* [Лепнев 2010] и т. п.

Сопоставительное изучение вышеперечисленных работ показало наличие также графических вариантов, связанных со слитным и раздельным написанием: *вглубь* [РГ 1980], [Бурцева 2010] — *в глубь* [Ефремова 2001⁷; Шиганова 2003], *насчет* [Виноградов 1947/1972; РГ 1980] — *на счет* [Шиганова 2003], *не взирая на* [Виноградов 1947/1972] — *невзирая* [Богданов, Рыжова 1997].

На наш взгляд, учет парадигматических связей предложных единиц позволяет избежать «потери» членов парадигмы при составлении реестров предлогов, а также дает возможность прогнозировать появление новых единиц.

3. Изучение грамматических помет в рассматриваемых словарях показало, что одни и те же единицы трактуются учеными по-разному. Прежде всего, это касается смешения

⁷ Т. Ф. Ефремова [2001] разводит с помощью орфографии предлог и наречие: *вглубь* — наречие, *в глубь* — предлог.

предлогов и наречий, характерного для ряда работ. Так, *аналогично* — предлог в [Лепнев 2010] и наречие в [Бурцева 2010], хотя в качестве примера приводится *Решать эти примеры нужно аналогично предыдущим*, где налицо управление (*аналогично чему?*), а наречие, как известно, не управляет другими формами⁸. Приведем несколько примеров, см. таблицу.

Таблица

Частеречная трактовка предложных единиц в различных источниках

Предложные единицы	Наречие	Предлог
<i>без ущерба</i>	[Бурцева 2010]: <i>Без ущерба здоровью плавал в холодной воде</i> ⁹ .	[Шиганова 2003; Лепнев 2010]
<i>в авангарде</i>	[Бурцева 2010]: <i>Наша группа была в авангарде экологического движения</i> .	[Шиганова 2003]
<i>в довершение</i>	[Бурцева 2010]: <i>В довершение непрерывных дождей начался ветер</i> .	[Леденев 1966; Шиганова 2003; Лепнев 2010]
<i>вкось</i>	[Бурцева 2010]: <i>Лента шла вкось полотница</i> .	[Богданов, Рыжова 1997]
<i>в ногу</i>	[Бурцева 2010]: <i>Шагал в ногу с веком</i> .	[Шиганова 2003]
<i>в дополнение</i>	[Рогожникова 2003]: <i>В дополнение к сказанному нужно добавить еще несколько слов</i> (аналог наречия).	[Леденев 1966; Морковкин 1997; Ефремова 2001]
<i>в подтверждение</i>	[Рогожникова 2003]: <i>И тут, словно в подтверждение слов матери, Виктор...</i>	[Шиганова 2003]
<i>в унисон</i>	[Рогожникова 2003]: <i>Внешне Пискарев в унисон с фамилией смахивал на рыбу</i> (аналог наречия).	[Богданов, Рыжова 1997; Шиганова 2003]

Безусловно, важной причиной такого неразличения является часто встречающаяся омонимия предлогов и наречий, ср. примеры из [СТС]: *Агроном предсказал дождь еще накануне* (наречие), *накануне праздника* (предлог). Отметим, что СТС является первой, по нашим наблюдениям, лексикографической работой, для которой характерно четкое разделение предлогов и наречий, всегда иллюстрируемых (в отличие от предлогов) примерами без управляемого слова. Подобные слова часто называют бифункциональными, находящимися на пересечении функционально-грамматических полей предлога и наречия. Здесь также приобретает особое значение формулирование критериев их частеречной верификации, см., например, [Панков 2009].

Итак, можно констатировать, что объем понятия предлога, а также номенклатура единиц, в него включаемых, на сегодняшний момент четко не определены.

Представим некоторые варианты разрешения «предложной» ситуации.

2. Возможные подходы к решению проблем

2.1. Использование «описательных» терминов

В большинстве современных лингвистических трудов используются термины, которые, с одной стороны, позволяют описывать языковые единицы, функционирующие как предлоги, а с другой, избегать полемики относительно частеречной трактовки данных единиц.

⁸ Другим вариантом трактовки здесь может быть расширение понимания термина «наречие» и включение в этот класс единиц, управляющих формами слов.

⁹ Примеры взяты из указанных источников. К сожалению, в [Ефремова 2001] примеры отсутствуют, хотя многие из рассматриваемых единиц отнесены к наречиям.

Так, Р. П. Рогожникова [2003] вводит термин «аналог», причем «аналоги» есть не только у предлогов, но и у единиц других частей речи. Для решения сходных задач служит понятие «эквивалент слова», развернутое обсуждение различных трактовок которого, а также убедительное доказательство эффективности и необходимости применения этого термина в современной лексикографии содержится в [Мустайоки, Копотев 2004]. В работе [Всеволодова и др. 2014] номинация «эквивалент» употребляется по отношению к несобственно предлогам, т. е. словоформам, выполняющим функцию предлога, но остающимся в той или иной степени в рамках своей части речи. Для обозначения же всего корпуса единиц, выполняющих функции предлога (как предлогов, так и их эквивалентов), в данном исследовании предлагается широкий термин «предложные единицы».

Некоторые авторы предпочитают отказаться от использования слова «предлог» даже в описательных конструктах. Е. С. Шереметьева, принимая во внимание сомнения по поводу квалификации отыменных новообразований как предлогов [Ермакова 1999; Шмелев 2002], избегает употребления слова «предлог» и вводит термин «отыменной релятив» по отношению к «служебным единицам отыменного происхождения, которые выполняют функции, подобные функциям предлогов, но не равные им» [Шереметьева 2008: 8]. В работах челябинской школы к качеству синонимов используются термины «фразеологические предлоги» и «релятивные фразеологизмы» [Шиганова 2003, Чепасова и др. 2007].

В СОШ, как известно, употребляется помета «в значении предлога», в [РСС] — «в роли предлога». При этом данной пометой в РСС обозначается очень широкий круг единиц, ср.: *в ранг, в ранге, в режиме, в сочетании, в статусе, на базе, под вывеской, под личиной, под маской, под покровом, под прикрытием, под фирмой* и др., который будет, по замыслу авторов, представлен в специальном томе. Для авторов [НОСС] термином, позволяющим не давать в некоторых случаях частеречную квалификацию, является слово «лексема», хотя зачастую в данной работе делаются новаторские и смелые (в хорошем смысле!) утверждения, ср. о предложной природе оборота *Если не считать* [НОСС: 489] (см. сноску 6).

Продуктивным представляется в этой связи использование понятия «функционально-грамматическое поле предложных единиц», введенного в [Всеволодова и др. 2014], так как оно позволяет рассматривать в рамках единой системы все единицы, выступающие в функции предлога: ядро поля, безусловно, образуют немотивированные (непроизводные, или первообразные) предлоги, приядерную зону — мотивированные (производные предлоги), далее следуют зоны, формируемые эквивалентами предлогов — потенциальными предлогами, аналогами предлогов и коррелятами предлогов. При подобном представлении категории предлога можно говорить о том, что в языке идет постоянное (но пословное) движение эквивалентов предлогов по направлению к ядру, в зону собственно предлогов.

Данный подход кажется вполне приемлемым, так как дает возможность описывать реальное функционирование языка, что необходимо на сегодняшнем этапе развития лингвистики, и оставляет будущим поколениям лингвистов решать (или не решать) вопросы частеречной категоризации данных единиц.

2.2. Классификации частей речи и служебные слова

Во время обсуждения на симпозиуме русистов критериев объективной оценки степени перехода слов одной части речи в другую Н. Д. Голев прозорливо заметил, что решение вопроса об «определенности» той или иной единицы неразрывно связано с проблемой классификации и определения частей речи. Действительно, в зависимости от того, как трактуется предлог и какое место в частеречной системе он занимает, возможно включение в состав предлогов более или менее широкого круга единиц. Как известно, подходы к описанию служебных слов значительно различаются в концепциях Ф. И. Бушлаева, Ф. Ф. Фортунатова, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой и др. Видимо, подобная неоднозначность трактовок и привлекает исследователей к описанию служебных частей речи в целом, как слов, которые «не имея “самостоятельного”

номинативного лексического значения, не имея словоизменения, {...} составляют некую аморфную массу как бы не подлежащих систематическому описанию лексических единиц» [Крейдлин, Поливанова 1987: 106]. Так, помимо служебных слов в [Ефремова 2001] входят также наречия и предикативы; Морковкин [1997] включает и междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные и полусвязочные глаголы, связки; Бурцева [2010] добавляет к ним слова, употребляемые в значении сказуемого, и словосочетания. Описанию одной группы служебных слов, во французской традиции называемой дискурсивными словами, посвящен [Путеводитель 1993] и последующие работы в этой области. Некоторые дискурсивные слова, именуемые «словами-гибридами», детально проанализированы в [ССС].

Отметим, что для всех подобных лексикографических работ исключительно важно понятие омонимии, которая присуща многим служебным единицам и наблюдается как внутри служебных слов, так и со словами знаменательных частей речи. Еще одной яркой особенностью служебных слов является их бо́льшая по сравнению с самостоятельными словами грамматичность, что и требует от лингвистов разработки специальных лексикографических атрибуций, не совпадающих с описаниями для знаменательных частей речи.

2.3. Поиск объективных критериев определительности и проблемы грамматикализации

Относясь к сфере грамматических средств языка, служебные слова обнаруживают разную степень грамматикализации [ЛЭС]. Другими словами, многие предложные единицы, так «разномастно» трактуемые исследователями современного русского языка, находятся на разных стадиях своего пути перехода в предлоги как часть речи. Этот процесс «превращения в предлог» наиболее корректно, на наш взгляд, описывать в русле теории грамматикализации, которая понимается как большее или меньшее ослабление «лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания, с последующим превращением его из лексически значимого (полнозначительного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом — в аналитическую форму слова» [Жирмунский 1965: 12]¹⁰.

Таким образом, для определения стадии перехода, а также для уверенной констатации полного «определяемости» той или иной единицы актуальной становится задача формулировки и иерархизации объективных критериев грамматикализации. В зарубежной лингвистике к механизмам грамматикализации обычно относят десемантизацию, генерализацию контекстов, декатегоризацию и фонетическое упрощение, ср. работы классиков теории грамматикализации ([Bybee et al. 1994; Lehmann 1995; Heine, Kuteva 2002; Hopper, Traugott 2003] и др.). В русской традиции первопроходцем в области формулирования критериев перехода слов одной части речи в другую была, по-видимому, Т. С. Тихомирова [1972], назвавшая следующие принципы: расхождение в лексическом значении / наборе лексико-семантических вариантов исходной словоформы и деривата; выпадение деривата из морфологической парадигмы исходного деривата, потеря синтаксического деривата исходной части речи. М. В. Всеволодова [2011] добавила к этому списку такие операциональные критерии, как наличие морфосинтаксической парадигмы, членом которой является данная единица; возможность постановки падежного вопроса от предложной лексемы; невозможность элиминировать из состава предложной единицы базовый компонент. Дальнейшая работа по поиску, формулированию и иерархизации критериев «определяемости» представлена в [Виноградова 2016], где рассматриваются тип синтаксемы, формируемой предложной единицей,

¹⁰ Отметим, что сходные процессы, но в других терминах — циклов микроуровневого развития служебных слов — рассмотрены в работе А. С. Цоя [2008], выделяющего три этапа развития языкового знака: уподобление знаменательных слов служебным, диффузия производных предлогов в составе предложно-падежных сочетаний, развитие производных предлогов в компоненты союзов.

степень метафоризации, возможность / невозможность предложной единицы присоединять прилагательное-модификатор, морфологическая специализация по отношению к другим словам того же ряда; а также демонстрируется применение указанных критериев на материале 27 предложных единиц, включающих лексемы *глаз* и *лицо*.

Думается, что формулировка достаточного и необходимого количества критериев, которые бы позволили однозначно относить (или не относить) единицу, выполняющую функции предлога, к предлогам как части речи, позволила бы значительно объективировать лингвистические описания предлогов.

2.4. Создание грамматики предлога

В настоящий момент актуальным становится создание грамматики предлога, системно характеризующей предлоги с учетом их реального функционирования. Представляется, что подобная грамматика должна включать детализированное описание семантики и парадигматики предлогов, их синтаксического и коммуникативного потенциала, продуктивных моделей образования, структурных типов (ср. «академическое» разделение на отыменные, отглагольные и наречные предлоги, проводимое по разным основаниям — словообразовательному для первых двух типов и функциональному для наречных предлогов) и т. д. Безусловно, каждый из аспектов грамматики предлога требует всестороннего детального изучения, в то же время он должен органично входить в системное лингвистическое описание данной части речи. Ниже предлагается один из возможных подходов к подобной дескрипции парадигматики предлогов.

Ю. Д. Апресян [1995] давно показал, что для предлогов релевантны и синонимические, и антонимические, и конверсные отношения, наряду с омонимией относящиеся к области лексической парадигматики. В исследовании [Всеволодова и др. 2014] выделяются грамматическая и текстовая парадигмы предлога. Грамматическая парадигма состоит, в свою очередь, из семантической и морфосинтаксической, которая, как показали наши материалы, может быть очень обширной. Представляется, что аналогично наречиям [Панков 2008] предлоги обладают и коммуникативной парадигмой, отражающей функционирование предложной синтаксемы в коммуникативной структуре предложения. Таким образом, система парадигм предлога может выглядеть следующим образом.

3. Система парадигм предложной единицы

1. **Морфонологическая** парадигма: *без — безо, по направлению к — по направлению ко, через — чрез, силой — силою.*
2. **Графическая** парадигма: *в глубь — вглубь, в предвкушении — в предвкушении, а-ля — à la.*
3. **Грамматическая** парадигма:
 - 3.1. Морфосинтаксическая парадигма, сформированная синонимическими вариантами, различающимися:
 - наличием / отсутствием первообразного предлога:
 - в препозиции к предлогообразующему существительному: *при посредстве — посредством, именем — по имени, волею — по воле;*
 - в постпозиции к предлогообразующему существительному: *в тон — в тон к, без ущерба — без ущерба для, на глазах — на глазах у, в направлении — в направлении к;*
 - числом предлогообразующего существительного: *из глубины — из глубин, в ладу с — в ладах с;*
 - падежом предлогообразующего существительного: *в контраст с — в контрасте с, в пандан к — в пандане к;*

- первообразным предлогом:
 - в препозиции к предлоγοобразующему существительному: *при поддержке — с поддержкой, в адрес — по адресу, в опоре на — при опоре на — с опорой на, в вопросах — по вопросам*;
 - в постпозиции к предлоγοобразующему существительному: *близко к — близко от, в направлении к — в направлении на, в тон с — в тон к*;
 - падежом вводимого предлогом актанта: *в пандан чего? — в пандан чему?, в ущерб чего? — в ущерб чему?, в замену чего? — в замену чему?*
- 3.2. Семантическая парадигма¹¹, формируемая предлогами, образованными от одной лексемы, но имеющими разные конкретные значения в рамках одной функционально-семантической категории и различающимися:
 - предлогом в препозиции к предлоγοобразующему существительному: *в границах — вне границ — из границ — за границами, в связи с — вне связи с*;
 - предлогом в постпозиции к предлоγοобразующему существительному: *по направлению к — по направлению от*;
 - падежом предлоγοобразующего существительного: *в сферу — в сфере, в кругу — в круг, в ранг — в ранге*.
- 4. Лексическая парадигма:
 - антонимия:
 - лексическая: *в защиту — против, благодаря — вопреки, во вред — на пользу, внутри — вне*;
 - морфосинтаксическая: *в границах — вне границ, в рамках — за рамками, с оглядкой на — без оглядки на, в сторону — в сторону от*;
 - синонимия:
 - лексическая: *в дополнение — в пандан, недалеко от — близко к*;
 - морфосинтаксическая: *во благо кого? — во благо кому?, в поиске чего? — в поисках чего?*;
 - конверсия: *в виду₁ (Вдыхая морской освежительный воздух, Качаясь на синезеленых волнах, В виду берегов Скандинавии, Я думал, мой друг, о тебе... (К. Бальмонт)) — в виду₂ (Отступить в виду вражеской армии через узкое ущелье было бы безумием (Л. Гумилев))*;
 - омонимия: *вроде — частица и предлог, мимо — наречие и предлог*.
- 5. Текстовая парадигма:
 - сочетаемость с анафорическими местоимениями: *во время поста — в это время, вместо поста — вместо него, за рамками поста — за его рамками*;
 - способность выступать с эллиптированным существительным: *Ланцелот. Он в шапке-невидимке. Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой (Е. Шварц)*;
 - возможность адъективации: *в условиях севера — в северных условиях, в сфере экономики — в экономической сфере*.
- 6. Коммуникативная парадигма — способность предлога вместе с вводимой им словоформой занимать различные позиции в коммуникативной структуре предложения. На данный момент кажется, что в рамках этой парадигмы можно объединить

¹¹ Вероятно, термин «семантическая парадигма» не очень удачен ввиду того, что члены данной парадигмы различаются лишь лексико-грамматическими семами, ср.: *в границах* (сопространственность, статичность) — *за границами* (несопространственность, статичность) — *в границы* (сопространственность, динамичность, директив-финиш) — *из границ* (сопространственность, динамичность, директив-старт) — *за границы* (несопространственность, динамичность, директив-финиш) — *из-за границы* (несопространственность, динамичность, директив-старт). Возможно, было бы корректнее говорить о «семантико-синтаксической» или «лексико-грамматической» парадигме в противовес морфосинтаксической.

достаточно разноплановые характеристики коммуникативного поведения предлогов (однако дальнейшая работа может показать необходимость более дифференцированного подхода к названным ниже явлениям):

- тяготение предлога к определенным позициям в актуальном членении предложения, ср.: *а-ля* более «склонен» занимать рематические позиции, а *в довершение (к)* — тематические;
- способность предлога занимать постпозицию по отношению к управляемому имени, ср.: *славы ради, месяц спустя*;
- способность предлога занимать различные позиции с двучастными местоимениями: *по отношению друг к другу — друг по отношению к другу — по отношению к друг другу* (подробнее см. [Всеволодова и др. 2014]); ср. примеры из [НКРЯ]: *Просто в силу возраста и сложившейся нашей мальчишеской компании в классе мы ощущали себя по отношению друг к другу достаточно свободно* [А. Медведев. Территория кино (1999—2001)]; *Дайте руку, которую я так давно не держал, — мы для великого, для искренности делающиеся врагами, мы, создающие свое друг по отношению к другу отчуждение, ради чистой совести, ради величия — не для нас ли только и существует искусство?* [Н. Н. Пунин. Письма А. Е. Арнс (1913)]; *Субъективные чувства в человеке и объективная атмосфера вне его настолько самостоятельны по отношению к друг другу, что человек, пребывая в чуждой ему атмосфере, все же может удержать в себе свое личное чувство* [М. А. Чехов. О технике актера (1945)].

Подобное представление о грамматике предлога позволяет корректно описывать морфологические и графические варианты предлогов; учитывать грамматическую парадигму в полном объеме и представлять морфосинтаксические и семантические (лексико-грамматические) модификации предлогов, образуемых одной мотивирующей лексемой; избежать «потери» предлогов, формирующих различные типы лексических парадигм; адекватно формулировать особенности поведения предлогов в тексте и в коммуникативной структуре предложения. Грамматика такого типа может дать алгоритм правильного употребления предлога в речи, отражая системность лексики, что, в частности, особенно актуально при обучении русскому языку как иностранному и, думается, при создании автоматических переводчиков.

Заключение

Таким образом, анализ современных лексикографических и грамматических описаний показал, что предлог как морфологическая категория активно меняет свой облик, вовлекая в свою сферу все большее число новых единиц. В то же время сопоставление лингвистических исследований, посвященных предлогам, демонстрирует расхождения не только в понимании объема данной части речи в русском языке, но и в номенклатуре предлогов: реестры предлогов зачастую не совпадают в значительной степени. Подобные разночтения свидетельствуют о субъективизме ученых при категоризации предлогов и об отсутствии общепринятых однозначных критериев, позволяющих отнести ту или иную языковую единицу к предлогам, причем строгие критерии необходимы для верификации частеречной принадлежности в двух типах оппозиций: «предлог» vs. «предложно-падежное сочетание в функции предлога» и «предлог» vs. «наречие». Еще одной актуальной проблемой можно назвать отсутствие системности в описании предлогов.

Для решения названных проблем релевантными представляются создание грамматики предлога, поиск критериев грамматикализации, использование понятия «функционально-грамматическое поле предлога» и описательных терминов для трактовки «спорных» единиц, а также уточнение частеречных классификаций в связи с меняющимся «имиджем» предлогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- В. Апресян 1995 — Апресян В. Ю. *Для и ради*: сходства и различия // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 17—27. [Apresjan V. Yu. "For" and "for the sake of": Common features and differences. *Voprosy jazykoznanija*. 1995. No. 3. Pp. 17—27.]
- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. I: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Ju. D. *Izbrannnye trudy: V 2 t. T. I: Leksichesкая semantika* [Selected works: In 2 vol. Vol. I: Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoj Kul'tury», 1995.]
- БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М.; Л., 1950—1965. [*Slovar' sovremennoгo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tt.* [A dictionary of Modern Standard Russian in 17 vols.]. Moscow; Leningrad, 1950—1965.]
- Богданов, Рыжова 1997 — Богданов С. И., Рыжова Ю. В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. [Bogdanov S. I., Ryzhova Yu. V. *Russkaya sluzhebная лексика. Svodnye tablitsy* [Russian auxiliary words. Synoptic tables]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 1997.]
- Бурцева 2010 — Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа, 2010. [Burtseva V. V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [A dictionary of Russian adverbs and auxiliary words]. Moscow: Drofa, 2010.]
- Виноградов 1947/1972 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. [Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian language (A grammatic theory of the word)]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1973.]
- Виноградова 2013 — Виноградова Е. Н. Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 138—163. [Vinogradova E. N. Motivated prepositions and equivalents of prepositions: Paths of grammaticalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2013. No. 4. Pp. 138—163.]
- Виноградова 2016 — Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25—50. [Vinogradova E. N. Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names). *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No. 1. Pp. 25—50.]
- Всеволодова 2011 — Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103—136. [Vsevolodova M. V. Revisiting operational methods of prepositional units categorization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2011. No. 3. Pp. 103—136.]
- Всеволодова и др. 2014 — Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Изд-во «Едиториал УРСС», 2014. [Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinit. Kn. 1* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials for functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Book 1]. Moscow: Editorial URSS, 2014.]
- Ермакова 1999 — Ермакова О. П. Предлоги или существительные? // Семантика. Функционирование. Текст: Сб. научных трудов. Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 1999. С. 93—96. [Ermakova O. P. Prepositions or nouns? *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: Sb. nauchnykh trudov*. Kirov: Vyatka State Pedagogical Univ., 1999. Pp. 93—96.]
- Ефремова 2001 — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. [Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [A defining dictionary of Russian auxiliary parts of speech]. Moscow: Russkij Yazyk, 2001.]
- Жирмунский 1965 — Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5—57. [Zhirmunsky V. M. On analytical structures. *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunsky V. M., Sunik O. P. (eds.). Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 5—57.]
- Загнітко и др. 2007 — Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукина І. А. Словник українських прийменників. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007. [Zagnitko A. P., Danyljuk I. G., Sytar G. V., Shhukina I. A. *Slovyk ukrai'ns'kyh pryjmennykiv* [A dictionary of Ukrainian prepositions]. Donetsk: TOV VKF «BAO», 2007.]

- Иомдин 1991 — Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 36—60. [Iomdin L. L. A dictionary entry of the preposition PO. *Semiotika i informatika*. 1991. No. 32. Pp. 36—60.]
- Канюшкевич 2008—2010 — Канюшкевич М. И. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна, 2008—2010. [Kanjushkevich M. I. *Belaruskija pryznazovniki i ih analagi. Gramatyka rjeal'naga wzhyvannija. Matjeryjaly da slownika. U 3 ch.* [Belorussian prepositions and their equivalents. Real usage grammar. Materials for the dictionary. In 3 parts.]. Grodno, 2008—2010.]
- Крейдлин, Поливанова 1987 — Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106—121. [Kreidlin G. E., Polivanova A. K. On the lexicographic description of auxiliary words in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1987. No. 1. Pp. 106—121.]
- Лаптева 1983 — Лаптева О. А. *Tuna* или *vrode*? // Вопросы языкознания. 1983. № 1. С. 39—51. [Lapteva O. A. The use of *tupa* or *vrode* in colloquial Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1983. No. 1. Pp. 39—51.]
- Ларин 2002 — Ларин В. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. [Larin V. A. *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoi Rusi XVI—XVII vekov* [Three foreign sources in colloquial language of Muscovy of the 16th—17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2002.]
- Леденев 1966 — Леденев Ю. И. Материалы для словаря неполнозначных слов и их омонимов. Вопросы изучения неполнозначных слов. Ставрополь: Изд-во Ставроп. пед. ин-та, 1966. [Ledenev Yu. I. *Materialy dlya slovarya nepolnoznachnykh slov i ikh omonimov. Voprosy izucheniya nepolnoznachnykh slov* [Materials for a dictionary of synsemantic words and their homonyms. Problems of study of synsemantic words]. Stavropol': Stavropol' Pedagogical Univ. Publ., 1966.]
- Лекант 2015 — Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2015. [Lekant P. A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstruksii v sovremennom russkom yazyke* [Analytical forms and analytical structures in Modern Russian]. Moscow: Information and Publishing Department of the Moscow State Regional Univ., 2015.]
- Лепнев 2009 — Лепнев М. Г. Словарь производных предлогов современного русского языка. СПб.: Гуманитарная академия, 2009. [Lepnev M. G. *Slovar' neproizvodnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka* [A dictionary of non-derivative prepositions in Modern Russian]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2009.]
- Лепнев 2010 — Лепнев М. Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб.: ИП «Ефименко Д. Л.», 2010. [Lepnev M. G. *Russkie proizvodnye predlogi. Problemy semantiki. Slovarnye materialy* [Russian derivative prepositions. Dictionary materials]. St. Petersburg: IP «Efimenko D. L.», 2010.]
- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. Российская грамматика / Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739—1757. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. [Lomonosov M. V. *Polnoe sobr. soch. T. 7: Trudy po filologii 1739—1757* [Complete works. Vol. 7: Studies in philology 1739—1757]. Moscow; Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952.]
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. [Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [A linguistic encyclopedic dictionary]. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Морковкин 1997 — Морковкин В. В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. [Morkovkin V. V. (ed.). *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [A dictionary of Russian structural words]. Moscow: Lazur', 1997.]
- Мустайоки, Копотев 2004 — Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88—107. [Mustajoki A., Kopotev M. On the status of word-equivalents of the type *potomu chto, v zavisimosti ot, k sozhaleniyu*. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 3. Pp. 88—107.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Yu. D. Apresjan. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]

- Пайар, Селиверстова 2000 — Пайар Д., Селиверстова О. Н. (ред.). Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М.: Русские словари, 2000. [Paillard D., Seliverstova O. N. (eds.). *Issledovaniya po semantike predlogov. Sb. statei* [Studies in the semantics of prepositions. A collection of articles]. Moscow: Russkie Slovarei, 2000.]
- Панков 2008 — Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории наречной темпоральности. М.: МАКС Пресс, 2008. [Pankov F. I. *Opyt funktsional'no-kommunikativnogo analiza russkogo narechiya: na materiale kategorii narechnoi temporal'nosti* [A functional-communicative study of the Russian adverb: A case study of adverbial temporality]. Moscow: MAKS Press, 2008.]
- Панков 2009 — Панков Ф. И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12—19. [Pankov F. I. Russian adverbs in their correlation with Russian prepositions. *Mir russkogo slova*. 2009. No. 1. Pp. 12—19.]
- Плунгян, Рахилина 1996 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 1—17. [Plungian V. A., Rakhilina E. V. Polysemy of auxiliary words: Prepositions *cherez* and *skvoz'*. *Rusistika segodnya*. 1996. No. 3. Pp. 1—17.]
- Попова 2014 — Попова З. Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. [Popova Z. D. *Predlozhno-padezhnye formy i oboroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniyakh (sintaksicheskie otnosheniya i funktsii)* [Prepositional case forms and phrases with derivative prepositions in Russian utterances (syntactic relations and functions)]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ. House, 2014.]
- Путеводитель 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам. М.: Помовский и партнеры, 1993. [Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam* [A guide to discursive words]. Moscow: Pomovskii i partnery, 1993.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Рогожникова 1991 — Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. М.: Русский язык, 1991. [Rogozhnikova R. P. *Slovar' ekvivalentov slova* [A dictionary of word equivalents]. Moscow: Russkii Yazyk, 1991.]
- Рогожникова 2003 — Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: АСТ; Астрель, 2003. [Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [A defining dictionary of word combinations equivalent to words]. Moscow: AST; Astrel', 2003.]
- РСС — Русский семантический словарь / Под общ. ред. акад. Шведовой Н. Ю. Т. III. М.: Азбуковник, 2003. [*Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Shvedova N. Yu. (ed.). Vol. III. Moscow: Azbukovnik, 2003.]
- Солоницкий 2003 — Солоницкий А. В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. [Solonitskii A. V. *Problemy semantiki russkikh pervoobraznykh predlogov* [Problems of semantics of Russian non-derivative prepositions]. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2003.]
- СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed., enlarged. Moscow: Azbukovnik, 1999.]
- ССС — Словарь служебных слов русского языка / Стародумова Е. А. (отв. ред.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. [*Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [A dictionary of Russian auxiliary words]. Starodumova E. A. (ed.). Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2001.]
- СТС — Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М.: Норинт, 2008. [Kuznetsov S. A. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A modern defining dictionary of the Russian language]. Moscow: Norint, 2008.]
- Тихомирова 1972 — Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. [Tikhomirova T. S. *Protsessy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom yazyke. Avtoref. kand. diss.* [Adverbialization of the Instrumental non-prepositional case forms in Polish. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 1972.]
- Цой 2008 — Цой А. С. Служебные слова как объект русской лексикографии. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. [Tsoi A. S. *Sluzhebnye slova kak ob'ekt russkoi leksikografii* [Auxiliary words as a subject matter of the Russian lexicography]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2008.]

- Чепасова и др. 2007 — Чепасова А. М., Голощапова Т. Г., Павлова Н. А., Помыкалова Т. Е., Соловьева А. Д., Хмелева В. Н., Шиганова Г. А. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. [Chepasova A. M., Goloshchapova T. G., Pavlova N. A., Pomykalova T. E., Solov'eva A. D., Khmeleva V. N., Shiganova G. A. *Leksicheskie i frazeologicheskie predlogi v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie* [Lexical and phraseological prepositions in Modern Russian: A study guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007.]
- Черкасова 1967 — Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. [Cherkasova E. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transformation of autonomous words to prepositions]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Шереметьева 2008 — Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. [Sheremet'eva E. S. *Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Denominative relatives in Modern Russian. Semantic-syntactic essays]. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2008.]
- Шиганова 2003 — Шиганова Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2003. [Shiganova G. A. *Relyativnye frazeologizmy russkogo yazyka* [Relative phraseological units in Russian]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical Univ. Publ., 2003.]
- Шмелев 2002 — Шмелев Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 336—349. [Shmelev D. N. More on “derivative” auxiliary parts of speech and interjections. Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 336—349.]
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization*. (Cambridge textbooks in linguistics.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Lehmann 1995 — Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch*. München: LINCOM Europa, 1995.

Получено / received 20.02.2017

Принято / accepted 04.04.2017

HABBAN + ПРИЧАСТИЕ II С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2017

Владимир Анатольевич Бондарь

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; alstar@inbox.ru

В данной статье рассматривается употребление глаголов движения с конструкцией *habban* + причастие II в древнеанглийском языке. Появлению таких примеров способствует в первую очередь стально-результативная семантика конструкции, которая первоначально позволяет использовать ее с глаголами движения при прямом дополнении. Такие примеры характерны для «ядерной» семантики конструкции. Дальнейшее появление переходных глаголов движения с *habban* + причастие II можно рассматривать как распространение стально-результативной семантики на контексты с обстоятельствами направления движения, используемыми для создания предельных ситуаций. Конструкция *habban* + причастие II вписывается в такие контексты без значительных семантических сдвигов. В аналогичных примерах с конструкцией *wesan* + причастие II делается акцент на изменении местоположения или направлении перемещения субъекта без указания на преодоление пути или препятствия. Семантический анализ, проведенный на примере выборки из корпусов древнеанглийских текстов, показывает, что вышеприведенное различие между двумя конструкциями выявляется как в рамках отдельных произведений, так и в идентичных контекстах, прослеживаемых в различных рукописях одного текста.

Ключевые слова: вариативность конструкций, глаголы движения, грамматическая семантика, древнеанглийский язык, перфект, результатив

HABBAN + PARTICIPLE II WITH MOTION VERBS IN OLD ENGLISH

Vladimir A. Bondar

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alstar@inbox.ru

This paper deals with the emergence and usage of motion verbs with the construction *habban* + participle II in Old English. It is argued that the construction in question retains its statal resultative meaning at this stage of its development, allowing its usage with transitive motion verbs followed by direct objects. Such usage is considered to be a characteristic of the core semantics of the construction. The further spread of *habban* + participle II to intransitive motion verbs can be viewed as a spread of statal resultative semantics to contexts with adverbs and modifiers of direction used as the main telic component. The presence of such adverbs and modifiers contributes to the use of *habban* + participle II with no drastic change in its semantics. This semantics of *habban* + participle II is thus distinguished from that of *wesan* + participle II, the latter being used to point to a change in location or direction of the agent's motion without indicating the covering of a certain distance or overcoming a certain barrier. The semantic analysis based on the sample from corpora of Old English texts shows that the difference between the two constructions in question is seen not only in separate texts, but also in comparisons of the same contexts within manuscripts based on one text.

Keywords: grammatical semantics, motion verbs, Old English, perfect, resultative, variation of constructions

1. Вводные замечания

В древнеанглийском языке (IX—XII вв.), как и в других германских, а также романских языках, существовали такие конструкции как, с одной стороны, *habban* + причастие II, из которой в английском языке в дальнейшем развилась категория перфекта и, с другой стороны, *wesan* + причастие II, которая в отличие от аналогичной формы, использовавшейся для образования пассивного залога, выступала в качестве варианта конструкции с посессивным глаголом. Выбор между *habban* и *wesan* зависел от лексико-грамматического значения глагола в форме причастия II: с переходными глаголами употреблялся *habban*, в то время как с *wesan* использовались непереходные глаголы, в частности глаголы движения. Но уже в ранних древнеанглийских текстах IX в. вместо ожидаемого *wesan* + причастие II с глаголами движения встречается *habban* + причастие II. Это могло бы служить доказательством того, что конструкция с посессивным глаголом начинает обозначать достигнутое состояние как результат предшествующего действия, то есть выступать в качестве перфекта. Однако частотность таких примеров и семантический спектр употребляемых глаголов движения в значительной степени ограничен: из них лишь небольшое число встречается в сочетании с *habban*, остальные используются либо в претеритной форме, либо с глаголом *wesan*. К тому же семантика самой конструкции *habban* + причастие II вызывает много споров: ряд морфосинтаксических и семантических характеристик конструкции, скорее, свидетельствуют в пользу того, что в большинстве случаев она функционировала как результатив, обладающий стальной семантикой и лишенный темпоральной характеристики. Даже если допустить наличие в древнеанглийском языке перфекта с развитой временной семантикой, создается парадоксальная ситуация, в которой приходится предполагать, что аналитический перфект уже к IX в. достаточно развит, но с точки зрения его парадигматизации, то есть включенности в систему видо-временных отношений, а также лексического охвата, он остается достаточно периферийным (об особенностях процесса парадигматизации перфекта в германских языках см., например, [Смирницкая 1977: 55—67], где показано, что «пик интенсивности» этого процесса в английском языке приходится на XII—XIII вв.). Такая противоречивая ситуация требует разрешения, которое мы и представим в данной работе.

Основная задача статьи — выяснение факторов, способствовавших появлению и распространению случаев употребления конструкции *habban* + причастие II с глаголами движения. Анализ проводился на основании полной выборки примеров глаголов движения с *habban* + причастие II, полученной из двух синтаксически размеченных корпусов: «The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose» (синтаксически размеченный корпус древнеанглийской прозы) [Taylor et al. 2003] и «The York-Helsinki Parsed Corpus of Old English Poetry» (синтаксически размеченный корпус древнеанглийской поэзии) [Pintzuk, Leendert 2002]. Отдельные примеры взяты из электронной версии Англосаксонского словаря Босуорта — Толлера (Bosworth—Toller's Anglo-Saxon Dictionary) [Bosworth, Toller], а также электронного корпуса текстов «Toronto Dictionary of Old English Web Corpus» [Healey et al. 2009].

В качестве объекта исследования выступают следующие глаголы движения: *(ge)faran* ‘идти, продвигаться, путешествовать, маршировать’, *(ge)gan*, *(ge)gangan* ‘идти, приходиться’, *oferfaran* ‘проходить, преодолевать’, *(ge)feran* ‘идти, отправляться, путешествовать, передвигаться, маршировать’, встречающиеся в текстах как с *habban* + причастие II, так и с *wesan* + причастие II. Все обозначения, сопровождающие примеры (название текста, расположение в тексте издания), следуют правилам, принятым для обозначения текстов в используемых корпусах.

Датировка произведений дана в соответствии с периодизацией, представленной в корпусе древнеанглийских прозаических текстов, которые относятся к одному из четырех периодов: 1) тексты до 850 г. (O1), 2) 850—950 гг. (O2), 3) 950—1050 гг. (O3), 4) 1050—1150 гг. (O4). В текстах с двумя цифровыми обозначениями первая цифра указывает на период сочинения

произведения, вторая — на период фиксации рукописи: O12 (тексты первого периода, рукописи которых отнесены ко второму периоду), O23, O14, O24, O34 и т. п.

2. Предыдущие исследования

Тема, рассматриваемая в нашей работе, связана с более широкой проблематикой в сфере перфекта, а именно с так называемой проблемой «выбора вспомогательного глагола» (*auxiliary selection*). В целом в решении данного вопроса существует два основных подхода: одни исследователи рассматривают в качестве главного фактора в выборе вспомогательного глагола формальные синтаксические критерии, другие — семантику глаголов, используемых в качестве причастий. В соответствии с гипотезой неаккузативности (*Unaccusative Hypothesis*), сформулированной Д. Перлмуттером, непереходные глаголы разделяются на две группы: неаккузативы, поверхностное подлежащее которых в глубинной структуре является объектом, предопределяя выбор глагола *BE*, и неэргативы, обладающие базовым подлежащим (*underlying subject*) и, соответственно, употребляющиеся с глаголом *HAVE* [Perlmutter 1978]. Основным недостатком данной гипотезы является ее неспособность дать удовлетворительное объяснение целому ряду синтаксических диагностик и выделить универсальные критерии, которые бы оперировали одинаковым образом в различных языках [Takahashi 2008: 229; Сичинава 2010: 127]; подробный анализ гипотезы и ее критику можно найти в [Sorace 2000; Kuno, Takami 2004; McFadden 2007].

В противовес синтаксическому подходу сторонники семантического указывают на необходимость анализа более тонких семантических и аспектуальных характеристик глаголов: например, зависимость выбора вспомогательного глагола в итальянском языке от акциональности непереходного глагола [Van Valin 1990] или важность предельности глагола в нидерландском [Zaenen 1993]. На выбор вспомогательного глагола влияют также такие параметры, как количество участников действия, точечность действия (*punctuality*), предельность, агентивность, волитивность (*volitionality*), отрицание и ирреалис [Shannon 1990: 477 ff.]. Например, в тех случаях, когда агенс может быть представлен как волитивный, иницирующий и сам выполняющий действие, в качестве вспомогательного глагола используется *HAVE*.

Следует также отдельно сказать о подходе Т. Шэннона, который при анализе семантики глаголов выделяет два вида прототипов: «транзитивный прототип» и «мутативно-интранзитивный прототип». Принадлежность глагола к первому типу требует использования *HAVE*, ко второму — *BE*. По мере удаления от ядра прототипичности в выражении действий возникает варьирование в выборе вспомогательных глаголов. Употребление *HAVE* с прототипическими мутативными глаголами, в частности с глаголами движения, рассматривается как позднее расширение транзитивного прототипа, которое на ранних этапах развития английского языка ограничивается по преимуществу переходными предельными глаголами. Дуративные и стальные глаголы включаются в орбиту *HAVE* по мере дальнейшего продвижения транзитивного прототипа [Ibid.: 471]. Глаголы движения с прямым дополнением или рефлексивом употребляются с *HAVE* [Ibid.: 482]. Конструкция *BE* с глаголами движения в рамках данной теории указывает на изменение местоположения субъекта или направление движения и используется в предельных, точечных ситуациях [Ibid.: 479]. В то же время *HAVE* в аналогичных контекстах обозначает выполнение определенного действия субъектом, выступающим в качестве агенса, подчеркивает сам процесс протекания события (т. е. длительность выполняемого действия), не достигающего своего предела. Иными словами, одно из основных противопоставлений семантики *HAVE* + причастие II и *BE* + причастие II проходит по линии предельности / точечности и непредельности / длительности [Ibid.: 481].

Важность наличия обстоятельств, указывающих на направление движения, при выборе вспомогательного глагола на примере нидерландского языка продемонстрирована в работе Р. Либера и Х. Баайена. По мнению авторов, обстоятельства вносят изменения в признак

выводимости конечной позиции и состояния (*inferable eventual position or state*). Так, *lopen* 'идти' с глаголом *zijn* 'быть' указывает на определенную траекторию движения с импликацией достижения конечной позиции. С глаголом *hebben* 'иметь' в аналогичном контексте возможна лишь единственная интерпретация хождения по определенной местности без достижения цели [Lieber, Baayen 1997: 807—811].

Передача особенностей протекания действий, выраженных непереходными глаголами, анализируется также в [Sogase 2000]. Автор на материале романских и германских языков, используя семантические и синтаксические параметры, выстраивает иерархию выбора вспомогательных глаголов (*auxiliary selection hierarchy*), где крайние точки занимают такие семантические аспекты как «изменение местоположения» (*change of location*), которое наиболее последовательно с минимальным варьированием требует употребления *BE* и «контролируемый процесс (не связанный с движением)» (*controlled process, nonmotional*), который с наименьшей степенью вариативности связан с использованием *HAVE*. Исходя из данной классификации такие ключевые («ядерные») интранзитивы как, например, др.-англ. *gan* 'идти, приходиться', *faran* 'идти, продвигаться, путешествовать, маршировать', *feran* 'идти, отправляться', должны использоваться с *BE*. Но как раз именно в этой зоне уже в ранних текстах IX в. мы наблюдаем вариативность в выборе *wesan* и *habban*.

Такая «непоследовательность» наблюдается не только в древнеанглийском, но также на разных этапах развития немецкого языка, о чем писал еще Г. Пауль в своей фундаментальной работе о перфекте в истории немецкого языка [Paul 1902: 182]. Как отмечает К. Сапп [Sapp 2011: 35—37], для вариативности *sein* и *haben* с «ядерными» интранзитивами в ранневерхненемецком не всегда можно сформулировать четкое правило, поскольку примеры с дуративными глаголами и обозначением временного промежутка, которые должны употребляться с *haben*, фиксируются также и с *sein*.

Отметим, что древнеанглийская конструкция *habban* + причастие II с глаголами движения исследователями рассматривалась по-разному. Так, Т. Виссер видел в ней собственно перфект, противопоставляемый стальной семантике конструкции *wesan* + причастие II [Visser 1973: 2042—2046]. Осторожную позицию занимает Б. Митчел, который считает, что выбор *wesan* и *habban* с глаголами движения нельзя объяснить разграничением последних на перфективы и мутативы, с одной стороны, и имперфективы и дуративы, с другой: мутативные глаголы используются с *habban* уже в ранних прозаических и поэтических текстах [Mitchell 1985: 289—290, 302].

Вопрос выбора вспомогательного глагола с непереходными глаголами движения в [Alexiadou 2015] рассматривается не как замена одного другим, но как «конкуренция» форм, суть которой сводилась к тому, что семантика *wesan* + причастие II оставалась преимущественно стальной, в то время как *habban* + причастие II развивало одно из перфектных значений, а именно экспериенциальное [Ibid.: 142]. При этом нужно отметить, что, во-первых, количество примеров на употребление интранзитивов с *habban* незначительно и, во-вторых, большинство из них, как мы покажем ниже, не обладает экспериенциальным значением.

Ряд интересных наблюдений представлен в [Ogura 1996]: с *habban* глаголы движения могут использоваться как транзитивно, так и интранзитивно — как правило, это префигурованные глаголы; разница между *wesan* + причастие II и *habban* + причастие II должна заключаться в семантических оттенках, которые, однако, не всегда четко прослеживаются [Ibid.: 212]. По мнению М. Огуры, *habban* + причастие II выражает в большей степени действие, чем состояние [Ibid].

Таким образом, несмотря на существование целого ряда исследований, по-прежнему открытым остается вопрос, с одной стороны, о семантике конструкции *habban* + причастие II с глаголами движения, с другой, об употреблении непереходных глаголов движения с данной конструкцией. В следующем разделе мы рассмотрим семантику и синтаксические характеристики примеров, полученных методом сплошной выборки из корпусов.

3. Обзор данных

3.1. (*Ge*)*faran*

Глагол (*ge*)*faran* ‘идти, продвигаться’ зафиксирован и в прозе, и в поэзии и используется с *habban* уже в ранних текстах IX в. («Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного — 1 пример и «Всемирная история» Орозия — 2 примера). В «Церковной истории» с конструкцией *hæfdon gefaren* употреблено прямое дополнение:

- (1) ...& *sumne dæl þæs weg*s *gefaren hæfdon*... [O2, *cobede*, 1:13.54.32.517]
 ‘...и **некую часть** пути прошли...’

В тексте «Всемирной истории» Орозия с рассматриваемой конструкцией используется обозначение обстоятельства места и указание на направление движения:

- (2) *Þa he hæfde on þæm emnete gefaren of he com to Ticenan þære ie*... [O2, *coorosiu*, 4:8.99.29.2057]
 ‘Тогда он **по равнине** передвигался, пока не пришел к реке Тичино...’
- (3) *Þa Scipia hæfde gefaren to ðære niwan byrig Cartaina*... [O2, *coorosiu*, 4:10.104.29.2155]
 ‘Тогда Сципион отправился **к новому городу Карфагену**...’

В «Письме Александра Аристотелю» (X в.) анализируемая конструкция используется с обстоятельством места, которое можно трактовать как изменение местоположения:

- (4) *Hæfde ic þa þæs kyninges wic & his fæstenu gesceawod þe he mid his fyrde in gefaren hæfde* [O23, *coalex*, 25.1.294].
 ‘Показал я тогда **место расположения короля и его укрепление, в которое** он вместе со своим войском направился’.

Третий период в корпусе представлен переводным текстом «Семикнижья» (*Heptateuch*), в котором два примера содержат указание пути, выраженное прямым дополнением (*sumne dæl weg*s) и предложным сочетанием (*ofer ða Readan Sæ*):

- (5) *On merigen þa hy ferdon. & hi wæron butan byrig & hæfdon sumne dæl weg*s *gefaren, ða swæþ Iosep to his gerefan*... [O3, *cootest*, 44.3.1871]
 ‘Утром, тогда они отправились в путь и были уже за пределами крепости, и **некую часть пути** прошли, когда обратился Иосиф с речью к своим спутникам...’
- (6) *Þa Moyses hæfde gefaren ofer ða Readan Sæ, þa gegaderode he eal Israhela folc togædere*... [O3, *cootest*, 15.1.2966]
 ‘Когда Моисей переправился **через Красное море**, тогда собрал он вместе весь израильский народ...’

Отметим попутно, что наряду с этими примерами в тексте встречается глагол (*ge*)*faran* в значении ‘испытать’, ‘пройти через что-либо’ в метафорическом смысле, ‘стать, пройти’:

- (7) ...*we nyton hwæt Moyses gefaren hæfd, ðe us ut alædde of Egipta lande* [O3, *cootest*, 32.1.3433].
- (8) ...*nyton we hwæt Moyses gefaren hæfd, ðe us ut alædde of Egipta lande* [O3, *cootest*, 32.23.3475].
 ‘...не знаем мы, что **испытал** Моисей, который нас из земли египетской вывел’.

(*Ge*)*faran* в этом значении, как верно отмечает М. Огура, всегда используется с *habban* и в отличие от его других значений не демонстрирует вариативности с *wesan* + причастие II [Ogura 1996: 202]. Это же относится и к такому значению глагола (*ge*)*faran*, как

‘продвигаться’, ‘путешествовать’, ‘продолжать’. Такие примеры мы встречаем в текстах четвертого периода, например в «Евангелии от Никодима»:

- (9) *Ɔa heo ham comen Ɔa sæden heo hƱu heo gefaren hæfdon...* [O14, conicodC, 113.120]
 ‘Когда они вернулись домой, тогда рассказали они, как они **путешествовали...**’

Датировка текстов с глаголом (*ge*)*faran* в данном значении — примеры (7) и (8) — и общая логика развития самого значения от более конкретного способа движения к более абстрактному, метафорическому обозначению испытания, прохождения через определенные сложности во время передвижения говорят в пользу того, что данное значение является вторичным и развивается по аналогии с основным значением движения, которое, как мы полагаем, исторически должно было первым появиться в сочетаниях с *habban*.

К четвертому периоду относятся «Англосаксонская хроника» (рукописи C, D, E), «Семеро спящих», «Книга Бытия» и рукопись C «Евангелия от Никодима», где зафиксировано 13 примеров (*ge*)*faran* с *habban*, из которых три используются в значении ‘испытать’, ‘случиться, произойти’ в придаточном предложении с союзом *hwæt* ‘что’, три примера в значении ‘разрешить, устроить’ с наречием *Ɔus* ‘так, таким образом’ и местоимением *eall* ‘все’ — *Ɔa he eall Ɔus gefaren heafde* ‘Когда он все таким образом свершил (устроил)’ [O14, cochronE, 1013.25.1864]. В двух примерах описывается, как проходило путешествие — *hƱu heo gefaren hæfdon* ‘как они проехали, путешествовали’ [O14, conicodC, 113.120]. Из оставшихся пяти примеров в двух случаях используется указание на прохождение определенного расстояния или места, см. пример, аналогичный вышеприведенным (1) и (5): & *sumne dæl Ɔæs wegес gefaren hæfdon* ‘прошли некую часть пути’, фиксируемый на этот раз в тексте «Книги Бытия» [O14, Gen, 44.3.346]; а также (10).

- (10) *Ɔa he Ɔa Ɔreo burga gefaren hæfde Ɔa het he...* [O14, LS 34, 18.10]
 ‘После того как он **эти три города** объехал, приказал он тогда...’

В трех примерах используется указание на направление движения. При этом приводимые ниже контексты отличаются тем, что в (11) представлено однократное направленное движение, в (12) и (13) — многократное разнонаправленное движение:

- (11) *...Ɔa he Ɔæрто gefaren hæfde...* [O14, ChronD, 894.59.841]
 ‘...тогда он **туда** направился...’
- (12) *...earmlice hæbbe ic ana gefaren toforan eallum mannum geond Ɔas widan eordan* [O14, LS 34, 543.422].
 ‘...с горечью ходил я один **ко всем людям по всей земле**.’
- (13) *...Ɔæt he hæfde gefaren fram ælcum lande to oðrum and fram sæ to sæ...* [O14, VSaI 1, 2.3.8]
 ‘...что он прошел (ходил) **от страны к стране и от моря к морю...**’

Примеры (12) и (13) важны для нашего дальнейшего анализа, так как именно в них значение, выражаемое анализируемой конструкцией, можно трактовать как экспериенциальное. Немаловажным при этом является и тот факт, что данные примеры зафиксированы в поздних древнеанглийский текстах.

Что касается поэзии, *habban gefaren* используется с обстоятельствами направления движения в поэтическом переводе «Книги Бытия»: *Ɔe on Ɔa frecnan fyrd gefaren hæfde ofer langne weg* ‘который с опасной миссией прошел длинный путь’ [Gen A,B, 0244. 686]; *oðƆæt folcgetrume gefaren hæfdon sid tosomne sudan and nordan* [Gen A,B, A1.1, 0609. 1985] ‘пока армии народов пришли (сошлись) многие вместе с юга и севера’; *herewicum neh gefaren hæfdon* [Gen A,B, A1.1, 0631.2051] ‘подошли близко к своим военным лагерям’.

Таким образом, мы видим, что примеры конструкции посессивного глагола с (*ge*)*faran* фиксируются уже в ранних текстах. Как правило, они представлены претеритной формой посессивного глагола (*hæfdon*) и засвидетельствованы как в поэзии, так и прозе.

С синтаксической точки зрения данные примеры можно разделить на две группы: 1) с прямым (и предложным) дополнением — примеры (1), (5), (10) и 2) без дополнения, но с указанием на направление движения или способ передвижения — примеры (3), (6), (11)—(13).

3.2. *Oferfaran*

Глагол *oferfaran* ‘преодолевать, проходить’ в ранних текстах IX в. («Церковная история» Беды и «Всемирная история» Орозия) используется с прямыми дополнениями: *þa muntas* ‘горы’, *sæ* ‘море’, *Iordane* ‘Иордан’. Аналогичные примеры встречаются в поэзии: *ðu ðonne ðone up a hafast forð oferfarenne* ‘ты затем преодолел его’ (досл. ‘ты его (Сатурн) затем имеешь преодоленным’, аллитерационные «Метры Бозция»), *fergryre fyres* ‘опасные ужасы огня’ (поэма «Даниэль»). В прозаических текстах — поздних переводах Ветхого Завета («Второзаконие»), а также «Житиях святых» — также находим прямое дополнение: *Iordane* ‘Иордан’ («Второзаконие»), *þa ea* ‘реку’ и *þæt wæter* ‘воду’ («Жития святых»), *Phanuel* ‘Фануэль’ (прозаический перевод «Книги Бытия»).

Употребление с данным глаголом прямого дополнения можно объяснить наличием у глагола префикса *ofer*, указывающего на преодоление препятствия или расстояния.

3.3. (*Ge*)*feran*

В тексте «Церковной истории» Беды глагол (*ge*)*feran* ‘идти, отправляться, путешествовать, передвигаться, маршировать’ используется с прямым дополнением. Причастие второе данного глагола представлено флектированной формой, согласованной с прямым дополнением:

(14) *þa heo þa hæfdon heora siðfæt geferedne, þa hwurfon heo eft to ham* [O2, cobede, 4:26.352.17.3549].

‘Когда они **свой путь** прошли, тогда повернули они снова домой’.

В поэзии данный глагол встречается в переходном употреблении в «Беовульфе», но уже с оттенком достижения, исчерпания чего-либо, в частности достижения конца жизни:

(15) *...hæfde æghwæðre ende gefered lænan lifes...* [cobeowul, 88.2842.2311]
‘...оба **пришли** к концу дарованной им жизни...’

В остальных примерах (*ge*)*feran* с *habban* приобретает иное значение, а именно ‘страдать’, ‘испытывать’, как в поэме «Христос и Сатана» (16), или ‘стараться, осуществлять, приводить к чему-либо, способствовать’, как в «Загадках» (17):

(16) *Habbað we alle swa for ðinum leasungum lyðre gefered* [Sat A 1.4, 0021.61].
‘Мы все горько **пострадали** от твоей лжи’.

(17) *...ond micel hæfde gefered...* [Rid 37 A3.22.37, 0002.2]
‘и сильно **постарался**’

Стоит отметить, что глагол (*ge*)*feran* имеет существенно больше значений, чем (*ge*)*faran*. Так, в словаре Босуорта — Толлера [Bosworth, Toller: *ge-fēran*] зафиксировано четыре значения на непереходное употребление, шесть на переходное, из которых только три связаны с семой передвижения, остальные имеют такие значения, как ‘достигать’, ‘способствовать’, ‘испытывать’, ‘страдать’, ‘привносить’, ‘приводить в движение’. Глагол (*ge*)*faran* имеет два основных семантических центра, связанных с движением: переходный и непереходный, вокруг которых развивается несколько дополнительных второстепенных значений глагола: у непереходного употребления — ‘умирать’, у переходного — ‘испытывать’, ‘страдать’, которые являются метафорическим переносом первичного значения, связанного с движением. Такое положение вещей, как мы полагаем, может влиять на ситуацию, при которой

с глаголом (*ge*)*feran* преобладает конструкция *wesan* + причастие II в контекстах, где указывается на направление движения и обозначение пройденного расстояния:

- (18) *We of Marmedonia mægðe syndon feorran geferede* [And 2.1, 0081.260].
‘Мы, из провинции Мирмидония, пришли **издалека**’.
- (19) *Her is gefered ofer feorne weg æðelinga sum innan ceastre...* [And 2.1,0371.1170]
‘Сюда в город **издалека** пришел некий благородный человек...’

3.4. (*Ge*)*gan*, (*ge*)*gangan*

Глаголы (*ge*)*gan* и (*ge*)*gangan* многозначны: кроме значения движения они обладают и другими, например ‘происходить, случаться’, в котором (*ge*)*gangan*, как правило, употребляется с *wesan* (см., например, [Ogura 1996: 204]). (*Ge*)*gan* имеет также значение ‘наблюдать, практиковаться’. Данные глаголы зафиксированы в текстах разных периодов как в прозе, так и поэзии. Семантически сюда же можно отнести и глагол *forgan*, который имеет значение ‘пройти вперед’, ‘обогнать’, ‘опередить’ и встречается в «Англосаксонской хронике» (XII в.). В тексте он используется с прямым дополнением:

- (20) *Ða sume side hæfde se cyning hi forne forgan mid ealre fyrde...* [O14, cochronC, 1009.34.1458]
‘Тогда король со всем войском обошел **их** на некоторое расстояние...’

В прозе зафиксировано семь примеров с (*ge*)*gan*, большинство из которых приходится на «Англосаксонскую хронику». Из ранних произведений (IX в.) данный глагол используется во «Всемирной истории» Орозия, где он употребляется с прямым дополнением:

- (21) *...þa swa earme wif & swa eldeodge hæfdon gegan þone cræftgestan dæl... þises middan-geardes...* [O2, coorosiu, 1:10.30.24.600]
‘...тогда настолько несчастные женщины, и всем чужие, прошли **значимую часть... этой земли...**’

В тексте «Бликлингских гомилий» (X в.) (*ge*)*gan* используется с субстантивной группой, указывающей на цель выполняемого действия:

- (22) *Ðær wæs gewuna þæm folce þonne hie to husle gegangen hæfdon...* [O23, coblick, LS 25, 209.214.2660]
‘У того народа был обычай, когда они уходили **на совершение обряда таинства...**’

Указание на пройденное расстояние в форме прямого дополнения находим в тексте «Жития святых» (XI в.):

- (23) *Ða midþy þe se þeow hæfde gegan þreora fæðma oððe feowra in þæt eorðscraef...* [LS 35, V3.3.35, 0159.385]
‘Тем временем, когда слуга прошел **три или четыре сажени** в этой пещере...’

Остальные пять примеров зафиксированы в рукописях «Англосаксонской хроники» XI—XII вв. (C, D, E). Три примера используют для указания на направление движения наречие *feorr* ‘далеко’, в двух примерах (*ge*)*gan* употреблен с прямым дополнением, выраженным местоимением *hit* (*hyt*) ‘это, его’, в значении ‘захватить’, ‘покорить’, которое также является вторичным метафорическим производным от значения движения, прохождения по территории, которая впоследствии завоевывается:

- (24) *Ða hi swa feor gegan hæfdon swa hi ða woldan...* [O14, cochronD, 1010.33.1479]
‘Тогда они зашли **так далеко**, как того хотели...’

- (25) ...*þa þa he hit gegan hæfde*... [O14, cochronD, 1065.1.2146]
 ‘...тогда они его захватили (по нему прошлись)...’

В поэтических текстах данный глагол встречается в «Беовульфе», а также в поэме «Юдифь», где он используется в непереходном употреблении, в ряде случаев с указанием на направление движения (*to ðam wealgate, to ðam fyrdwicum*).

- (26) ...*syððan hie togædre gegan hæfdon* [cobeowul, 81.2628.2155].
 ‘...когда вместе сошлись они’.
- (27) ...*oð hie glædmode gegan hæfdon to ðam wealgate* [Jud A4.2, 0036. 138].
 ‘...до тех пор, пока они в хорошем настроении подошли к крепостным воротам’.
- (28) ...*syððan Ebreas under guðfanum gegan hæfdon to ðam fyrdwicum* [Jud A4.2, 0055.216].
 ‘...когда иудеи под боевыми знаменами подошли к лагерю войска’.

В «Беовульфе» (*ge*)*gangan* зафиксирован как с *wesan*, так и с *habban*. С первым он выражает не только движение — *þa wæs endedæg godum gegongen* ‘тогда последний день пришел хорошему’ [cobeowul, 0816. 3033], но и обладает значением ‘происходить, случаться, выпадать’ — *Ða wæs gegongen guman unfrodum* ‘тогда воину неопытному выпало’ [cobeowul, 0769. 2821]. С *habban* данный глагол приобретает значение ‘совершать’, ‘добиваться’: *Hæfde aglæca elne gegongen þæt...* ‘смелостью добился зловещий того, что...’ [cobeowul, 0244. 893].

Показательно, что некоторые глаголы, последовательно употребляющиеся с *wesan* + причастие II в значении движения, с *habban* используются в других значениях. При этом они встречаются либо без приставки, либо с иными, нежели *ge-*, приставками, которые, так же как и *ge-*, выполняют телесизирующую функцию, то есть указывают на предельность действия (более подробно о телесизации, а также разграничении терминативности и предельности на примере превербов в типологическом аспекте см. [Аркадьев 2015: 20—28]). Например, глагол *cuman* ‘приходить’ с *habban* фиксируется только в среднеанглийском периоде. В древнеанглийском *hæfde cumen* имеет значение ‘девать’, ‘делать’, ‘приносить’ — *Hine ahsode hwær he his mægcildum cumen hæfde ðe he him forstolen hæfde* ‘спросил его, куда он своих братьев (юных соплеменников) дел, которых у него украл» («Житие святого Милдред» [LS 26, В3.3.26, 0026.61]). Аналогичным образом обстоит дело и с глаголами *ofercuman* ‘преодолеть, покорить’, *ayrnan* ‘обходить, проходить’, которые в отличие от их бесприставочных вариантов *cuman* и *yrnan* используются при глаголе *habban* с прямым дополнением: *Swa eac se mona hæfd his rýne hrador aurnen on ðam læssan ymbhwyrfte þonne seo sunne hæbbe on ðam maran* ‘Так же и луна проходит (досл. имеет пройденным) свой путь быстрее по меньшей окружности, чем солнце по большой’ («О временах года» Эльфрика [O3, cotempo, 4.28.146]) и *To þæm þu me hæfst nu aretne & ofercumene mid þinre gesceadwisnesse* ‘На них ты меня настроил и своим разумом победил (досл. имеешь настроенным и побежденным)’ («Утешение философией» Боэция [O2, cobeoth, 22.50.15.917]). Непереходные варианты данных глаголов всегда употребляются с *wesan*. Об употреблении таких глаголов движения, как *gelíðan, ridan, gecyrran, gehweorfan, gewendan, awendan*, проявляющих вариативность в выборе конструкций, см. [Ogura 1996: 206, 208—210].

Вариативность конструкций *wesan* и *habban* с глаголами движения прослеживается также в разных рукописях одного и того же текста. М. Огура отмечает, что такие примеры свидетельствуют об отсутствии семантических или аспектуальных различий между данными вариантами [Ibid.: 201]. Описываемое варьирование находим в поздних рукописях «Англо-саксонской хроники» XI—XII вв., а также «Отмщении Спасителя» (*Vindicta Salvatoris*) XI в.:

- (29) а. *Ac se ylca Nathan wæs swa gelyðen, þæt he hæfde gefaren fram ælcum lande to oðrum and fram sæ to sæ and swa þæt he hæfde ealle eorðan ymbfaren* [VSa1 1, B8.5.4.1].
 б. *And se ilce Nathan wæs forliðen, þæt he wæs gefaren fram ælcen lande to oðren and fram sæ to sæ, swa þæt he hæfde ealle eorðe gemæren þurhfaren* [VSa1 2, B8.5.4.3].

‘Но тот самый Натан настолько много путешествовал, что он **проехал** от одной страны к другой и от моря до моря так, что он всю землю объездил вдоль и поперек’.

- (30) а. ...& se here þa burg beseten hæfde, þa he þærto **gefaren wæs**, þa eodon hie to hiora scipum [O2, ChronA B17.1, 0447.893.64].
 б. ...& se here þa þa burh beseten hæfde, þa he þærto **gefaren hæfde**, þa eodon hi to hyra scipum [O14, cochronD, 894.59.841].
 ‘...и когда войско это осадило крепость, после того как он туда **направился**, тогда вышли они к своим кораблям’.

Возможные семантические и аспектуальные различия в вышеприведенных примерах мы рассмотрим в ходе анализа данных.

Подводя итоги, представим приведенные данные в виде нижеследующей таблицы. При этом, поскольку датировка поэтических текстов в некоторой степени затруднительна, мы ограничимся подсчетом примеров лишь в прозаических произведениях.

Таблица

Распределение глаголов движения с *habban* + причастие II по текстам и периодам

Период	Второй (ранний) период (O2, O3)		Третий и четвертый (поздний) период (O4)	
	Употребление прямого или предложного дополнения	Употребление обстоятельств (направления, места, цели или способа движения)	Употребление прямого или предложного дополнения	Употребление обстоятельств (направления, места, цели или способа движения)
<i>(ge)faran</i>	1	2	5	6
<i>(ge)feran</i>	2	0	0	0
<i>oferfaran</i>	3	0	4	0
<i>(ge)gan,</i> <i>(ge)gangan</i>	1	0	4	3
<i>(for)gan</i>	0	0	1	0

4. Анализ данных

Для достижения поставленной в данном исследовании цели первостепенной задачей является выяснение семантики конструкции *habban* + причастие II. В этом вопросе нет единого мнения: некоторые исследователи полагают, что в древнеанглийском конструкция с посессивным глаголом обладала результативной семантикой и приобрела темпоральные характеристики, а вместе с тем и другие значения, помимо результативного, лишь в среднеанглийский период [Mustanoja 1960; Carey 1994]; другие считают, что темпоральными характеристиками конструкция *habban* + причастие II обладала уже в древнеанглийском (причем, по их мнению, такие значения, как экспериенциальное, континуативное, имедиатное и новостное существовали с самых ранних памятников IX в.) и во многом соответствовала современному английскому перфекту [Lee 2004; Łęcki 2010]. В защиту этой позиции приводятся различные аргументы, касающиеся особых морфосинтаксических характеристик конструкции и семантики глаголов, используемых в качестве причастия II. В частности, указывается на отсутствие у глагола *habban* посессивного значения, особо выделяются примеры с динамическим значением данного глагола, например *habban to wife* ‘взять в жены’ и т. п. [Łęcki 2010: 63—64]. При этом, действительно, примеров, в которых *habban* в конструкции *habban* + причастие II имеет значение обладания, зафиксировано крайне мало (ср., например, [Mitchell 1985: 292—293 ff.]) и в несвойственных для посессивного

значения контекстах (для германских языков см. [Маслов 2004: 259 и сл.]). Но даже если принять за отправную точку в развитии перфекта конструкцию, условно соответствующую современному *he has his opponent cornered* ‘у него оппонент загнан в угол’, как это делается в [Acosta 2006: 112, 118 ff.], то и в таких примерах мы вынуждены констатировать наличие лексического значения у глагола *habban* в конструкции с объектно-предикативной связью (ср., например, [Смирницкая 1965: 8]).

Мы полагаем, что в древнеанглийский период наличие посессивного глагола в конструкции с причастием II было синтаксически мотивированным: прямое обладание уже не выражается, но при этом вносится элемент указания на состояние субъекта после совершения им действия наряду с указанием на состояние объекта, находящегося в сфере действия субъекта. При этом степень грамматикализации посессивного глагола и его десемантизация зависели от семантических и синтаксических особенностей дополнения, с которым он сочетался: & *þa stafas mid him awritene hæfde* ‘и при нем были написанные буквы’ («Церковная история» Беда, [O2, *sobede*, 4:23.328.6.3290]), где *habban* явно обозначает обладание предметом, а причастие II функционирует в качестве прилагательного, выраженного флектированной глагольной формой, согласованной с прямым дополнением.

Кроме того, на отсутствие темпорального перфекта указывает также и преобладание предельных глаголов, используемых в качестве причастий в конструкции с посессивным глаголом (ср., например, [Carey 1994]). В качестве контраргумента сторонники гипотезы существования перфекта в древнеанглийском ссылаются на два примера с *beon* ‘быть’ в качестве причастия II: *he hefde gebeon* и *þe hefde ben*, засвидетельствованные в «Хронике Питерборо» XII в., а также такие стальные глаголы, как, например, глаголы ментальной деятельности. Но употребление конструкции с *beon* относится к позднедревнеанглийскому-раннесреднеанглийскому периоду (XII в.), а глаголы ментальной деятельности, как убедительно показано в исследовании К. Кэри, выступают тем семантическим переходным звеном, в котором шло формирование темпорального перфектного значения [Carey 1994].

Более того, в пользу результативной семантики конструкции говорит и преобладание причастий с перфективирующей приставкой *ge-*, которая использовалась для выражения результативности и предельности действий (ср., например, [McFadden 2011: 5; 2015: 3.1]), хотя уже к концу древнеанглийского периода данная функция приставки начинает угасать, особенно в северных диалектах (см., например, в [Смирницкая 1977: 18—20]). Различные приставки наряду с *ge-* также привносят определенные акциональные характеристики в семантику глагольных причастий: *awriten* ‘написанный’, *forfongen* ‘лишенный, захваченный, отобранный’, *bewunden* ‘укутанный, завернутый’, *fulmannod* ‘наполненный людьми’. В нашем корпусе лишь незначительное количество примеров используются без приставок: *boht* ‘купленный’, *funden* ‘решенный, устроенный’, из которых у *boht* есть приставочный коррелят, а у *funden* такового нет. Но мы не обнаруживаем варьирования у таких наиболее распространенных переходных глаголов, как *gedon*, *gewyrca*, *geceosan* и др., — все они в причастной форме используются исключительно с приставкой *ge-*, которая, однако, у этих глаголов присутствует и в непрichастных формах.

Таким образом, данные аргументы свидетельствуют в пользу того, что конструкция *habban* + причастие II, претерпевая семантические и морфосинтаксические изменения, по-прежнему обладала стальной семантикой, то есть являлась результатом (о различии между результативом и перфектом см., например, [Недялков, Яхонтов 1983; Плунгян 2011]). К. Кэри, придерживаясь данной позиции, описывает семантику конструкции как «Resultant State-Process» (результатирующая стально-процессная конструкция), в которой «подлежащее находится в посессивных отношениях (‘have’ relation) к финальному состоянию процесса» (перевод здесь и далее наш — В. Б.) [Carey 1994: 13 ff.]. О результативной природе анализируемой конструкции в древнеанглийском пишет и У. Детгес. Автор отмечает, что в предложениях с *habban* + причастие II субъект мог совпадать с агенсом [Detges 2000: 350] (ср., также [Смирницкая 1965: 9]), где такие предложения описываются как моно-субъектные). Такое совпадение некоторыми исследователями считалось одним из прямых

доказательств темпорально-перфектной характеристики анализируемой конструкции (ср. [Маслов 1940: 188—189 и сл.] для древневерхненемецкого).

Итак, мы исходим из того, что семантика конструкции *habban* + причастие II в древнеанглийском была по преимуществу статальной, то есть она являлась результатом, как и ее аналог *wesan* + причастие II.

Как мы уже отмечали в обзоре данных, многие глаголы движения обладали несколькими значениями: в переходном употреблении глагол, как правило, использовался с различными обозначениями расстояния, пути и т. д., выступающими в качестве прямого дополнения. Все приведенные нами переходные глаголы движения используются с конструкцией *habban* + причастие II. Несомненно, изначально анализируемая конструкция в своем «ядерном» значении использовалась с данными глаголами так же, как и с другими прототипическими переходными глаголами. При достижении конструкцией *habban* + причастие II той ступени развития, когда ее семантика начинает отражать состояние, достигнутое субъектом как результат выполнения им определенной деятельности, переходное употребление глаголов движения указывает на состояние субъекта, прошедшего то или иное расстояние или преодолевшего определенное препятствие. Тем самым объясняется сохраняющаяся предельность ситуации, ее результативность, которая достигается контекстами с прямыми дополнениями и причастиями от глаголов с перфективирующими приставками, в частности *ge-*.

Вероятно, это значение конструкции развивается еще в период, предшествующий древнеанглийскому, поскольку уже в ранних текстах мы фиксируем примеры с непереходным употреблением некоторых глаголов движения с *habban* + причастие II. При этом сначала возникает противопоставление примеров **переходного** употребления глаголов движения с конструкцией *habban* + причастие II и **непереходного** с конструкцией *wesan* + причастие II: в первом случае указывается на состояние, наступающее после выполнения действия, а во втором отражается состояние, возникающее в результате изменения местоположения или направления.

Однако случаи употребления конструкции с посессивным глаголом и причастиями от непереходных глаголов движения с формальной точки ничем не отличаются от конструкции с *wesan*. Так, если мы посмотрим на контексты употребления конструкции *wesan* + причастие II, то увидим, что в них используются те же самые обстоятельства, указывающие на направление движения или способ передвижения, что и в примерах с конструкцией *habban* + причастие II с непереходными глаголами движения:

(31) ...*þider hi þa mid firde gefaren wæron* [O2, coorosiu, 5:11.125.5.2625].
‘...туда они со своим войском отправились’.

(32) ...*wæs gefaren on Sicilia þæm londe* [O2, coorosiu, 4:1.85.21.1721].
‘...отправился на Сицилию, ту землю’.

Примеры, взятые из текста «Всемирной истории» Орозия, по своей организации аналогичны тем, которые мы приводили в обзоре данных, где в (3) и (11) используются наречие *þærto* и обстоятельство места *to ðære niwan byrig Cartaina* с *habban* соответственно. Кроме того, в некоторых случаях мы наблюдаем использование при обстоятельстве и способе (среди) передвижения не ожидаемую конструкцию с *habban*, но *wesan* + причастие II, в частности в текстах «Лечебника» и «Гомилиях» Эльфрика:

(33) ...*he biþ ymb þreo niht gefaren* [O2, Lch II (1), B21.2.1.1.2, 0171.4.4.9].
‘...он за три ночи проехал’.

(34) ...*þa wæs Godes sylfes Gast, swa swa seo boc us secgð, gefered ofer wæterum...* [O3, ÆNom 13, B1.4.13. 0025 .98]
‘...тогда сам Дух Господа, так, как нас учит данная книга, через воду снизошел...’

На этом, однако, синтаксическое сходство анализируемых конструкций не заканчивается, так как пересечение в семантико-синтаксической организации предложений с *habban* и *wesan* прослеживается при наречиях, указывающих на цель движения, как в нижеследующем примере из «Всемирной истории» Орозия:

- (35) ...*ða wæs Croesus se liþa cyning mid firde gefaren **Babylonium to fultume**...* [O2, coorosiu, 2:4.44.7.830]
 ‘...тогда Крез, этот благородный царь, с войском отправился **к вавилонянам на помощь...**’

В примере (22) аналогичным образом используется обстоятельство *to husle* с конструкцией *habban* + причастие II.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде примеров, в частности с глаголом (*ge*) *faran*, *habban* + причастие II используется в сложносочиненных предложениях времени, вводимых союзами *þa... þa* ‘когда... тогда’, как в примерах (6), (10), (14). Но в аналогичном синтаксическом окружении обнаруживаем и конструкцию с *wesan* («Всемирная история» Орозия):

- (36) *Eft þa Alexander gefaren wæs, & he ham com, þa tugon hie hiene þære burge witan...* [O2, coorosiu, 4:5.90.24.1830].
 ‘**Сразу после того как** Александр уехал, и он домой приехал, **тогда** они, городские старейшины, обвинили его...’

Наконец, с конструкцией *wesan* + причастие II зафиксирован пример с указанием состояния, преодоленного субъектом («Диалоги Григория Великого»):

- (37) ...*se þa gyt of þære ylcan stowe wæs uneaðe gefaren **tyн milum feor*** [O24, cogregdC, 2, 8.120.1.1426].
 ‘...который с того самого места с трудом (едва ли) **десять миль** прошел’.

Какова же разница между конструкциями *habban* + причастие II и *wesan* + причастие II с глаголами движения в непереходном употреблении? Ранее мы пришли к выводу, что конструкция *habban* + причастие II использовалась в предельных контекстах, выражая состояние как результат предельного действия. При этом анализ наших данных не позволяет утверждать, что конструкции с *habban* и *wesan* противопоставлялись по признаку предельности/непредельности или акциональных характеристик, выраженных глаголами в форме причастий, что, например, утверждает в [Shannon 1990] (см. выше в разделе 2). Ситуации (действия и/или события) в приведенных нами примерах не поддаются рассмотрению как непредельные дуративные при использовании глагола *habban*. Напротив, и с *wesan*, и с *habban* действия следует рассматривать как предельные, результативные с указанием на достижение цели (*telos*). В примерах (2), (12) и (13), пожалуй, можно усмотреть дуративность и неопределенность ситуации, описывающей передвижение по определенной местности или повторяемость событий. Тем не менее, как мы покажем далее, действие в примере (2) следует трактовать как предельное с указанием на результирующее состояние.

Что касается семантики конструкции *habban* + причастие II, мы полагаем, что следующим шагом в ее развитии было не автоматическое включение в ее орбиту непереходных глаголов движения глаголов движения (что, вероятно, можно было бы предполагать при наличии у конструкции темпорально-перфектной семантики, когда парадигматизация и включение все более широкого слоя глаголов различной семантики зависит от развития новых значений перфекта), но перенос прототипического («ядерного») значения на контексты, в которых глагол фиксируется в непереходном употреблении. В таких контекстах описываемая ситуация приобретает предельный характер за счет использования наречий или иных средств, таких как указание направления или цели движения. Таким образом, описываемый нами процесс происходит в рамках прототипического значения, но не является переносом или выходом за его границы. Конструкция *habban* + причастие II в данных

контекстах также обозначала преодоление расстояния или пути, необходимого для достижения поставленной цели движения. Иными словами, в примере (28) обстоятельство направления движения *to ðam fyrðwicum* ‘к лагерю войска’ является установленным пределом движения, состояние субъекта при достижении которого как раз и выражается конструкцией *habban* + причастие II, которая, в отличие от аналогичных контекстов с *wesan* + причастие II, подразумевает преодоление определенной дистанции — семантический оттенок, отсутствующий у конструкции с глаголом *wesan*.

В таком случае в примере (2) наличие обстоятельства места движения едва ли можно рассматривать как основной фактор, способствующий выбору посессивного глагола. Придаточное предложение времени с союзом *op* ‘до тех пор, пока’, как мы полагаем, выступает в данном контексте ограничителем движения, создающим предельность. По этой причине *hafde gefaren* следует также рассматривать как выражение завершения действия и указания на его предел, когда субъект достигает цели движения, пройдя определенное расстояние / путь по равнине: *op he com to Ticenan þære ie* ‘пока не пришел к реке Тичино’.

В ряде работ, в частности в исследованиях Т. МакФаддена и А. Алексиаду, Г. Фридена и других, были определены контексты, в которых *HAVE* употребляется с большей вероятностью, чем *BE*: дуративных, итеративных, контрфактуальных, непредельных, а также предельных, где в точке отсчета (референции) искомое достигнутое состояние более не существует или нерелевантно [Fridén 1948; McFadden, Alexiadou 2006]. Однако, как мы видим, анализируемые нами примеры указывают как раз на результирующую семантику состояния субъекта, достигнувшего предела при выполнении действия.

В ранних произведениях не прослеживается и экспериенциальное значение, которое могло бы свидетельствовать о развитии конструкции *habban* + причастие II перфектной семантики, что можно было бы противопоставить результирующей семантике конструкции *wesan* + причастие II. Так, Т. МакФадден полагает, что «первоначально, обе конструкции ограничивались результирующей-перфектной интерпретацией» (*perfect-of-result interpretation*), а экспериенциальное значение у *habban* + причастие II развивается лишь в среднеанглийский период: «около 1350 г. конструкция с *have* начинает употребляться в экспериенциальном значении, в то время как конструкция с *be* по-прежнему оставалась исключительно результирующей» [McFadden 2016: 6—7, 12]. Экспериенциальное значение, в отличие от результирующего перфекта, указывает не на результат действия, но на опыт, возникший у субъекта в результате выполнения действия, которое может рассматриваться говорящим как продолжающееся и воспроизводимое в момент речи [Lee 2004: 25] (о способах выражения данного значения в типологической перспективе, в частности в английском, см. [Вострикова 2010]). Большинство примеров с *habban* и причастиями от глаголов движения не подпадают под данное описание экспериенциального значения. Это является дополнительным аргументом в пользу того, что распространение конструкции с посессивным глаголом на глаголы движения нельзя связывать с развитием темпорально-перфектной семантики у конструкции *habban* + причастие II.

Однако в целом подход, при котором разграничение в употреблении *wesan* и *habban* с глаголами движения связано с развитием у *habban* экспериенциального значения, не лишен оснований: формирование экспериенциального значения начинается к концу древнеанглийского — началу среднеанглийского периода. В пользу этого говорят примеры (12) и (13), в которых действие интерпретируется как повторяемое и влияющее на приобретение субъектом действия определенного опыта. Важно, что данные примеры зафиксированы исключительно в поздний период древнеанглийского (XI—XII вв.), когда *habban* + причастие II начинает приобретать темпоральные характеристики, выражая действие, но не только результирующее состояние.

Случаи варьирования конструкций в рамках разных рукописей одного и того же текста также не являются доказательством отсутствия семантических различий между *habban* + причастие II и *wesan* + причастие II, но, наоборот, такие примеры следует включать в более обширную сферу варьирования между конструкциями среди разных текстов.

Исходя из представленного в данной работе анализа семантики конструкций можно утверждать, что употребление *wesan* + причастие II и *habban* + причастие II в одном тексте, например во «Всемирной истории» Орозия, может быть связано с разницей в восприятии и передаче осуществленного действия. Таким образом, мы не видим препятствий к тому, чтобы рассматривать различия в семантике конструкций с данной точки зрения применительно к разным рукописям одного и того же текста.

5. Выводы

Анализ представленного в данном исследовании материала мы проводили исходя из того, что конструкция с посессивным глаголом в равной степени с конструкцией с бытийным глаголом обладала в древнеанглийском языке результативно-статальной семантикой. Такая точка зрения находит подтверждение в ряде работ (ср., например, [Carey 1994; Detges 2000; McFadden 2016]). При этом мы полагаем, что данные конструкции все же проявляли семантические различия, в частности при употреблении с глаголами движения. Мы исходим из того факта, что переходные глаголы движения в древнеанглийском указывали на преодоление субъектом некоторого расстояния или преодоление препятствия. Данное значение вслед за Т. Шэнноном мы называем прототипическим («ядерным») для конструкции с посессивным глаголом; это значение было характерно для нее с самых ранних зафиксированных текстов. Использование с посессивной конструкцией непереходных глаголов движения, зафиксированных в ранних произведениях, мы рассматриваем как результат переноса того же прототипического значения на контексты, в которых непереходный глагол движения был ограничен предельной ситуацией, а достижение предельности в контексте осуществлялось за счет различных наречий или обстоятельств направления движения. В таких примерах конструкция *habban* + причастие II обозначала результирующее состояние по прохождении пути, в отличие от конструкции *wesan* + причастие II, которая обозначала изменение местоположения или направление перемещения субъекта без указания на преодоление пути, расстояния или препятствия.

В дальнейшем, когда развитие перфекта в конце древнеанглийского — начале среднеанглийского периода переходит к следующему этапу, в частности интенсивно развивается темпоральная семантика конструкции, что отражается в усилении процесса парадигматизации перфекта и включения в его орбиту таких стативных глаголов, как *be* и *have*, начинает развиваться экспериенциальное значение, а это, в свою очередь, вносит изменения в факторы, влияющие на выбор вспомогательных глаголов. Наличие же высокой степени вариативности между конструкциями не означает отсутствия между ними семантических различий, но, напротив, свидетельствует (как в рамках одного текста, так и между различными текстами и даже одновременными рукописями одного и того же текста) об их различной семантической природе: существование внутритекстовой вариативности делало бы излишним существование одной из конструкций в случае их семантической идентичности, что привело бы к вытеснению одной из них. Однако, поскольку конструкция *be* + причастие II использовалась вплоть до ранненовоанглийского периода и отличалась от *have* + причастие II статальной семантикой (о разных трактовках противопоставления семантики конструкций в период от среднеанглийского до раннесреднеанглийского см. в [Fridén 1948] — аспектальный подход, [Lee 2004] — темпоральный), можно с уверенностью утверждать, что в древнеанглийский период мы фиксируем лишь начало процесса, в основе которого на раннем этапе лежали, как мы полагаем, описанные нами принципы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / SOURCES

Bosworth, Toller — Bosworth J., Toller T. N. *Anglo-Saxon Dictionary*. Available at: <http://www.bosworthtoller.com/> (accessed on: 21.09.2016).

- Healey et al. 2009 — Healey A., Wilkin J. P., Xiang X. (eds.). *Dictionary of Old English Web Corpus*. Toronto: Dictionary of Old English Project, 2009. Available at: <http://tapor.library.utoronto.ca/doecorpus/> (accessed on: 30.09.2016).
- Pintzuk, Leendert 2002 — Pintzuk S., Leendert P. *The York-Helsinki Parsed Corpus of Old English Poetry*. York: Univ. of York, 2002.
- Taylor et al. 2003 — Taylor A., Warner A. R., Pintzuk S., Beths F. *The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose (YCOE)*. York: Univ. of York, 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksального perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of prefixal perfective (based on the languages of Europe and Caucasus)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Вострикова 2010 — Вострикова Н. В. Типология средств выражения экспериментивного значения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010. [Vostrikova N. V. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperimentivnogo znacheniya*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [The typology of means of experiential meaning expression. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2010.]
- Маслов 1940 — Маслов Ю. С. Возникновение сложного прошедшего в немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1940. [Maslov Yu. S. *Vozniknovenie slozhnogo proshedshego v nemetskom yazyke*. Kand. diss. [Formation of the complex past in German. Cand. diss.]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1940.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание // Бондарко А. В., Майсак Т. А., Плуноян В. А. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Bondarko A. V., Maisak T. A., Plungian V. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. (eds.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad: Nauka, 1983.]
- Плуноян 2011 — Плуноян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сичинава 2010 — Сичинава Д. В. [Рец.:] R. Aranovich (ed.). Split auxiliary systems. Amsterdam: John Benjamins, 2007. (Typological Studies in Language 69.) // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 126—133. [Sitchinava D. V. [Review of:] R. Aranovich (ed.). Split auxiliary systems. Amsterdam: John Benjamins, 2007. (Typological Studies in Language 69.). *Voprosy yazykoznanija*. 2010. No. 1. Pp. 126—133.]
- Смирницкая 1965 — Смирницкая О. А. Происхождение аналитической формы перфекта в древнегерманских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1965. [Smirnitckaya O. A. *Proiskhozhdenie analiticheskoi formy perfekta v drevnegermanskikh yazykakh*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Origin of the analytical perfect form in the Old Germanic languages. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 1965.]
- Смирницкая 1977 — Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Ярцева В. Н. (ред.). Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука, 1977. С. 5—127. [Smirnitckaya O. A. Evolution of the aspectual-temporal system in the Germanic languages. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov. Kategoriya glagola*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1977. Pp. 5—127.]
- Acosta 2006 — Acosta D. A. *(HAVE + Perfect Participle) in Romance and English: Synchrony and diachrony*. PhD dissertation. Ithaca (NY): Cornell Univ., 2006.
- Alexiadou 2015 — Alexiadou A. On the irrealis effect on auxiliary selection. *Auxiliary selection revisited. Gradience and gradualness*. Kailuweit R., Rosemeyer M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 123—144.
- Carey 1994 — Carey K. *Pragmatics, subjectivity and the grammaticalization of the English perfect*. PhD dissertation. San Diego: Univ. of California, 1994.

- Detges 2000 — Detges U. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification. *Studies in Language*. 2000. Vol. 24. No. 2. Pp. 348—350.
- Fridén 1948 — Fridén G. *Studies on the tenses of the English verb from Chaucer to Shakespeare, with special reference to the late sixteenth century*. Cambridge (MA): Harvard Univ., 1948.
- Kuno, Takami 2004 — Kuno S., Takami K. *Functional constraints in Grammar: On the unergative-unaccusative distinction*. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Łęcki 2010 — Łęcki A. *Grammaticalisation paths of have in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. (Studies in English Medieval Language and Literature 24.)
- Lee 2004 — Lee J.-H. *Periphrastic perfect tense in English: A historical perspective*. PhD dissertation. Austin: The Univ. of Texas, 2004.
- Lieber, Baayen 1997 — Lieber R., Baayen R. H. A semantic principle for auxiliary selection in Dutch. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1997. Vol. 15. No. 4. Pp. 789—845.
- McFadden 2007 — McFadden Th. Auxiliary selection. *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1. No. 6. Pp. 674—708.
- McFadden 2011 — McFadden Th. The Old English distribution and subsequent loss of preverbal *ge-*. Paper presented at the 13th Diachronic Generative Syntax Conference University of Pennsylvania, 4 June, 2011. Available at: <https://www.academia.edu/2849238/>.
- McFadden 2015 — McFadden Th. Preverbal *ge-* in Old and Middle English. *Byproducts and side effects: Nebenprodukte und Nebeneffekte*. Meinunger A. (ed.). Berlin: Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft, 2015. Pp. 15—48. (ZASPiL 58.) Available at: http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge_writeup.pdf.
- McFadden 2016 — McFadden Th. Following the development of the BE perfect into Late Modern English. Paper presented at SHES, University of Edinburgh, 2016. Available at: <https://goo.gl/AAKjmO>.
- McFadden, Alexiadou 2006 — McFadden Th., Alexiadou A. Auxiliary selection and counterfactuality in the history of English and Germanic. *Comparative studies in Germanic syntax: From Afrikaans to Zurich German*. Hartmann J., Molnárfi L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 237—262. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 97.)
- Mitchell 1985 — Mitchell B. *Old English Syntax, I—II*. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- Mustanoja 1960 — Mustanoja T. F. *A Middle English syntax*. Helsinki: Société Néophilologique, 1960. (Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki 23.)
- Ogura 1996 — Ogura M. Old English *habban* + past participle of a verb of motion. *Studies in English language and literature. 'Doubt wisely': Papers in honour of E. G. Stanley*. Toswell M. J., Tyler E. M. (eds.). New York: Routledge, 1996. Pp. 199—214.
- Paul 1902 — Paul H. Die Umschreibung des Perfekts in Deutschen mit *haben* und *sein*. *Abhandlungen der Philosophisch-Philologischen Klasse der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. 1902. Bd. 22. Abt. 1. S. 159—210.
- Perlmutter 1978 — Perlmutter D. M. Impersonal passives and the Unaccusative Hypothesis. *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Jaeger J. (ed.). Berkeley: Univ. of California Press, 1978. Pp. 157—189.
- Sapp 2011 — Sapp Ch. D. Auxiliary selection in the Early New High German perfect tenses. *Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik*. 2011. Vol. 53. No. 2. Pp. 29—43.
- Shannon 1990 — Shannon Th. F. The Unaccusative Hypothesis and the history of the perfect auxiliary in Germanic and Romance. *Current issues in linguistic theory*. Andersen H., Koerner E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1990. Pp. 461—499.
- Sorace 2000 — Sorace A. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs. *Language*. 2000. Vol. 76. No. 4. Pp. 859—890.
- Takahashi 2008 — Takahashi N. On Unaccusativity. *Nagoya University of Foreign Studies Bulletin*. 2008. Vol. 34. Pp. 221—243.
- Van Valin 1990 — Van Valin R. Semantic parameters of split intransitivity. *Language*. 1990. Vol. 66. No. 2. Pp. 221—260.
- Visser 1973 — Visser F. Th. *An historical syntax of the English language*. Leiden: Brill, 1973.
- Zaenen 1993 — Zaenen A. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics. *Semantics and the lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1993. Pp. 129—161. (Studies in linguistics and philosophy 49.)

ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПАДЕЖ
В ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ*

© 2017

Екатерина Анатольевна Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация;
lyutikova2008@gmail.com

В статье анализируются падежные теории, базирующиеся на конфигурационном подходе А. Марантца. Основная идея конфигурационного подхода состоит в приписывании структурных падежей именным группам в зависимости от наличия других аргументных именных групп — «падежных конкурентов» — в общей локальной области. В семействе конфигурационных моделей наиболее разработанной в настоящее время является параметрическая модель М. Бейкера, представленная в серии статей и монографии 2015 г. «Case: Its Principles and Parameters». Правило приписывания структурного падежа параметризуется в отношении условий с-командования, локальных областей, категориального статуса получателя падежа и падежного конкурента. Наиболее серьезные проблемы конфигурационной теории — тайминг приписывания падежа и мотивация передвижений, оказывающих влияние на выбор падежной граммы.

Ключевые слова: зависимый падеж, конфигурационная теория падежа, лингвистическая типология, немаркированный падеж, параметрические модели, согласование, структурный падеж, теория падежа, формальный синтаксис

CONFIGURATIONAL CASE IN A PARAMETRIC MODEL

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; lyutikova2008@gmail.com

The paper presents an overview of the current theories of case based on the Marantzian configurational model. The crucial idea behind the configurational approach is that structural case is assigned to DPs depending on the presence of other argumental noun phrases — case competitors — in the local domain. The most elaborated model of the configurational family is Mark Baker's parametric model represented in a series of papers and in the recent monograph «Case: Its Principles and Parameters» (2015). Structural case assignment rule is parametrized with respect to the c-command relation type, local domains relevant to case assignment, and the syntactic category of the case receiver and case competitor. The most serious problems

* Поводом к написанию данного обзора послужила публикация монографии Марка Бейкера: *Baker M. C. Case: Its Principles and Parameters*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p. (Cambridge Studies in Linguistics, 146.) ISBN: 978-1-10769-009-7. Выражаю глубокую признательность редакции журнала «Вопросы языкознания» за возможность ознакомиться с полным текстом монографии и представить ее отечественному читателю, а также анонимным рецензентам за вдумчивое и содержательное обсуждение моей работы. Обзор написан в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

faced by the configurational theory are the timing of case assignment and the motivation of DP movement that feeds the case assignment process.

Keywords: agreement, case theory, configurational case theory, dependent case, linguistic typology, parametric models, structural case, syntactic theory, unmarked case

1. Падеж в современном формальном синтаксисе

Падежная проблематика имеет богатую историю формального моделирования. Достаточно сказать, что среди первых приложений структуралистской методологии к морфосинтаксическим явлениям мы находим репрезентацию русских падежных граммем в модели дифференциальных признаков Р. О. Якобсона [1936/1985]. В современном грамматическом теоретизировании представлено множество подходов к анализу категории падежа; подробные обзоры можно найти в [Butt 2006] и [Malchukov, Spencer (eds.) 2008].

Падежная теория, развивавшаяся в рамках генеративного синтаксиса, сосредоточивалась на падеже как формальном синтаксическом признаке именных групп, имеющем лишь опосредованное отношение к его выражению соответствующей морфологической категорией¹. В круг явлений, подвергающихся формальному моделированию, включались механизмы падежного маркирования, или приписывания падежа, вопросы соотношения морфологического и синтаксического падежа, исследовавшиеся в первую очередь на материале таких феноменов, как *quirky*-подлежащие² и эргативность, проблемы классификации падежей (структурные vs. лексически управляемые).

Современный этап развития генеративной теории падежа представлен минималистской моделью, основные положения которой намечены в [Chomsky 2000; 2001]. В этой модели падеж рассматривается как неозначенный и неинтерпретируемый признак именной группы, который должен получить значение в процессе деривации, иначе деривация «не сойдется» и соответствующее предложение окажется неграмматичным. Означивание падежного признака именной группы происходит в процессе согласования некоторой вершины F с именной группой по ф-признакам (лицу, числу, возможно, роду / согласователю классу). Приписывание падежа, таким образом, является следствием согласования вершины с именной группой, что отражается в наименовании модели — **приписывание падежа при согласовании** (case assignment under AGREE). Вершины — источники падежа делятся на лексические, которые вступают в падежное взаимодействие с собственными дополнениями и приписывают им ингерентный падеж, и функциональные, которые приписывают структурный падеж ближайшей именной группе, доступной в их области с-командования.

В последнее десятилетие в рамках формального синтаксиса бурно развивается так называемый **конфигурационный подход** к падежу, составляющий конкуренцию минималистской модели падежа Н. Хомского. Этот подход опирается на морфологическую падежную теорию А. Марантца, предложенную в статье [Marantz 1991]. Особую популярность конфигурационный подход приобрел в результате исследований Марка Бейкера, который разработал параметрическую модель конфигурационного падежа, учитывающую типологическое разнообразие падежных систем языков мира.

¹ В этой связи существенный интерес представляют случаи сосуществования в пределах одного языка показателей морфологического падежа, оформляющих словоформы, и показателей синтаксического падежа, оформляющих синтаксические группы (см. недавнее обсуждение в [Беляев 2014]).

² **Quirky subject** (букв. ‘странное подлежащее’) — синтаксический феномен исландского и, предположительно, ряда других языков, где аргумент в лексически управляемом падеже (*quirky case*) может занимать структурную позицию подлежащего, в обычных случаях связанную с номинативным падежным маркированием, и обладать всеми следующими из этой позиции синтаксическими свойствами. Более распространенный термин «неноминативное (неканоническое) подлежащее» является гиперонимом по отношению к феномену *quirky subject*, поскольку не предполагает тождества структурной позиции канонического и неканонического подлежащего.

Вышедшая в 2015 г. монография Бейкера [Baker 2015], которая будет в центре обсуждения в данной статье, подводит итог исследованиям падежной проблематики, осуществлявшимся автором на протяжении как минимум пяти лет и представленным целой серией статей [Baker 2009; 2012; 2013; 2014; 2017; Baker, Vinokurova 2010; Baker, Kramer 2014; Baker, Bobaljik 2017]. Исследовательская программа Бейкера, его интерес к конфигурационной модели падежа, несомненно, мотивированы его прежними работами — формально-типологическими исследованиями согласования [Baker 2008a] и инкорпорации [Baker 1988]. В монографии, посвященной согласованию, Бейкер приходит к выводу, что взаимосвязь структурного падежа и согласования характерна лишь для части языков, и вводит параметр CDAP (Case Dependency of Agreement Parameter), способный принимать значения «да/нет»:

(1) Параметр CDAP [Baker 2008a: 155]

Функциональная вершина F согласуется с DP/NP, только если F означает падежный признак этой DP/NP, или наоборот, F означает падежный признак DP/NP, только если F согласуется с этой DP/NP³.

Например, в якутском языке предикативное и посессивное согласование находятся в одно-однозначном соответствии с приписыванием номинатива подлежащему и генитива посессору соответственно: параметр CDAP для данных конфигураций принимает значение «да» [Baker, Vinokurova 2010]. Амхарский язык может служить примером отрицательного значения параметра CDAP для объектного согласования и приписывания аккузатива дополнению: наряду с аккузативными дополнениями, контролирующими объектное согласование, возможно отсутствие объектного согласования с аккузативным объектом и объектное согласование с не-аккузативным (дативным или предложным) дополнением [Baker 2012].

Легко видеть, что опция «CDAP: да» соответствует модели приписывания структурного падежа при согласовании; возникает вопрос, каковы механизмы приписывания падежа в системах со значением параметра «CDAP: нет». Бейкер полагает, что решением является конфигурационная модель приписывания падежа А. Марантца, которая, однако, нуждается в дальнейшем уточнении: необходимо выявить ее взаимодействие с прочими морфосинтаксическими механизмами, задействованными в ходе синтаксической деривации и озвучивания предложения, определить универсальные и вариативные характеристики модели, представить межязыковое варьирование в проблемной области в рамках параметрической системы.

Второй источник падежной проблематики в научных изысканиях Бейкера — это его работы по инкорпорации. В диссертации и последовавшей за ней монографии [Baker 1988] аргументируется структурная модель инкорпорации как передвижения вершин; в частности, инкорпорация объекта понимается как передвижение содержимого вершины N в V. Естественным следствием этой модели является фиксированная линейная позиция, неспособность выступать контролером референциально связанных выражений, невозможность ветвления и отсутствие падежа у инкорпорированного объекта. В начале 2000-х гг. внимание исследователей привлек особый тип конструкций с беспадежным дополнением, которое демонстрирует синтаксическую «дефектность» в отношении линейной позиции и контроля, однако допускает ветвление; такие дополнения получили название псевдоинкорпорированных [Massam 2001; 2009]. Псевдоинкорпорация не могла быть адекватно представлена как передвижение вершин (ср., однако, [Baker 2009], где предпринимается такая попытка), поэтому возникла потребность в новой модели, связывающей фиксированную линейную позицию дополнения, его синтаксическую дефектность и отсутствие падежного показателя, характерного для обычных дополнений.

Конечно, исследования, связанные с применением конфигурационной модели к материалу разноструктурных языков, велись и раньше. Так, в диссертации [McFadden 2004] анализ в рамках подхода Марантца получает материал ряда германских и финно-угорских языков;

³ Здесь и далее перевод наш.

следует также отметить статью [Bittner, Hale 1996], в которой механизмы конфигурационной модели используются для анализа таких эргативных языков, как дирбал, западно-гренландский инуит, самоанский. Однако именно в работах Бейкера ставится задача построить параметрическую модель конфигурационного падежа для открытого класса языков. В [Baker 2015] предпринимается попытка углубленного изучения падежной проблематики на сравнительно небольшой, но сбалансированной выборке языков, представляющих различные системы морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов (2).

(2) Языковая выборка [Baker 2015: 10]

- a. Аккузативные языки: якутский, тамильский, амхарский, кусканский кечуа, корейский, финский
- b. Эргативные языки: шипибо, бурушаски, чукотский, лезгинский, ингушский, гренландский; также, менее подробно, кева (Новая Гвинея) и вардаман (Австралия)
- c. Трехчастные языки: не-персе, прибрежный цимшианский, семелай, дияри, вальпири⁴
- d. Языки с маркированным номинативом: чокто, оромо, туканг-беси, марикопа, мохава; также, возможно, корейский
- e. Язык с маркированным абсолютивом: ниасский

Такая постановка задачи для Бейкера неслучайна. В серии монографий [Baker 1988; 1996; 2001; 2005; 2008a] на материале различных языковых явлений и различных языковых выборок формируется, развивается и оттачивается методология формальной генеративной типологии (Formal generative typology), основные идеи которой наиболее четко сформулированы в [Baker 2010]. Важнейшей характеристикой этого подхода является сочетание формально-теоретического взгляда на язык с типологической перспективой.

В настоящее время о дистрибуции грамматических признаков «первого уровня» в языках мира известно довольно много (см., например, базу данных WALS [Dryer, Haspelmath (eds.) 2013]); можно считать, что основные «лежащие на поверхности» типологические обобщения над этим материалом уже получены. Новое направление исследований, предлагаемое Бейкером, состоит в том, чтобы подвергнуть межъязыковому сравнению не исходные языковые данные по возможности максимального числа языков, а результаты анализа языковых данных в рамках некоторой формальной системы для небольшого числа языков. Такая методология в статье [Baker, McCloskey 2007] получила название «Средний путь» (The Middle Way), поскольку предполагает среднюю глубину проработки материала для среднего числа языков выборки. Использование формального моделирования при сопоставительном изучении языковых данных генетически несвязанных разноструктурных языков позволяет достичь адекватного уровня анализа материала и типологической достоверности достигаемых обобщений, что в конечном итоге способствует существенному приращению наших знаний о языковых универсалиях и моделях межъязыкового варьирования.

Моделирование падежной проблематики может также рассматриваться сквозь призму дискуссии об архитектуре параметрических систем. В заглавии монографии [Baker 2015] присутствует отсылка к генеративной модели Принципов и Параметров (Principles and Parameters framework, см. энциклопедическую статью [Pesetsky 2003]), которая предполагает два класса ограничений на языковую структуру: универсальные ограничения (принципы), характеризующие универсальную грамматику и воспроизводящиеся во всех естественных языках, и параметры, способные принимать различные значения в разных языках

⁴ Бейкер достаточно подробно обосновывает решение относить к трехчастным языки типа вальпири, в которых соответствующая морфологическая оппозиция падежных форм представлена лишь у подкласса именных групп (например, у некоторых местоимений). Итоговый критерий выглядит следующим образом: «Если какие-либо единицы в языке демонстрируют трехчастную падежную оппозицию, либо если в языке имеются и эргативная, и аккузативная подпарадигмы, то язык относится к трехчастным» [Baker 2015: 25].

и регулирующие межъязыковое разнообразие. Исследовательская программа формальной лингвистики и лингвистической типологии последних десятилетий неизменно включает вопрос об организации системы параметров: существуют ли макропараметры, задающие тип языка, его «структурную сущность», или же различия между языками описываются совокупностью микропараметров. Во введении к своей книге «Параметр полисинтеза» Бейкер пишет: «A priori может быть две крайних точки зрения на поверхностные различия между языками. С одной стороны, возможно, что, скажем, язык могавак отличается от такого языка, как английский, во многих второстепенных аспектах, и лишь кумулятивный эффект этих несущественных отличий делает могавак столь структурно чуждым для носителя английского языка. С другой стороны, можно сказать, что могавак отличается от английского в одном существенном аспекте, но это отличие так глубоко укоренено в грамматической системе, что затрагивает все виды языковых структур» [Baker 1996: 3].

Макропараметрические системы предполагают иерархические классификации языков, построенные при помощи параметров разного уровня значимости: самые важные параметры определяют первичное разбиение, дальнейшие параметры выделяют подклассы внутри больших классов. Примером подобной системы может служить параметрическая иерархия самого Бейкера, в основании которой находится параметр полисинтеза [Baker 2001: 183]. Существенно, что вторичные параметры, предопределяющие дальнейшую кластеризацию, различны для разных классов. Так, например, среди полисинтетических языков выделяется два подкласса на основании уподобления прилагательных глаголам либо именам, в то время как не-полисинтетические языки далее образуют подклассы на основании параметра вершины и факультативного полисинтетизма.

Напротив, микропараметрические классификации легко совместимы с параметрами одного уровня значимости, которые могут быть применены для классификации некоторого языка вне зависимости от значения другого параметра [Kayne 2000; Longobardi 2005; Roberts, Holmberg 2010]. Например, передвижение лексического глагола в предикативную вершину и наличие подлежащно-сказуемой инверсии в вопросительном предложении являются двумя микропараметрами, которые принимают значения независимо друг от друга. Поэтому, несмотря на то что по первому параметру английский язык принимает отрицательное, а французский язык — положительное значение, мы можем охарактеризовать оба эти языка как имеющие инверсию в вопросительном предложении. Добавляя новый микропараметр — вторую позицию финитного глагола в независимом предложении, — мы получаем отличие французского языка от немецкого и т. п. Таким образом, совокупность микропараметров в конечном итоге способна представить типологическую уникальность каждого конкретного языка.

Макро- и микропараметрические подходы обладают своими достоинствами и недостатками. Макропараметрические классификации ставят слишком амбициозную задачу — построить иерархически организованную систему языковых типов. С неизбежностью обнаруживается, что такая система эмпирически неадекватна: некоторые языки проявляют смешанные свойства и должны быть отнесены к разным таксонам одновременно. С другой стороны, кластеризация свойств языков действительно существует и значительно ограничивает межъязыковое варьирование. Микропараметрические классификации способны обнаружить корреляции между параметрами, однако такие корреляции не воплощаются самой архитектурой параметрической системы. Кроме того, микропараметры в значительно меньшей степени, чем макропараметры, отвечают исходной задаче параметризации — ограничить межъязыковое варьирование за счет кластеризации эффектов одного феномена в разных областях грамматики [Baker 2008b]. Таким образом, задача оптимальной организации системы параметров на сегодняшний день не решена, и построение параметрической модели варьирования для синтаксической категории падежа может рассматриваться как испытательный полигон для архитектурных опций параметрических систем.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 охарактеризована падежная теория А. Марантца, показаны основные направления ее развития. Раздел 3

посвящен разработке параметрической модели на основе конфигурационной теории падежа и опирается в основном на концепцию М. Бейкера, изложенную в серии статей и монографии [Baker 2015]. В разделе 4 дается общая оценка конфигурационной модели, обсуждаются ее достоинства и недостатки.

2. Конфигурационная модель А. Марантца

Семейство конфигурационных подходов к падежу может быть условно выделено на основе общей идеи, что основные падежи клаузы — номинатив, аккузатив и эргатив — не «распределяются» между функциональными вершинами, которые затем приписывают эти падежи именным группам, вступающим с ними в синтаксическое взаимодействие, а приписываются напрямую аргументным именным группам на основании их структурного соотношения друг с другом. Ранними воплощениями этой идеи можно считать подходы, использующие иерархии падежей для распределения их внутри клаузы (ср. парадигматический падеж в [Comrie 1976], а также использование иерархий внутри некоторых падежных ярусов (tiers) в [Yip et al. 1987]). В рамках конфигурационных теорий возможен единый подход к аккузативной и эргативной системам падежного маркирования как к симметричным феноменам: и аккузатив, и эргатив имеют статус некоторого «дополнительного», «зависимого» падежа, который возникает в клаузе тогда, когда одного номинатива для различительного кодирования аргументов недостаточно.

В статье А. Марантца [Marantz 1991] представлена не только наиболее известная, но и, пожалуй, наиболее радикальная конфигурационная теория падежа, максимально противопоставленная падежной теории генеративной грамматики. Основная идея конфигурационной теории состоит в следующем: структурные падежи приписываются именным группам в зависимости от наличия других именных групп («падежных конкурентов») в общей локальной области.

Марантц выделяет четыре типа падежей, образующих дизъюнктивную иерархию реализации падежа:

- лексически управляемый падеж (lexically governed case), т. е. падеж, определяемый идиосинкратичными свойствами конкретных лексических единиц — таких, например, как исландские глаголы, приписывающие *quirku*-падеж, или предлоги / послелоги;
- зависимый падеж (dependent case) — аккузатив или эргатив, т. е. падеж, приписывание которого с точки зрения данной теории «зависит» от присутствия в клаузе другой беспадежной именной группы;
- немаркированный падеж (unmarked case), т. е. падеж, приписываемый любой именной группе в некоторой структурной области, например, номинатив внутри клаузы или генитив внутри NP/DP;
- дефолтный падеж (default case), т. е. падеж, который именная группа получает по умолчанию.

Данная иерархия определяет порядок, в котором именной группе могут быть приписаны различные типы падежа. Безусловным приоритетом обладает приписывание лексически управляемых падежей (аналогов ингерентного падежа генеративной теории). Далее применяется правило приписывания зависимого падежа: для того, чтобы именная группа получила зависимый падеж, необходимо, чтобы как минимум две беспадежные именные группы принадлежали одной клаузе. Если данное условие выполнено, то именная группа, находящаяся ниже в синтаксической структуре, в аккузативных языках получает зависимый аккузатив, а именная группа, находящаяся выше в синтаксической структуре, в эргативных языках получает зависимый эргатив. Затем наступает очередь применения правила немаркированного падежа: он приписывается любой пока еще беспадежной именной группе, расположенной внутри конкретной синтаксической проекции. И, наконец, если к именной группе не применимо ни одно из предыдущих правил, она получает дефолтный падеж.

Очевидно, что наличие в системе правила дефолтного падежа, то есть падежа, по умолчанию доступного для любой именной группы, несовместимо с представлением о падеже как лицензоре именной группы. В системе Марантца, где падеж возникает в постсинтаксическом компоненте и является исключительно морфологическим феноменом, его влияние на грамматичность предложения и не ожидается (ср.: «...падеж, как и прочие морфологические феномены, интерпретирует синтаксическую структуру, но не ограничивает ее» [Marantz 1991: 248]; см. также развивающую морфологический подход к падежу диссертацию [McFadden 2004]). Однако даже в тех работах, которые включают конфигурационное приписывание падежа в синтаксический компонент (см., например, [Bittner, Hale 1996; Kornfilt, Preminger 2015; Levin, Preminger 2015], а также перечисленные выше труды М. Бейкера), анализ падежа как лицензора именной группы при сохранении правила дефолтного падежа оказывается принципиально неосуществим: если дефолтный падеж доступен любой именной группе, неграмматичность некоторой конфигурации не может быть связана с неспособностью именной группы получить падеж.

Основные направления в развитии конфигурационной модели, представленные в последующей литературе, заключаются в более тщательной проработке падежных областей и параметризации правил приписывания зависимого падежа. С одной стороны, система Марантца допускает и более общую формулировку правил: можно предполагать, что при падежной конкуренции падеж получает не только одна из двух конкурирующих ИГ (верхняя или нижняя), но также возможна ситуация, когда и нижняя, и верхняя ИГ будут маркированы падежом, как это происходит в некоторых языках с трехчастной падежной системой, например в не-персе (ср. [Levin, Preminger 2015]). С другой стороны, в пределах клаузы можно выделять более одной падежной области (например, VP и TP), что позволяет сходным образом анализировать структурный дательный падеж, возникающий в битранзитивных конструкциях. Привлекательной оказывается также идея соотнести области падежной конкуренции с другой, независимо разрабатываемой моделью, в которой деривация предстает состоящей из отдельных структурных «порций», — с теорией фаз [Chomsky 2001]: локальность синтаксических процессов и следующая из этого положения цикличность представляется в ней как ограничение на количество структуры, видимой для синтаксического компонента в текущий момент. Идею, что области падежной конкуренции (VP и TP) соответствуют комплементарам фазовых вершин (*v* и *C*), мы обнаруживаем уже в [McFadden 2004]; в дальнейшем в работах Бейкера к этому списку добавляются другие составляющие, претендующие на статус локальной области, в первую очередь NP/PossP (комплементар фазовой вершины D).

Следует отметить, что, хотя приписывание нелексического падежа в модели Марантца не связано с конкретными функциональными вершинами и абсолютно независимо от операции согласования, тем не менее в работах, развивающих конфигурационную модель, неоднократно отмечалось, что морфологический падеж именных групп может опосредованно влиять на согласовательные характеристики предикативной и прочих функциональных вершин. Подобное влияние выражается в виде падежных ограничений (case discrimination), налагаемых на именную группу — потенциальный контролер предикативного согласования. Так, Дж. Бобалик [Bobaljik 2008] реинтерпретирует известную иерархию контролеров согласования Э. Моравчик [Moravcsik 1974; 1978], сформулированную изначально в терминах синтаксических ролей (grammatical relations), в терминах типов падежа, оформляющего потенциальный контролер согласования:

(3) немаркированный падеж >> зависимый падеж >> лексический / косвенный падеж

В работах М. Бейкера делается попытка совместить падежные ограничения на согласование с приписыванием структурного падежа при согласовании. Оба явления представляются в виде двух параметров: (i) наличия падежных ограничений на согласование (вершина F согласуется с именной группой без падежа / в падеже X / в любом падеже) и, в случае согласования с беспадежной именной группой, (ii) вершина F приписывает ей

падеж/не приписывает ей падеж. Это остроумное решение, однако, существенно усложняет тайминг (распределение во времени) синтаксических операций; данная особенность модели Бейкера будет подробнее обсуждаться ниже.

Итак, параметрической модели Бейкера предшествовала достаточно серьезная проработка конфигурационной теории, в ходе которой были намечены основные направления ее развития и сделана попытка выявить «врожденные» ограничения. Однако именно в [Baker 2015] от частных приложений этого подхода к материалу конкретных языков и нуждающихся в дополнительных обоснованиях гипотез мы переходим к полноценной и самодостаточной теории, принимающей к рассмотрению все аспекты падежной проблематики достаточно представительной выборки языков (2). Бейкер доказывает, что модель, построенная на конфигурационном подходе к падежу, совместима с современной генеративной синтаксической теорией и может выступать ее компонентом.

3. Принципы и параметры конфигурационного падежа

Своеобразие конфигурационной модели по сравнению с падежной теорией минимализма проявляется в анализе структурного падежа. В отличие от ингерентного (лексически управляемого) падежа, имеющего источником конкретную лексическую вершину и связанного с приписыванием именной группе семантической роли, структурный падеж, по мнению сторонников конфигурационной теории, едва ли допускает обобщение в терминах вершинистика или грамматической функции. В общем случае структурный падеж не выражает семантическую роль и не связан с конкретным грамматическим отношением / синтаксической ролью (ср., например, номинативные, аккузативные или генитивные подлежащие, аккузативные или немаркированные прямые дополнения и т. п.). Более того, его наличие может зависеть не от свойств самой именной группы и не от свойств какой-либо функциональной вершины, а от наличия и/или свойств другой именной группы, так что структурный падеж реализует, скорее, различительную (*differentiating*), чем индексирующую / характеризующую функцию, в соответствии с дихотомией, предложенной Б. Комри [Comrie 1978; 1981]. Эти характеристики структурного падежа наилучшим образом представимы именно в конфигурационной модели.

Важное содержательное решение связано с локализацией структурного падежа в деривации и соотношением морфологического и синтаксического падежа. В системе Марантца исходной идеей является, безусловно, морфологический характер правил приписывания падежа, подчиняющийся иерархии специфичности (аналогу принципа Панини). Отсюда следует гипотеза о морфологическом характере падежа и, далее, об отказе от абстрактного падежа как лицензора именных групп. Однако не всем исследователям эти положения представляются неизбежно связанными друг с другом. В большинстве современных работ предпринимаются попытки интегрировать наиболее привлекательные идеи конфигурационного подхода — о зависимом и немаркированном / дефолтном падеже — в синтаксические деривационные механизмы генеративной грамматики. Представление о структурном падеже как о синтаксическом феномене обосновывается, в частности, в работах Бейкера. Правила озвучивания, применяемые в морфологическом компоненте, например падежный синкретизм или отличия типов склонения, могут затемнять единство и целостность падежной граммемы, однако такие синтаксические феномены, как сочинение или согласование (*contra* [Bobaljik 2008]), опираются на синтаксический падеж и независимы от морфологического способа выражения падежа (например, от типа склонения).

Первой точкой бифуркации в типологии падежа в [Baker 2015] становится противопоставление падежей, приписываемых при согласовании в рамках традиционной минималистской модели, и падежей, приписываемых конфигурационно. Следует отметить, что гипотеза о сосуществовании в пределах грамматики одного языка двух способов приписывания падежа высказывается еще в работе [Baker, Vinokurova 2010]. Важнейшей диагностикой приписывания падежа при согласовании является одно-однозначное соответствие между

количеством именных групп, получающих некоторый падеж, и количеством функциональных вершин, демонстрирующих согласование с такой именной группой. Так, в якутском языке номинатив подлежащего приписывается при согласовании предикативной вершиной, поскольку недопустимо ни отсутствие согласования, ни многократное согласование с номинативным подлежащим (4).

(4) якутский [Baker, Vinokurova 2010: 637]

a.	<i>En</i>	<i>süij-büt</i>	<i>e-bik-kin.</i>
	ты	победить-PTCP	AUX-PTCP-2SG
b.	<i>En</i>	<i>süij-bük-kün</i>	<i>e-bit.</i>
	ты	победить-PTCP-2SG	AUX-PTCP
c.	* <i>En</i>	<i>süij-büt</i>	<i>e-bit.</i>
	ты	победить-PTCP	AUX-PTCP
d.	* <i>En</i>	<i>süij-bük-kün</i>	<i>e-bik-kin.</i>
	ты	победить-PTCP-2SG	AUX-PTCP-2SG

‘В результате ты победил’.

Важно отметить, что данный параметр кластеризует падежи конкретных языков, а не сами языки: например, в якутском языке номинатив и генитив, по мнению Бейкера, приписываются при согласовании, в то время как аккузатив и датив — конфигурационно. Соответственно, наличие либо отсутствие в языке падежей, приписываемых при согласовании, не влияет на параметризацию правил конфигурационного приписывания падежей. Здесь можно усмотреть первое отступление от макропараметрической идеологии; как мы увидим ниже, прочие параметры, характеризующие конфигурационное приписывание падежей, также по большей части независимы друг от друга.

В общем виде правило приписывания зависимого падежа может быть сформулировано следующим образом:

(5) Если XP находится в определяемом на основе с-командования отношении Y к ZP в локальной области WP, то припиши падеж V составляющей XP [Baker 2015: 79].

Правило (5) содержит несколько переменных, каждая из которых предопределяет возможный диапазон параметрического варьирования конфигурационной модели. Тип отношения Y задает различные условия на с-командование; тип локальной области WP задает принимаемый к рассмотрению набор составляющих, участвующих в падежной конкуренции; составляющие XP и ZP могут иметь различный категориальный статус, что также оказывает влияние на приписывание зависимого падежа. Ниже эти параметры рассмотрены более подробно.

3.1. Условия, связанные с с-командованием

Зависимый падеж параметризуется в отношении необходимых для его приписывания конфигураций, основанных на с-командовании. Помимо «положительных» условий (именная группа с-командует или с-командуется другой именной группой), которые мы обнаруживаем уже в модели Марантца, в работах Бейкера добавляется группа «отрицательных» условий: именная группа **не** с-командует или **не** с-командуется никакой другой именной группой.

Необходимость в правилах такого рода возникает для описания языков с маркированным номинативом / абсолютивом, в которых специальный показатель оформляет единственный аргумент неэргативов и неаккузативов, а также внешний / внутренний аргумент переходного глагола, в то время как другой аргумент переходного глагола остается немаркированным либо маркируется аккузативом / эргативом. Падежные системы с маркированным номинативом встречаются, например, в языках северо-восточной Африки, ср. (6) из оромо (кушитский / афразийский):

(6) оромо [Baker 2015: 90]

a. *Sáree-n adii-n ní iyui-f-i.*
 собака-MNOM белый-MNOM FOC лаять-F-IPF
 ‘Белая собака лает’.

b. *D’axáa-n maná duubá: b-bu’e.*
 камень-MNOM дом за LOC-падать
 ‘Камень упал за домом’.

c. *Húrrée-n arká d’olki-t-i.*
 туман-MNOM зрение(ABS) предотвращать-F-IPF
 ‘Туман уменьшает видимость’.

Падежная модель оромо отличается и от эргативной схемы (поскольку все одностепенные глаголы — и неэргативы, и неаккузативы — используют маркированный номинатив), и от аккумулятивной / нейтральной схемы (поскольку падеж подлежащего не является немаркированным). Дело в том, что в языках с немаркированным номинативом номинатив используется не только как падеж подлежащего, но и во всех прочих контекстах, когда условия для приписывания падежа отсутствуют. В частности, к таким контекстам относятся фрагментированные именные группы в роли номинативных предложений, восклицаний / проклятий / ругательств и названий, «зависающие топики» (hanging topics), не повторяющие падеж резюмирующего местоимения / мишени топикализации, именные группы в предикативной позиции. В языках с маркированным номинативом, однако, в таких контекстах используется другая — немаркированная — форма именной группы; в оромо эта форма также используется для дополнения переходного глагола, ср. (7) и (6с):

(7) оромо [Baker 2015: 95]

Obbolesá xiyya, makiináa-n isá c’apt’e.
 брат(ABS) мой машина-MNOM его ломаться.F.PST
 ‘Что касается моего брата, его машина сломалась’.

Поскольку номинатив подлежащего не является дефолтной формой, возникающей в ситуации «elsewhere», для приписывания маркированного номинатива необходимо специальное правило. Оно не может быть сформулировано в терминах положительных условий с-командования, как правило для эргатива, поскольку зависимый номинатив приписывается подлежащему как в присутствии, так и в отсутствие нижестоящего падежного конкурента-дополнения. Соответственно, возникает потребность в правилах приписывания падежа в отрицательных условиях с-командования: маркированный номинатив приписывается подлежащему тогда, когда в одной с ним падежной области — TP — не существует с-командующей беспадежной аргументной именной группы. Аналогичное правило действует и в зеркальной ситуации с маркированным абсолютивом (например, в нияссском языке — одном из суматранских языков малайско-полинезийской ветви австронезийских языков).

3.2. Параметризация падежных областей

Типология локальных областей, релевантных для приписывания зависимого и немаркированного падежа, в работах Бейкера расширяется; разрабатывается гипотеза о том, что локальной областью для приписывания падежа являются составляющие — комплементы фазовых вершин. Приписывание структурного падежа не подчиняется принципу раннего применения правил [Pesetsky 1989], но происходит в момент передачи отрезка синтаксической структуры на интерфейсные уровни. Таким образом, постулируя синтаксический статус падежа, Бейкер в действительности максимально приближает его к морфонологическому компоненту.

Начнем с обсуждения СР-фазы, в которой на озвучивание передается комплемент фазовой вершины С — ТР. Эта составляющая в статье Марантца рассматривается как падежная область для приписывания зависимого аккумулятива и эргатива, а также немаркированного номинатива. Бейкер развивает этот анализ, показывая, что зависимый падеж ТР может приписываться в полипредикативных конструкциях при падежной конкуренции подлежащего зависимой клаузы и аргумента главной клаузы в том случае, когда подлежащее зависимой клаузы выдвигается на ее левую периферию, покидая тем самым свою ТР и оказываясь в фазе главной клаузы. В якутском примере (8) маркирование подлежащего зависимой клаузы аккумулятивом возможно в том случае, если оно является непосредственной составляющей собственной клаузы (предположительно, адьюнгируясь к СР), и невозможно, если оно располагается внутри ТР, что видно по позиции наречия.

- (8) якутский [Baker 2015: 114—115]
a.	<i>Min</i>	[<i>ehigi-ni</i>	<i>sarsyn</i>	<i>kel-iex-xit</i>	<i>dien</i>]	<i>ihit-ti-m.</i>
	я(НОМ)	ты-АСС	завтра	приходить-FUT-2PL	что	слышать-PST-1SG
b.	<i>Min</i>	[<i>sarsyn</i>	<i>ehigi-(*ni)</i>	<i>kel-iex-xit</i>	<i>dien</i>]	<i>ihit-ti-m.</i>
	я(НОМ)	завтра	ты-(*АСС)	приходить-FUT-2PL	что	слышать-PST-1SG
- ‘Я слышал, что ты завтра придешь’.

В пользу анализа аккумулятива подлежащего как зависимого падежа говорит тот факт, что для его приписывания необходимым и достаточным условием является наличие падежного конкурента — другой именной группы в главной клаузе; переходности матричного предиката при этом не требуется (9).

- (9) якутский [Baker 2015: 114]
a.	<i>Keskil</i>	[<i>Aisen-y</i>	[<i>kel-bet</i>	<i>dien</i>]]	<i>xomoj-do.</i>
	Кескиль	Айсен-АСС	приходить-NEG.AOR.3SG	что	огорчиться-PST.3SG
	‘Кескиль огорчился, что Айсен не придет’.				
b.	<i>Bügün</i>	<i>munñax-xa</i>	<i>Masha-(*ny)</i>		
	сегодня	встреча-ДАТ	Маша-(*АСС)		
	[<i>ehiil</i>	<i>Moskva-qa</i>	<i>bar-ya</i>	<i>dien</i>]	<i>cuolkajdan-na.</i>
	следующий год	Москва-ДАТ	идти-FUT.3SG	что	становиться.очевидным-PST.3SG
	‘Сегодня на встрече стало ясно, что Маша в следующем году поедет в Москву’.				

Еще один источник взаимовлияния аргументов разных предикатов друг на друга — реструктурирование полипредикативной конструкции в конструкцию со сложным сказуемым. В кусканском кечуа агентивная номинализация может образовывать собственную клаузу, как в примере (10a), или подвергаться реструктурированию, образуя монопредикативную конструкцию с главным предикатом (10b). В полипредикативной конструкции (10a) дополнение зависимой клаузы не может получить аккумулятив, поскольку возможный падежный конкурент, *pro* (‘я’), находится в другой падежной области, в то время как собственное подлежащее зависимой клаузы, PRO⁵, в кусканском кечуа не может выступать падежным конкурентом (подробнее о параметризации падежных конкурентов см. раздел 3.3). При реструктурировании *pro* и прямое дополнение оказываются в одной ТР, в результате чего дополнение получает зависимый аккумулятив.

- (10) КУСКАНСКИЙ КЕЧУА [Baker 2015: 119]
a.	[_{TR} <i>pro</i>	[_{TR} PRO	<i>T'anta-(*ta)</i>	<i>ruwa-q</i>	<i>hamu-ni</i>].
			хлеб-(*АСС)	делать-AG	приходить-1SG
	‘Я пришел печь хлеб’.				

⁵ Постулируя в (10a) биклаузальную структуру и PRO в зависимой клаузе, Бейкер опирается на аргументы из [Lefebvre, Muysken 1988].

- b. [_{TP} *pro* *T'anta-ta ruwa-q ka-rqa-ni*].
 хлеб-ACC делать-AG быть-PST-1SG

‘Обычно я пек хлеб’.

Заметим, что реструктурирование оказывает аналогичное влияние и на приписывание верхнего зависимого падежа — эргатива. Так, в шипибо инфинитивные конструкции с модальным глаголом образуют монопредикативную конструкцию; термовый аргумент модального глагола получает эргатив, если лексический глагол проецирует дополнение (11a), и немаркированный абсолютив, если лексический глагол не имеет дополнения (11b).

(11) шипибо [Baker 2015: 122]

- a. *Jose-kan-ra* / **Jose-ra* *Rosa kena-ti atipan-ke*.
 Хосе-ERG-PRT Хосе.ABS-PRT Роза звать-INF мочь-PF

‘Хосе может позвать Розу’.

- b. *Maria-ra* / **Maria-nin-ra bewa-ti atipan-ke*.
 Мария.ABS-PRT Мария-ERG-PRT петь-INF мочь-PF

‘Мария может петь’.

Обратимся теперь к фазе легкого глагола *v*, в которой определяются падежи группы лексического глагола. Аргументом в пользу анализа VP как отдельной падежной области Бейкер считает феномен дифференцированного маркирования объекта (DOM). На основании примеров типа (12a—b) из якутского языка, в котором аккузативное и немаркированное дополнения позиционно распределены, он предлагает следующий (предположительно универсальный) анализ DOM: неопределенное дополнение остается в составе VP и не может вступить в падежную конкуренцию с внешним аргументом в следующей фазе, TP, когда приписывается зависимый аккузатив, и поэтому получает немаркированный падеж — номинатив; определенное дополнение должно покинуть VP, чтобы избежать экзистенциального закрытия (existential closure), поэтому в следующей фазе оно оказывается в одной падежной области с подлежащим и получает зависимый аккузатив.

(12) якутский [Baker 2015: 126]

- a. *Masha salamaat-*(y)_i* [_{VP} *türgennik t_i sie*]-te.
 Маша каша-*(ACC) быстро есть-PST.3SG

‘Маша кашу быстро съела’.

- b. *Masha* [_{VP} *türgennik salamaat sie*]-te.
 Маша быстро каша есть-PST.3SG

‘Маша быстро съела кашу’.

Расположение дополнения внутри либо вне фазовой составляющей VP должно оказывать влияние не только на приписывание нижнего зависимого падежа TP — аккузатива, но и верхнего зависимого падежа TP — эргатива. Именно этот феномен, по мнению Бейкера, мы наблюдаем в языке аруако (бинтук, ика) — чибчанском языке Колумбии. Если дополнение неопределенное (13a), то внешний аргумент не получает эргатив; определенное дополнение вызывает эргативное кодирование внешнего аргумента. Связь между линейной позицией дополнения и его определенностью в аруако из (13a—b) не очевидна, однако в пользу данной гипотезы говорит тот факт, что если дополнение линейно предшествует внешнему аргументу (и, следовательно, покидает VP), то эргатив обязателен (13c).

(13) АРУАКО [Baker 2015: 128]

- a. *Gsariwieri tigri a?wasa-na*.
 Габриель ягуар преследовать-DPST

‘Габриель преследовал (какого-то) ягуара’.

- b. *Tigri-se?* *tšinu* *ka-ga-na*.
ягуар-ERG свинья PERI-есть-DPST
'Ягуар съел (свою) свинью.'
- c. *Guiadžina* *za-gammi* *peri-*(se?)* *an-a?kuss-i* *guak-aki* *nu?-na*.
пума GEN-детеныш собака-*(ERG) REF-кусать-когда убивать-PRF AUX-DPAST
'Собака загрызла детеныша пумы (букв. укусив, убила).'

Наконец, в языке с трехчастной стратегией маркирования аргументов мы можем ожидать зависимости падежного маркирования подлежащего и прямого дополнения от расположения прямого дополнения внутри либо вне VP. Предположительно, это происходит в не-персе (14), где определенность объекта вызывает маркирование верхним и нижним зависимыми падежами TP подлежащего и прямого дополнения соответственно. Впрочем, как отмечает сам Бейкер, порядок слов в (14b) не отличается от порядка слов в (14a), так что мы не имеем никаких свидетельств того, что в не-персе влияние определенности объекта на падежное оформление аргументов опосредовано его выдвиганием из VP.

(14) НЕ-ПЕРСЕ [Baker 2015: 129]

- a. *Háama* *hi-* 'wi-ye *wewúkiye*.
мужчина.NOM 3SU-стрелять-ASP лось.NOM
'Мужчина застрелил (какого-то) лося.'
- b. *Háama-nm* *hi-néec-* 'wi-ye *wewúkiye-ne*.
мужчина-ERG 3SU-PL.OBJ-стрелять-ASP лось-ACC
'Мужчина застрелил (этих) лосей.'

Будучи отдельной падежной областью, VP не только может препятствовать приписыванию падежей уровня TP, но и обладает собственными конфигурационными падежами. К ним относятся структурный датив — верхний зависимый падеж VP в якутском языке, обликвус — нижний зависимый падеж VP в чаморро и партитив — немаркированный падеж VP в финском языке, на котором мы остановимся подробнее.

Финский партитив в аргументной функции всегда оформляет только внутренние аргументы глагола. При инкрементальных глаголах он варьирует с аккузативом⁶ прямого дополнения и с номинативом в конструкциях без номинативного подлежащего. Фактором-лицензором падежного варьирования выступает квантованность внутреннего аргумента: квантованный аргумент оформляется аккузативом/номинативом и создает предельную (bounded) глагольную группу, см. (15a), (16a), в то время как кумулятивный аргумент оформляется партитивом и создает непредельную (unbounded) глагольную группу, см. (15b), (16b). У неинкрементальных глаголов, (не)предельность которых не зависит от свойств аргумента, партитив оформляет и кумулятивные, и квантованные прямые дополнения.

(15) ФИНСКИЙ [Baker 2015: 141]

- a. *Tuo-n* *karhu-n* / *karhu-t*.
приносить-1SG медведь-ACC / медведь-PL.ACC
'Я принесу (одного) медведя / (определенное количество) медведей.'
- b. *Tuo-n* *karhu-j-a*.
приносить-1SG медведь-PL-PART
'Я несу (сколько-то) медведей.'

⁶ Существует две традиции обозначения падежа квантованного дополнения в финском языке. Данные формы совпадают с генитивом в единственном числе и номинативом во множественном числе у всех именных групп кроме личных местоимений, имеющих отдельные формы генитива и объектного падежа. Соответственно, ураловедческая традиция обозначает падеж объекта как генитив / номинатив, в то время как генеративная традиция, вслед за влиятельной работой [Kiparsky 2001], использует ярлык «аккузатив». Далее в этом обзоре я следую обозначению, принятому в монографии Бейкера.

Поскольку доступность партитива для внутреннего аргумента не зависит от наличия номинативного подлежащего (ср. (16)), партитив не является зависимым падежом ТР; аккузатив, напротив, в соответствии с «правилом Янссона» (Jahnsson's Rule [Jahnsson 1871]), возникает только в конструкциях с номинативным подлежащим и может быть проанализирован как нижний зависимый падеж ТР.

(16) финский [Baker 2015: 141]

a. *Tuo karhu* / **karhu-n!*
 приносить.IMP медведь.NOM *медведь-ACC
 'Принеси медведя!'

b. *Tuo karhu-j-a!*
 приносить.IMP медведь-PL-PART
 'Принеси медведей!'

Финское дополнение в партитиве, таким образом, уподобляется немаркированному дополнению якутского языка: они оба остаются в глагольной группе и не участвуют в падежной конкуренции с внешним аргументом. Отличия между финским и якутским сводятся к двум моментам. Во-первых, в финском языке выдвижение прямого дополнения из глагольной группы мотивировано не определенностью, а квантитативными характеристиками аргумента: аспектуальная вершина с признаком [UNBOUNDED] притягивает квантованное прямое дополнение, следствием чего оказывается квантованность (предельность) глагольной группы и выдвижение дополнения в падежную область ТР, где оно получает нижний зависимый аккузатив. Во-вторых, финский язык, в отличие от якутского, располагает специальным немаркированным падежом для VP, поэтому в финском «немаркированное» дополнение (партитив) не совпадает формально с «немаркированным» подлежащим (номинатив), а в якутском в обеих позициях обнаруживаются одинаковые формы немаркированного падежа (номинатив).

Анализ партитива как немаркированного падежа VP, однако, требует нестандартных допущений в отношении структуры отрицательного предложения. В финском языке дополнение отрицательных предложений выступает в партитиве, даже если глагольная группа предельная, а само дополнение — квантованное (17).

(17) финский [Baker 2015: 144]

a. *Riitta luki kirja-n.*
 Рита.NOM читать.PST книга-ACC
 'Рита прочитала книгу.'

b. *Riitta ei lukeut kirja-a* / **kirja-n.*
 Рита.NOM NEG читать.CONNEG книга-PART *книга-ACC
 'Рита не прочитала книгу.'

Чтобы объяснить отсутствие аккузатива на прямом дополнении в (17b), Бейкеру приходится предположить, что отрицание в финском языке является фазовой вершиной, так что ее комплемент, содержащий в примере (17b) выдвинувшееся из глагольной группы в AspP прямое дополнение, становится недоступен в падежной области ТР. Определенные основания для такого решения в финском языке, безусловно, имеются: отрицательная конструкция представляет собой сочетание отрицательного глагола, несущего предикативные признаки, и нефинитной формы лексического глагола — коннегатива, и в исторической перспективе, возможно, восходит к полипредикативной конструкции. Однако следует отметить, что постулирование дополнительной фазовой границы между ν P и CP должно иметь существенные последствия не только для падежной проблематики, но и для прочих синтаксических феноменов, чувствительных к локальности. Насколько это справедливо для отрицательных предложений финского языка, еще предстоит установить.

Итак, граница VP «отвечает» за дифференцированное маркирование объекта: объекты внутри глагольной группы получают немаркированный падеж, а объекты вне глагольной группы — нижний зависимый падеж TP, аккузатив. Однако DOM, хотя и является широко распространенным феноменом, представлен далеко не во всех языках с аккузативной падежной моделью. Например, в кусканском кечуа любое прямое дополнение, в том числе неопределенное, неквантованное или нереферентное, получает аккузатив:

(18) КУСКАНСКИЙ КЕЧУА [Baker 2015: 146]

Juan wawakuna-man miski-(ta) qunpuni.*
 Хуан дети-ДАТ сласти-*(ACC) давать.НАВ.3SG
 ‘Хуан дает детям сласти’.

Очевидно, нам доступны две теоретические альтернативы: следует либо считать, что в языках с единообразным аккузативным маркированием прямого дополнения все прямые дополнения выдвигаются из глагольной группы, либо признать, что в таких языках граница VP прозрачна для приписывания зависимого падежа уровня TP. Бейкер принимает вторую гипотезу и вводит дополнительный параметр, характеризующий легкий глагол *v* как жесткую (*hard*) либо мягкую (*soft*) фазу. Материал комплемента жесткой фазы недоступен для дальнейших синтаксических операций; комплемент мягкой фазы образует падежную область, в которой происходит приписывание падежей уровня VP, но при этом остается доступным для синтаксических операций в следующей фазе.

Допущение о *v* как мягкой фазе создает проблему «недоприписывания» верхнего зависимого падежа. Рассмотрим битранзитивные конструкции корейского (19a) и шипибо (19b). В обоих языках на уровне VP не приписывается никаких падежей⁷, и в обоих языках *v* является мягкой фазой (что следует из доступности внутренних аргументов для падежной конкуренции при приписывании зависимых падежей TP — аккузатива и эргатива соответственно). Следовательно, в обоих языках в момент озвучивания TP клауза содержит три беспадежных именных группы, последовательно с-командующих друг другом ($DP_{AGENT} < DP_{GOAL} < DP_{THEME}$). Анализ Бейкера предсказывает, что в корейском языке две нижних именных группы получают зависимый аккузатив (и это соответствует действительности), а в шипибо две верхних именных группы получают зависимый эргатив в результате падежной конкуренции с нижней именной группой-темой. Однако последнее предсказание не подтверждается: верхнее дополнение в шипибо получает немаркированный падеж TP, абсолютив.

(19) a. КОРЕЙСКИЙ [Baker 2015: 231]

Cheli-ka Mary-lul panci-lul senmwul-ul hay-ss-ta.
 Чели-НОМ Мэри-ACC кольцо-ACC подарок-ACC делать-PST-DEC
 ‘Чели подарил Мэри кольцо’.

b. ШИПИБО [Baker 2015: 231]

*Maria-nin-ra Jose-(*kan) piti meni-ke.*
 Мария-ERG-ПРТ Хосе-(*ERG) рыба давать-PF
 ‘Мария дала Хосе рыбу’.

c. [TP DP_{AGENT} ... [VP DP_{GOAL} [V' DP_{THEME} ...] ...] ...]

Чтобы объяснить асимметрию верхнего и нижнего зависимого падежа TP в битранзитивных конструкциях, можно обратить внимание на то, что падежным конкурентом для нижнего зависимого падежа выступает внешний аргумент, вступивший в деривацию только в TP, в то время как для верхнего зависимого падежа конкурентом может выступать только тот аргумент, который уже содержался в деривации в предыдущей падежной области, VP.

⁷ Для корейского языка этот факт обосновывается при помощи пассивизации: в пассивном предложении «исчезают» все аккузативы, а значит, ни один из внутренних аргументов не получает падеж на уровне VP.

Соответственно, мы приходим к выводу, что в падежной конкуренции учитываются только вновь возникшие в данной падежной области отношения с-командования между аргументами. Вследствие этого ограничения оба внутренних аргумента в корейском предложении (19а) получают зависимый аккузатив на основе впервые возникшего в ТР отношения с-командования с внешним аргументом, однако именная группа-цель в шипибо не может получить зависимый эргатив, поскольку отношение с-командования между ней и именной группой-темой уже существовало на уровне VP.

Итак, эргативность как морфосинтаксический феномен требует либо мягкой фазы легкого глагола (и тогда эргатив будет получать внешний аргумент любой прямопереходной конструкции), либо выдвижения выделенного (prominent) дополнения из глагольной группы (и тогда мы имеем дело с расщепленной эргативностью, обусловленной свойствами внутреннего аргумента⁸). Значительно чаще, однако, расщепленная эргативность связана с видо-временными характеристиками клаузы. Еще в работе [DeLancey 1981] было указано на регулярную связь между перфективностью клаузы и лицензированием эргатива; Дж. Кун [Coon 2013], исследуя возможные падежные типы расщепленной эргативности, основанной на ТАМ-категориях, отмечает, что «сдвиг» эргативной модели при этом типе расщепленной эргативности, в отличие от расщепленной эргативности, основанной на категории лица, не предполагает изменения базовой конструкции предложения с эргативной на аккузативную, но связан в первую очередь с не-лицензированием эргатива⁹.

Недоступность эргатива в имперфективных клаузах многие исследователи увязывают с полипредикативным синтаксисом имперфективных форм [Laka 2006; Кибрик (ред.) 1999; 2001; Coon 2013; Coon, Preminger 2017]. В модели Бейкера эту интуицию можно имплементировать двумя способами: и как собственно полипредикативную конструкцию, где внешний

⁸ Представляется, что Бейкер переоценивает распространенность такого феномена. В качестве примеров он приводит упоминавшийся выше язык аруако (ики), предположительно, канури и ниуэ, а также кочующий из работы в работу единственный пример из восточного хантыйского языка со ссылкой на хрестоматию [Gulya 1966] (в [Nikolaeva 1999] особого падежного маркирования внешнего аргумента хантыйского переходного глагола не отмечается). Очевидно, что, даже если в указанных языках выделенные характеристики объекта и его выдвижение из глагольной группы лицензируют эргативное маркирование внешнего аргумента, это происходит неизмеримо реже, чем лицензирование аккузатива выделенного объекта. Модель Бейкера, однако, предсказывает равную вероятность этих феноменов.

⁹ Отдельный тип сдвига — в сторону так называемой расширенной эргативной модели (extended ergative [Dixon 1979]) — представлен в майянских языках и связан, по-видимому, с тем, что имперфективные формы являются перифрастическими и включают в свой состав номинализацию лексического глагола; эргатив при этом является падежом посессора. Ср. примеры из чольского языка:

(i) чольский [Coon 2013]

a. перфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютный внутренний аргумент

Tyi k-mek'-e-yety.

PF 1ERG-обнимать-TR-2ABS

‘Я обнял тебя’.

b. перфектив, абсолютный единственный аргумент

Tyi wäy-i-yety.

PF спать-INTR-2ABS

‘Ты спал’.

c. имперфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютный внутренний аргумент

Choñkol k-mek'-ety.

PROG 1ERG-обнимать-2ABS

‘Я обнимаю тебя’.

d. имперфектив, эргативный (пациентивный!) единственный аргумент

Choñkol a-wäy-el.

PROG 2ERG-спать-NMN

‘Ты спишь’.

и внутренних аргументы принадлежат разным TP, и как фазовый статус части аспектуальных вершин. Таким образом, набор вершин, которые могут выступать в качестве фазовых, возрастает и становится еще одним параметром, характеризующим грамматику языка.

Наконец, последняя падежная область, которую рассматривает Бейкер, — именная группа. С зависимыми именной группы ассоциируется один падеж — генитив, однако, как показывает Бейкер, его природа может быть различна. Во-первых, генитив посессора, как и номинатив подлежащего, может приписываться функциональной вершиной при согласовании, как в турецком языке. Такой генитив приписывается в именной группе только один раз и находится в одно-однозначном соответствии с наличием согласующейся посессивной вершины. Во-вторых, генитив может быть немаркированным падежом именной группы, как в японском или тамилском языке: в таком случае количество аргументных генитивов в именной группе не ограничено, так что переходные предметные существительные (*picture nouns*), такие как ‘фотография’, ‘портрет’ и т. п., выступают в конструкциях с двумя генитивными аргументами. Наконец, в-третьих, генитив может быть верхним зависимым падежом именной группы. Последняя опция необходима Бейкеру, чтобы объяснить достаточно регулярный падежный синкретизм между эргативом и генитивом: в ряде генетически и ареально не связанных языков падеж посессора и падеж внешнего аргумента переходной клаузы совпадают [Lander 2009]. Эта цель, однако, достигается за счет несоразмерных по объяснительной силе допущений: приходится предположить, что посессор вступает в падежную конкуренцию с лексической NP обладаемой именной группы.

Еще одна проблема с падежной грамматикой именной группы, вытекающая из данного анализа, — отсутствие симметрии между эргативом и аккузативом. Бейкер отмечает, что в именной группе никогда не приписывается нижний зависимый падеж — ни самой лексической NP (которую приходится добавить к числу возможных падежных конкурентов из-за анализа посессивного эргатива как зависимого падежа), ни ее внутреннему аргументу. Неспособность имен приписывать аккузатив своим комплементарам — широко известный факт, получавший в разное время различные объяснения в формальной синтаксической теории, см. [Pesetsky, Torrego 2011], однако в конфигурационной модели для имплементации этого факта приходится вводить дополнительные допущения. Бейкер предполагает, что вершина Poss, вводящая внешний аргумент / посессор именной группы, также является фазовой, поэтому при озвучивании лексической NP ее аргумент не имеет падежного конкурента и может получить только немаркированный падеж.

Итак, в результате возникает следующая типология структурных падежей, представленная в таблице 1. Следует особо отметить подход Бейкера к анализу падежного синкретизма: по меньшей мере часть случаев связана не с воздействием случайных факторов, а с наличием общих признаков у падежных граммем разных локальных областей.

Таблица 1

Классификация структурных падежей

Падежная область	Верхний зависимый падеж	Нижний зависимый падеж	Немаркированный падеж
TP	эргатив (дияри)	аккузатив (корейский)	номинатив (финский)
VP	датив (якутский)	обликвус (чаморро)	партитив (финский)
NP	генитив (один на именную группу, якутский)	не применимо	генитив (множественный, японский)
TP и VP	эргатив-датив (аруако)	аккузатив-обликвус (амхарский)	номинатив (хинди?)
TP и NP	генитив-эргатив (шипибо)	не применимо	генитив-номинатив (тамилский)
VP и NP	генитив-датив (языки Австралии?)	не применимо	? (предположительно, генитив в русском)

3.3. Категориальный статус падежных конкурентов

Как мы уже видели при обсуждении приписывания зависимого падежа в именной группе, требования к падежному конкуренту и получателю падежа различны. Получателем падежа выступает максимальная именная проекция с данным референциальным индексом; вследствие этого, например, лексическая NP не может получить нижний зависимый падеж при конкуренции с посессором. В качестве падежного конкурента, однако, может выступать значительно более широкий круг составляющих.

Во-первых, в некоторых языках (вальпири, тамильский, бурушаски, фарерский) именные группы в лексически управляемых падежах способны быть падежными конкурентами для приписывания зависимого падежа. Это выражается в наличии клауз с падежными рамками (DAT; ACC) или (ERG; DAT). В других языках (исландский, каннада, дияри) только беспадежная именная группа может выступать падежным конкурентом; соответственно, при лексически управляемом первом аргументе в quirky-падеже исландский требует номинативного объекта¹⁰; аналогичным образом в дияри внешний аргумент не получает эргатив при косвеннопадежном внутреннем аргументе.

Во-вторых, падежными конкурентами способны выступать номинализованные зависимые клаузы. Например, в шипибо нереструктурированные инфинитивные клаузы на *-ti* всегда вызывают зависимый эргатив на термовом аргументе матричного предиката (ср. (20) с реструктурированным (11), где эргатив внешнего аргумента каузально зависит от переносности лексического глагола).

(20) шипибо [Baker 2015: 199]

Ja-n-ra [raké-ti] *onan-yama-ke.*
 он-ERG-PRТ пугаться-INF.ABS знать-NEG-PRF

‘Он никогда не пугается’ (букв. ‘Он не знает, как испугаться’).

Если зависимая клауза вводится комплементаризером, его именная vs. глагольная проекция может быть значима для приписывания зависимого падежа. Например, в якутском языке комплементаризер *dien* представляет собой конверб глагола ‘говорить’ и не участвует в падежной конкуренции; в кусканском кечуа, напротив, в качестве комплементаризера может использоваться именная категория — указательное местоимение *chay* ‘это’, способное к падежной конкуренции и получению падежа.

В-третьих, Бейкер исследует пустые категории как возможные падежные конкуренты. Обнаруживается, что пустые категории образуют иерархию в отношении их способности лицензировать зависимый падеж: в кусканском кечуа падежным конкурентом могут быть только полные именные группы и *pro*; в финском — полные именные группы, *pro* и контролируемое PRO; в амхарском, тамильском и турецком к ним добавляется PRO с произвольной референцией (arbitrary PRO); наконец, в якутском и шипибо падежными конкурентами могут быть даже имплицитные аргументы: невыраженный агенс в пассивной конструкции или номинализации, невыраженное дополнение.

(21) Иерархия падежных конкурентов [Baker 2015: 201]

выраженные ИГ и клитики > *pro* > контролируемое PRO > произвольное PRO > имплицитный аргумент > PP, VP и т. п.

Наконец, еще один вопрос, получающий освещение в связи с возможными категориями падежных конкурентов, — довольно часто встречающееся в языках мира приписывание структурного падежа адвербиалам (см., например, обзор в [Эршлер 2009]). Бейкер обнаруживает важную закономерность: именные адъюнкты бывают способны к получению зависимого

¹⁰ Анонимный рецензент справедливо указывает на существование в исландском конструкций с двумя аккумулятивами (например, *Drengina vantar mat* ‘Мальчи́кам (ACC) недостае́т еды (ACC)’ [Andrews 1982: 462]). В этом случае, по-видимому, оба аккумулятива являются лексически управляемыми.

или немаркированного структурного падежа, а также могут выступать падежными конкурентами в приписывании зависимого падежа другим адъюнктам, как это происходит в примере (22) из финского языка, но не могут лицензировать зависимый падеж аргументов.

(22) финский [Baker 2015: 261]

*Kävel-tiin kilometri koko talve-n / *talvi.*
 ходить-PASS.PST километр.NOM весь зима-ACC / *зима.NOM

‘Проходили по километру всю зиму’.

3.4. Тайминг приписывания падежа

В предшествующих монографии Бейкера работах представлены разные точки зрения на вопрос о том, в какой момент деривации вычисляются падежные значения. С одной стороны, в статье Марантца [Marantz 1991] и развивающих морфологический подход к падежу работах [McFadden 2004; Bobaljik 2008] предполагается, что приписывание падежной морфологии происходит при озвучивании, то есть в тот момент, когда синтаксическая структура уже полностью построена. С другой стороны, в [Preminger 2011; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015] приписывание падежа следует принципу раннего применения правил: падежный признак может быть означен, как только возникает релевантная для него конфигурация. Так, лексически управляемый падеж приписывается в момент соединения лексической вершины и комплемента, одновременно с заполнением аргументной позиции и «списыванием» (discharging) семантической роли у предиката. Для приписывания зависимого или немаркированного падежа падежной области XP необходимо, чтобы была построена XP. В монографии Бейкера принят промежуточный подход. С одной стороны, лексически управляемые падежи приписываются максимально рано — при проецировании лексической вершины. С другой стороны, структурные падежи уровня XP возникают не в тот момент, когда построена XP, но после того, как XP соединилась с фазовой вершиной Y и все операции, связывающие Y и составляющие внутри XP, были осуществлены.

Причина столь широкого диапазона возможностей, исследуемых сторонниками конфигурационного подхода к падежу, состоит в том, что при принятой в генеративной грамматике исключительно конфигурационной репрезентации различных аспектов предложения — его тематической, аргументной, логической структуры — то синтаксическое представление, которое наиболее релевантно для приписывания структурных падежей, оказывается промежуточным. Действительно, исходные отношения с-командования в глагольной области определяются тематической иерархией [Baker 1997]. Затем, при вступлении в деривацию предикативных вершин, определяются грамматические отношения (подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение): A-передвижение создает новые структурные отношения между именными группами, так что структурный приоритет на этом этапе деривации отражает иерархию синтаксических ролей. Именно с A-передвижением в традиционной модели связано приписывание структурного падежа. Наконец, при присоединении вершины C (или комплекса вершин левой периферии клаузы [Rizzi 1997]) в результате A'-передвижений формируется логическая и информационная структура предложения: структурный приоритет отражает иерархию сферы действия составляющих, тема-рематическую структуру предложения. Таким образом, оптимальным моментом для приписывания падежа в конфигурационной модели является тот, когда уже произошли A-передвижения, но еще не произошли A'-передвижения¹¹. Критически важно, однако, что

¹¹ В действительности ситуация еще сложнее. Как справедливо отмечает Бейкер, граница между A и A'-передвижениями недостаточно четкая: так, например, скрэмблинг в разных языках и даже в пределах одного языка может иметь свойства как A', так и A-передвижения (см. [Mahajan 1990; Saito 1992; Кондрашова 2002]). Более того, если, вслед за Бейкером, считать выдвигание объекта из VP и подлежащего из TP в якутском языке A'-передвижением, то оказывается, что некоторые виды A'-передвижения могут влиять на приписывание падежа.

для конфигурационной модели противопоставление А и А'-передвижений лишено признаковой опоры (см. подробнее в [Лютикова 2017]). В традиционной падежной модели Теории управления и связывания А-передвижение определялось как передвижение в падежную позицию, и получение падежа было мотивацией А-передвижения. В минималистской модели отличие между А и А'-передвижениями опирается на признаки функциональных вершин, на которых «паразитирует» запускающий передвижение признак ЕРР (Extended Projection Principle): в случае А-передвижения это ϕ -признаки, в случае А'-передвижения — различные «краевые» (edge) признаки (*wh*, TOPIC и т. д.). Очевидно, что в конфигурационной модели, где согласование по ϕ -признакам следует за приписыванием зависимого падежа, правильно определить момент означивания падежных признаков всех релевантных категорий в терминах этапа деривации / удовлетворения определенных признаков вершин в принципе невозможно.

Выход из этого теоретического тупика, предлагаемый Бейкером, интуитивно не слишком привлекателен. Бейкер использует противопоставление аргументных позиций (комплементов и спецификаторов) и адьюнктных позиций, в которых проецируются адьюнкты и через которые происходит выдвигание составляющих из комплементов фаз.

Аргументы и адьюнкты демонстрируют интересные различия в том, что касается тайминга их появления в деривации. В диссертации [Lebeaux 1988] был обнаружен удивительный эффект антиреконструкции — отсутствие нарушения принципа С при реконструкции содержащего референциальное выражение относительного предложения (23b) (отметим, что (23a), где референциальное выражение находится в составе актантного предложения, неграмматично из-за нарушения принципа С при реконструкции вопросительной группы в базовой позиции).

- (23) a. **[Which argument that **Bill**_i is a coward] does **he**_i think that John will mention?*
 ‘*Какой аргумент, что Билл_i — трус, он_i считает, что Джон упомянет?’
- b. *[Which argument that **Bill**_i likes] does **he**_i think that John will mention?*
 ‘Какой аргумент, импонирующий Биллу_i, он_i считает, что Джон упомянет?’

Возможное объяснение этого эффекта — предположение, что адьюнкты (в частности, относительные клаузы) могут вступать в деривацию позже, чем аргументы, и присоединяться уже к подвергшейся передвижению вопросительной группе. Это предположение позволяет объяснить также различие между аргументами и адьюнктами в отношении их способности к связыванию: как показывают примеры (24a—b), аргументы могут связывать составляющие адьюнктов (и аргументов), но связывание из адьюнктов в аргументы невозможно.

- (24) a. *Our manager talks* [_{Arg} *to each employee_i*] [_{Adj} *on her_i, birthday*].
 ‘Наш менеджер беседует с каждым работником в его день рождения.’
- b. *?*Our manager talks* [_{Adj} *on each Monday_i*] [_{Arg} *about its_i, special opportunities*].
 ‘*Наш менеджер рассказывает каждый понедельник о его особых возможностях.’

Вспомним также результат, описанный в разделе 3.3: адьюнкты могут получать зависимый падеж при падежной конкуренции с аргументами и адьюнктами, но не могут выступать падежными конкурентами для приписывания зависимого падежа аргументам. Бейкер делает вывод, что все эти факты говорят о более позднем по сравнению с аргументами учете адьюнктов в различных синтаксических процессах, в том числе — в приписывании падежа.

Процесс приписывания падежа, по мысли Бейкера, происходит в два этапа. Сперва рассматриваются только составляющие в аргументных позициях, принадлежащие данной падежной области. После того как все структурные падежи данной области приписаны, в общую картину добавляются адьюнкты. Отношения с-командования между аргументами

и адьюнктами не способны изменить падежи аргументов, поскольку те уже фиксированы, однако могут оказать влияние на падежное оформление адьюнктов. Важно отметить, что это предположение призвано объяснить не только структурные падежи различных адвербиалов (и падежную конкуренцию двух адвербиалов в отсутствие аргументов в примере (22)), но и получение выдвинувшимися из своей падежной области аргументными именными группами падежа вышестоящей падежной области (например, аккумулятива дополнением в языках с DOM (12) или аккумулятива подлежащим зависимой клаузы (8)).

Таким образом, Бейкеру удается построить систему, в которой передвижение всегда предшествует приписыванию падежа, но некоторые передвижения «не учитываются»: это те передвижения, целью которых является адьюнктная позиция внутри данной падежной области. Поскольку на первом этапе приписывания падежа будет видна только аргументная позиция данной именной группы в данной падежной области, то именная группа получит падеж, соответствующий ее исходной позиции. Если это зависимый падеж, он, по мысли Бейкера, сохраняется на всех копиях именной группы [Baker 2015: 272], что обеспечивает не только иммунитет падежного признака при *wh*-передвижении, но и «ингерентный» (в смысле [Woolford 2006]) характер верхних зависимых падежей — датива и эргатива — при их подъеме в аргументную позицию в более высокой падежной области. Немаркированный падеж, напротив, не передается верхним копиям (ср. отсутствие партитива на выдвинувшемся из глагольной группы квантованном дополнении в финском языке); вследствие этого верхние копии могут получить более «интересный» (т. е. более маркированный) падеж в вышестоящей падежной области [Baker 2015: 278].

Наследование зависимого (и лексически управляемого) падежа верхними копиями именной группы открывает интересную перспективу в изучении множественного падежного маркирования. Бейкер высказывает предположение, что число языков, допускающих накладывание падежей, в действительности больше, чем принято считать, однако морфологические ограничения многих языков не допускают одновременное выражение разных падежных граммем на одной именной группе. Одним из признаков множественного падежного маркирования, помимо открытого накладывания падежей, может служить варьирование падежей двух падежных областей в одной структурной позиции, как в корейском примере (25). Открытое накладывание падежей (25а), как отмечается в [Levin 2014], возможно только в том случае, если именная группа соответствует узкому фокусу. В отсутствие фокуса грамматичен только один падежный показатель, однако это может быть как датив, падеж уровня VP (25b), так и номинатив, падеж уровня TP (25c), причем отношение между ними близко к свободному варьированию.

(25) КОРЕЙСКИЙ [Baker 2015: 282—283]

a.	<i>John-eykey-ka</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-ДАТ-НОМ	Мэри-НОМ	бояться-ДЕС
b.	<i>John-eykey</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-ДАТ	Мэри-НОМ	бояться-ДЕС
c.	<i>John-i</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-НОМ	Мэри-НОМ	бояться-ДЕС
- ‘Джон боится Мэри’.

Особого интереса заслуживает тайминг приписывания падежа по отношению к таймингу согласования. В литературе представлены противоположные точки зрения на этот вопрос: модель «сперва согласование, потом падеж» Н. Хомского представляет приписывание структурного падежа как побочный продукт согласования, а модель «сперва падеж, потом согласование» Дж. Бобалика рассматривает связь между падежом и согласованием в плоскости падежных ограничений на выбор возможной мишени согласования. Бейкер признает наличие обоих типов взаимосвязи (ср. с «двусторонней» формулировкой параметра CDAP в (1)) и выдвигает принцип «падеж — согласование — падеж». Тайминг этих операций выглядит следующим образом:

(26) Тайминг падежа и согласования

- i. приписывание лексически управляемого падежа
- ii. приписывание зависимого падежа
- iii. согласование:
 - iiia. вершина F согласуется с именной группой без падежа ([Case: ___]) и приписывает ей падеж X
 - iiib. вершина F согласуется с именной группой без падежа ([Case: ___])
 - iiic. вершина F согласуется с именной группой с падежом X ([Case: X])
 - iiid. вершина F согласуется с любой именной группой
- iv. приписывание немаркированного падежа

Из (26) следует, что приписывание зависимого падежа никогда не основывается на согласовании, однако согласование может быть чувствительно к зависимому падежу. Именные группы в немаркированном падеже, напротив, могут выступать контролерами согласования до получения падежа и получать падеж вследствие согласования. Учитывая, что немаркированный падеж не передается верхним копиям, мы ожидаем обнаружить случаи, когда согласование внутри нижней падежной области происходит с именной группой, получающей зависимый или немаркированный падеж в верхней падежной области. Заметим, что именно такой анализ предикативного согласования с аккузативным подлежащим и possessивного согласования с дативным внешним посессором в якутском языке предлагает Ж. Корнфилт [Kornfilt 2013; Kornfilt, Preminger 2015].

4. Проблемы и перспективы конфигурационной модели

Нельзя не отметить, что разработанная М. Бейкером параметрическая модель позволяет нам сформулировать принципиально новые обобщения о падежной грамматике естественных языков. Укажем лишь некоторые из них. Регулярные отличия в падежном маркировании экспириенциальных предикатов разноструктурных языков связаны с порождением экспириенца вне либо внутри группы лексического глагола; последняя опция приводит к недоприписыванию зависимого падежа на уровне TP (и отклонению от аккузативной/эргативной модели), поскольку новых отношений с-командования в этой падежной области, по сравнению с VP, не возникает. Реструктурирование полипредикативных конструкций уничтожает границу фазы между аргументами матричного и лексического предиката, вследствие чего падеж верхнего аргумента зависит от переходности лексического предиката, а падеж дополнения нижнего предиката может приписываться на основе падежной конкуренции с аргументом матричного предиката. Скрэмблинг аргументов может влиять на приписывание падежа именным адьюнктам, но не на приписывание падежа аргументам; передвижение в аргументную позицию (например, подлежащего) оказывает влияние как на падеж аргументов, так и на падеж адьюнктов. Синкретизм структурных падежей не случаен, но отражает сходные принципы приписывания падежа в разных падежных областях.

Вместе с тем следует признать, что параметрическая модель конфигурационного падежа Бейкера чрезвычайно мощная — по-видимому, даже более мощная, чем это необходимо для представления языкового разнообразия. Кажется, что некоторые параметры, понимаемые как независимые, в действительности взаимообусловлены. Рассмотрим, к примеру, анализ языков с дифференцированным маркированием объекта. DOM, по мысли Бейкера, возникает тогда, когда часть дополнений выдвигается из глагольной группы, а часть остается *in situ*, и при этом *v* является жесткой фазой. Даже если принять позиционный анализ DOM для якутского языка (см., однако, [Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015] о дифференцированном маркировании объекта в татарском языке, где и немаркированное, и аккузативное дополнение могут располагаться *in situ*), мы видим, что к DOM приводит одна опция из четырех, а остальные три варианта дают единообразное падежное маркирование прямых дополнений. Если любые внутренние аргументы остаются *in situ*

и фаза *v* жесткая, они получают немаркированный падеж VP (отметим, что нам неизвестны языки, которые бы реализовывали такую опцию — предположительно, это должен быть язык с маркированным абсолютивом и немаркированным падежом внешнего аргумента). Если же фаза *v* мягкая, то независимо от выдвижения «выделенных» дополнений все дополнения будут получать падеж уровня TP. Таким образом, параметр выдвижения дополнения из глагольной группы «срабатывает» только для языков с жесткой фазой *v*.

Аналогичные рассуждения можно провести и в отношении анализа падежей в именной группе. Для того чтобы объяснить падежный синкретизм посессора и внешнего аргумента эргативных языков, Бейкер предполагает в шипибо падежную конкуренцию посессора, расположенного в спецификаторе PossP, с элементом вершины Poss — группой лексического существительного. Затем, объясняя невозможность маркирования аккумулятивом аргумента лексического существительного в японском языке, Бейкер вводит новую фазовую вершину, Poss, так что при озвучивании NP у внутреннего аргумента всегда отсутствует падежный конкурент. Два аргумента именной группы — внутренний аргумент и посессор — располагаются в разных падежных областях и не могут получить зависимый падеж, поэтому оформляются генитивом — немаркированным падежом японской именной группы. Однако если вершина Poss всегда является фазовой, то и в шипибо падежная конкуренция посессора и NP невозможна. Следовательно, необходимо признать, что фазовый характер вершины Poss варьирует точно так же, как и у вершины *v*, но при этом фаза Poss всегда мягкая в языках с верхним зависимым падежом (шипибо) и жесткая в языках с нижним зависимым падежом (японский).

Конфигурационная модель предполагает серьезное вмешательство в архитектуру грамматики. В первую очередь речь идет о разделяемом в настоящее время большинством формальных лингвистов мета-допущении, что синтаксическую деривацию приводят в движение признаки вершин. Различные синтаксические операции, в том числе и операция соединения (*merge*), мотивированы различными формальными признаками, например, категориальным признаком вершины и составляющей, тета-ролями предиката, признаками времени, вида, полярности, вопросительности и т. д. Участие признаков в построении синтаксической репрезентации основывается на принципе раннего применения правил: признаки вступившей в деривацию составляющей должны быть означены/удовлетворены как можно раньше, как только для этого возникнут структурные условия. Принцип раннего применения правил обеспечивает единый механизм обращения синтаксического модуля с разными признаками и тем самым существенно упрощает вычислительный компонент. Модель Бейкера, однако, предполагает, что работа синтаксического компонента с разными признаками должна осуществляться в разное время. Например, признак EPP вершины T, вызывающий передвижение аргумента в позицию подлежащего, срабатывает в процессе деривации, поскольку результат его воздействия на синтаксическую структуру предложения очевидным образом релевантен для приписывания падежей. Аналогично признак [iBOUNDED] аспектуальной вершины в финском языке должен притягивать квантованное дополнение в «узком» синтаксисе. Также максимально рано должны быть удовлетворены тета-признаки предикатных вершин. С другой стороны, ф-признаки функциональных вершин активизируются поздно, при озвучивании компонента фазы, причем строго после приписывания зависимого падежа. Почему разные признаки задают различные инструкции вычислительному компоненту и какой принцип обеспечивает классификацию признаков — эти вопросы остаются открытыми.

Отдельную серьезную проблему представляет необходимая для работы модели Бейкера система передвижений. Часть передвижений, как и в классической генеративной модели, вызывается признаками вершин, срабатывающими в синтаксическом компоненте (ср. выдвижение квантованного дополнения в финском). Часть передвижений, по-видимому, мотивирована собственными свойствами именной группы (ср. выдвижение определенного дополнения в якутском). Передвижение в позицию подлежащего мотивируется только признаком EPP предикативной вершины. Поскольку этот признак вершины T срабатывает

отдельно от ф-признаков и существенно раньше их, загадочной выглядит удивительная категориальная избирательность ЕРР: в качестве спецификатора вершине Т подходят только именные группы, но не предложные группы или, скажем, наречия. Наконец, большая группа передвижений, например таких, как в (8b), вообще ничем не мотивирована. Если добавить к этому необходимость большого количества промежуточных позиций для передвижения, связанную с постулированием дополнительных фазовых вершин (например, отрицания в финском, Asp в шипибо и прибрежном цимшианском, Poss в японском и др.), а также адьюнкцию выдвигаемого аргумента к промежуточной проекции фазовой вершины¹², создается впечатление возврата к неограниченно применяемой операции move α . Более того, постулируемые передвижения, будучи достаточно короткими, далеко не всегда находят отражение в изменении наблюдаемой линейной позиции составляющей, что также не способствует убедительности анализа.

К сожалению, компоненты анализа, относящиеся к одному языку, не сводятся в единое описание падежных феноменов конкретного языка. Сам Бейкер пишет, что задумывал второй том монографии [Baker 2015], представляющий падежные системы разных типов, но сделал выбор в пользу более подробного представления материала различных языков в тематически организованных главах. Однако, если попытаться соединить ингредиенты, анализ не всегда сходится. Рассмотрим, к примеру, аккумулятивные подлежащие якутского языка (пример (8a), повторяемый здесь как (27)).

(27) якутский

Min [ehigi-ni_i [sarsyn t_i kel-iex-xit] dien] ihit-ti-m.
я(НОМ) ты-АСС завтра приходитъ-FUT-2PL что слышать-PST-1SG
'Я слышал, что ты завтра придешь'.

В [Baker 2015] делаются следующие утверждения о падежной грамматике якутского языка:

- а) номинатив подлежащего приписывается вершиной Т при согласовании (с. 31);
- б) аккумулятив — нижний зависимый падеж ТР (с. 126);
- в) *v* — жесткая фаза (с. 150);
- г) аккумулятивные подлежащие адьюнгируются к собственной СР (с. 115);
- д) аккумулятивные подлежащие не поднимаются в главную клаузу (с. 117).

Из (а) и наличия согласования на предикате зависимой клаузы в (27) следует, что именная группа 'ты' получила номинатив. Бейкер не уточняет, передается ли падеж, приписанный при согласовании, верхним копиям, однако это нерелевантно для анализа якутского примера, поскольку номинативу не соответствует никакого падежного аффикса. Затем, по видимому, номинативное подлежащее выдвигается из ТР и адьюнгируется к СР (г). Следующая падежная область — VP главной клаузы. В ней именная группа 'ты' не имеет падежных конкурентов и может получить только немаркированный падеж (который формально совпадает с номинативом, приписываемым при согласовании). Для получения зависимого аккумулятива в главной клаузе именная группа 'ты' должна вступить в падежную конкуренцию с внешним аргументом 'я' в ТР главной клаузы (б). Однако это невозможно: с одной стороны, именная группа 'ты' не поднимается в главную клаузу (д), а с другой стороны, *v*

¹² Формально это передвижение представляет собой так называемое «подвертывание» (tucking in), адьюнгирующее некоторый материал не к построенной в данный момент составляющей, а к ее части, ср. схему «подвертывания» в (i) и стандартной адьюнкции [Chomsky 2000] в (ii).

(i) [_{VP} EA [_{V'} DP_i [_{V'} v [_{VP} ... t_i ...]]]]
(ii) [_{VP} DP_i [_{VP} EA [_{V'} v [_{VP} ... t_i ...]]]]

В модели Бейкера подобная адьюнкция через «подвертывание» необходима для того, чтобы нижняя копия внешнего аргумента не получила зависимый падеж от выдвигаемого внутреннего аргумента в ТР в цикле учета адьюнктов.

является в якутском языке жесткой фазой (в), так что именные группы ‘я’ и ‘ты’ никогда не окажутся в пределах одной падежной области.

Наконец, некоторые универсалистские утверждения Бейкера, по-видимому, могут быть оспорены на материале языков, не попавших в его выборку. Мы остановимся лишь на двух из них.

Первое связано с анализом падежей, приписываемых в именной группе. Как уже отмечалось выше, Бейкер усматривает значимую асимметрию между регулярным падежным синкретизмом эргатива и генитива и чрезвычайно редким и случайным падежным синкретизмом аккузатива и генитива [Baker 2015: 171—172]. Характерно, что синкретизм с эргативом демонстрирует «единичный» генитив именной группы. Отсюда Бейкер делает вывод, что основанием для падежного синкретизма является признак «верхний зависимый падеж», и предполагает, что эргатив посессора возникает в падежной конкуренции с NP.

В качестве контрпримера к обобщению Бейкера можно рассмотреть материал эстонского языка¹³. Как известно, в эстонском, в отличие от финского, основания рассматривать аргументный генитив как аккузатив отсутствуют: не существует именных групп, различающих генитив и «аккузатив». Генитив, как и финский аккузатив, оформляет квантованные прямые дополнения и, по-видимому, должен получать анализ, аналогичный анализу финского аккузатива. Таким образом, эстонский язык демонстрирует падежный синкретизм зависимого падежа TP и падежа, приписываемого в именной группе.

Обсудим теперь характер приименного генитива. Приименный генитив в эстонском языке явно не приписывается при согласовании: допустимо множественное генитивное маркирование аргументов переходного существительного, ср. (28). Следовательно, в модели Бейкера эстонский генитив может быть только конфигурационным падежом именной группы.

(28) эстонский

(<https://www.e-varamu.ee/item/Z7FLXZS3ANW7B3J3BK6KCHKIVSGNLY3X>)

Fotol Adamsoni Kreutzwaldi mälestussamba kavand.

фото.АД Адамсон.ГЕН Крейцвальд.ГЕН памятник.ГЕН эскиз

‘На фотографии эскиз памятника Крейцвальду Адамсона’.

Означает ли падежный синкретизм нижнего зависимого падежа TP и конфигурационного падежа DP, что генитив (или один из генитивов, например, внутреннего аргумента *Kreutzwaldi* ‘Крейцвальду’) — нижний зависимый падеж именной группы? Продолжая сопоставление единичного генитива и эргатива, с одной стороны, и множественного генитива и аккузатива, с другой стороны, отметим, что в именных группах можно также усмотреть недоприписывание верхнего зависимого падежа (только один эргатив при битранзитивном глаголе в шипибо, только один генитив в переходной именной группе в шипибо) и полноценное приписывание нижнего зависимого падежа (два аккузатива при битранзитивном глаголе в корейском, два генитива при переходном существительном в эстонском). Раз падежными конкурентами способны выступать именные составляющие разных видов, ничто не мешает считать вершину D падежным конкурентом для приписывания нижнего зависимого генитива в эстонском языке.

Намеченный в предыдущем абзаце анализ представляется контринтуитивным, однако он опирается на языковые данные практически в той же мере, что и анализ эргатива посессора как верхнего зависимого падежа. Как кажется, падеж посессора определяется иными правилами, чем падежи ядерных аргументов клаузы, и не может быть адекватно представлен как результат падежной конкуренции.

Второе утверждение Бейкера, которое хотелось бы обсудить подробнее, заключается в том, что эргатив всегда является верхним зависимым падежом и никогда не приписывается лексической вершиной вместе с тета-ролью либо функциональной вершиной при согласовании. Соответственно, эргатив всегда возникает в падежной конкуренции с с-командуемой беспадежной именной группой.

¹³ Благодарю за консультацию Ф. И. Рожанского.

Рассмотрим для этого материал морфологически эргативных восточно-кавказских языков¹⁴. В некоторых из них, например в агульском (29) и чирагском даргинском, в перифрастической и в синтетической каузативной конструкции от переходного глагола возможно оформление каузируемого эргативом¹⁵.

(29) агульский [Daniel et al. 2012: 60], цит. по [Ganenkov, Maisak 2016]

baw.a ruš.a jak: ʒut'.a-s q'.u-ne
 мать.ERG дочь.ERG мясо.ABS есть.IPF-INF делать.PF-AOR
 ‘Мать заставила дочь есть мясо’.

Обсудим приписывание эргатива каузирующему и каузируемому. Известно, что каузативные конструкции могут представлять собой как полипредикативные, так и монопредикативные структуры, и эта дихотомия не обязательно коррелирует с перифрастической vs. аналитической формой конструкции. Поэтому мы рассмотрим две альтернативы.

Предположим сперва, что в (29) представлена полипредикативная конструкция и именные группы ‘мать’ и ‘дочь’ принадлежат разным ТР. В таком случае каузируемый получает эргатив в нижней ТР в результате падежной конкуренции с дополнением ‘мясо’. Поскольку фаза С всегда жесткая, а инфинитивная клауза не является номинализованной, в верхней ТР именная группа ‘мать’ будет лишена падежных конкурентов и не сможет получить зависимый эргатив.

Предположим теперь, что (29) подверглось реструктурированию и представляет собой монопредикативную конструкцию (30), где нижний легкий глагол v_1 вводит каузируемого, а верхний — каузативная морфема v_2 — каузирующего.

(30) [TR ... [_{v2P} CAUSER [_{v1P} CAUSEE [_{VP} ABS V] v_1] v_2 (CAUS)] T]

Чтобы оба эргатива могли быть приписаны в ТР на основе падежной конкуренции, необходимо, чтобы v в агульском языке было мягкой фазой. Рассмотрим отношения структурного приоритета между аргументами каузативной конструкции на разных этапах деривации. Первая фазовая вершина — v_1 — задает падежную область VP. VP содержит единственный аргумент, который не получает зависимого падежа. Поскольку v — мягкая фаза, немаркированный падеж также не приписывается. Следующая фазовая вершина — каузативная вершина v_2 ; ей соответствует падежная область v_1P . В ней представлены два аргумента — каузируемый и внутренний аргумент глагола, причем каузируемый с-командует внутренним аргументом. На уровне vP зависимый падеж не определен¹⁶, а немаркированный падеж по тем же причинам, что и ранее, не приписывается. Наконец, фазовая вершина С задает падежную область ТР, в которой мы обнаруживаем три именные группы, связанные отношением с-командования. Две пары именных групп — CAUSER < CAUSEE и CAUSER < ABS — дают одинаковый результат: каузатор получает верхний зависимый эргатив. Третья пара — CAUSEE < ABS — могла бы быть источником эргатива для каузируемого, однако это отношение с-командования повторяет то отношение, которое уже было установлено в предыдущей фазе и, следовательно, не должно учитываться. Каузируемый и внутренний аргумент получают немаркированный падеж ТР — абсолютив. Предпринятые рассуждения представлены в таблице 2.

¹⁴ Благодарю за консультацию М. Э. Чумакину, М. А. Даниэля и Т. А. Майсака.

¹⁵ Во многих северо-кавказских языках засвидетельствованы «неядерные» функции эргатива: маркирование инструмента, именного предиката, причины, времени и т. п. Как отмечает рецензент, оформление каузируемого эргативом может отражать именно такое использование данного падежа. Важно, однако, что в модели Бейкера эргатив всегда является верхним зависимым падежом и, следовательно, не может рассматриваться как семантический падеж, то есть падеж, лексически управляемый нулевым послелогом, вводящим семантику инструмента / времени / причины и т. п.

¹⁶ Мы делаем этот вывод, опираясь на следующее рассуждение: несмотря на то что Бейкер вводит целый ряд дополнительных фазовых вершин — NEG, Asp, Poss, E, — ни одна из них не связана с постулированием новых зависимых падежей в составляющих — комплементах фазы (vP , NP).

Таблица 2

Приписывание зависимых падежей в монопредикативной каузативной конструкции

Фазовая вершина	Падежная область	Аргументы, с-командование	Падежи
v_1	VP	ABS	—
v_2	v_1P	CAUSEE < ABS	—
C	TP	CAUSEE < ABS (то же, что и в предыдущей фазе)	—
		CAUSER < CAUSEE	CAUSER: ERG
		CAUSER < ABS	CAUSER: ERG

В чем причина неудовлетворительного результата, который показывает модель Бейкера в объяснении примера (29)? По-видимому, дело в том, что эргатив в агульском более локальный падеж, чем верхний зависимый падеж TP. Как отмечалось во многих работах, посвященных аргументной структуре дагестанских языков (из последних работ см., например, [Polinsky 2015; 2016; Lyutikova 2015; Тестелец 2016; Ганенков 2016]), все аргументы клаузы и все падежи, в том числе и эргатив, лицензируются на уровне глагольной области (vP) и независимы от наличия или финитности T. Поскольку при каузативизации возникает еще один внешний аргумент и, следовательно, еще одна переходная vP (ср. анализ в [Harley 1995; 2008; Travis 2000; 2005; Ramchand 2008; Miyagawa 2012]), лицензируется еще один эргатив. В системе Бейкера, очевидно, такого результата можно достичь, либо постулируя vP как падежную область, в которой приписывается верхний зависимый эргатив¹⁸, либо допустив, что эргатив приписывается функциональной вершиной v при согласовании. Обе опции, однако, идут вразрез с логикой предлагаемой Бейкером модели.

Завершая обсуждение параметрической модели конфигурационного падежа, представляется необходимым отметить следующее. Безусловно, в настоящий момент она весьма уязвима для критики как с внешних позиций, с точки зрения интеграции падежного модуля в общую модель формального синтаксиса, так и изнутри самой падежной теории. Думается, однако, что это естественно для модели, находящейся в разработке. Избыточность, несогласованность разных компонентов модели и сверхобобщения — естественные болезни роста теорий. Важно, что конфигурационная модель в системе Бейкера позволяет сделать принципиально новые обобщения о возможных и невозможных падежных системах, проследить результаты действия единой системы параметров в языках разного строя и увидеть единство в многообразии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	CONNNEG — коннегатив
ABS — абсолютив	CP — группа комплементаризера
ACC — аккузатив	D — определитель (артикл)
AD — адэссив	DAT — датив
ADJ — адьюнкт	DEC — декларатив
AG — агентивная номинализация	DOM — дифференцированное маркирование объекта
AOR — аорист	DP — группа определителя
ARG — аргумент	DPST — давнопрошедшее время
ASP — вид	E — эквативная вершина
ASP — аспект	ERG — эргатив
ASP — группа аспекта	F — женский род
AUX — вспомогательный глагол	F — функциональная вершина
C — комплементаризер	

¹⁸ Заметим, что, хотя Бейкер с легкостью вводит новые фазовые вершины, чтобы поставить «барьер» для нежелательной падежной конкуренции, локальные области, в которых приписывается конфигурационный падеж, остаются неизменными — это VP, TP и PossP/NP.

FOC — фокус	POSS — посессивная вершина
FUT — будущее время	PossP — посессивная группа
GEN — генитив	PP — предложная группа
НАВ — хабитуалис	PRF — перфект
IMP — императив	<i>pro</i> — нулевое анафорическое местоимение
INF — инфинитив	PRO — нулевое подлежащее нефинитных клауз
INTR — непереходная клауза	PROG — прогрессив
IPF — имперфектив	PRT — предикативная частица
LOC — локатив	PST — прошедшее время
MNOM — маркированный номинатив	PTCP — причастие
N — существительное	REF — фокус эмпатии (reference point)
NEG — отрицание	SG — единственное число
NMN — номинализация	SU — субъектное согласование
NOM — номинатив	T — предикативная вершина
NP — группа существительного	TP — предикативная группа
OBJ — объектное согласование	TR — переходная клауза
PART — партитив	<i>v</i> — легкий глагол
PASS — пассив	V — лексический глагол
PERI — периферийный участник	<i>v</i> P — группа легкого глагола
PF — перфектив	VP — группа лексического глагола
PL — множественное число	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2014 — Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31—65. [Belyaev O. I. Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 6. Pp. 31—65.]
- Ганенков 2016 — Ганенков Д. С. Корпусное исследование инфинитивных конструкций в лезгинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 1. С. 310—322. [Ganekov D. S. A corpus-based study of infinitive constructions in Lezgian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*. 2016. Vol. 12. No. 1. Pp. 310—322.]
- Кибрик (ред.) 1999 — Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 1999. [Kibrik A. E. (ed.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in the light of typology]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 1999.]
- Кибрик (ред.) 2001 — Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Kibrik A. E. (ed.). *Bagvalinskii yazyk: grammatika, teksty, slovani* [Bagvalal: Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2001.]
- Кондрашова 2002 — Кондрашова Н. Ю. Генеративная грамматика и проблема свободного порядка слов // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. 2-е изд. М.: УРСС, 2002. С. 110—142. [Kondrashova N. Yu. Generative grammar and the problem of free word order. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya*. Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.). 2nd ed. Moscow: URSS, 2002. Pp. 110—142.]
- Лютикова 2017 — Лютикова Е. А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М.: ЯСК, 2017. [Lyutikova E. A. *Formal'nye modeli padezha: teorii i prilozheniya* [Formal models of case: Theories and applications]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52—69. [Lyutikova E. A., Pereltsvaig A. M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 3. Pp. 52—69.]
- Тестелец 2016 — Тестелец Я. Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад на открытом заседании Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Москва, 19.05.2016. [Testelecs Ya. G. *Padezh i struktura predlozheniya v avarskom yazyke. Doklad na otkrytom zasedanii Otdela kavkazskikh yazykov Instituta yazykoznanija RAN. Moskva, 19.05.2016.* [Case and sentence structure in Avar. A report presented at the open session of the Department of Caucasian languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Moscow, May 19, 2016.]

- Эршлер 2009 — Эршлер Д. А. К типологии непациентивных значений аккумулятива // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 32—49. [Erschler D. A. Towards a typology of non-patient meanings of accusative. *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 3. Pp. 32—49.]
- Якобсон 1936/1985 — Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: Общие значения русских падежей // Якобсон Р. О. Избранные работы. Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson R. O. Contribution to the general theory of case: General meanings of the Russian cases. Jakobson R. O. *Izbrannnye raboty*. Transl. from English, German, French. Moscow: Progress, 1985.] (Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. 1936. Vol. VI. Pp. 240—288.)
- Andrews 1982 — Andrews A. The representation of case in Modern Icelandic. *The mental representation of grammatical relations*. Bresnan J. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1982. Pp. 427—503.
- Baker 1988 — Baker M. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988.
- Baker 1996 — Baker M. *The polysynthesis parameter*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Baker 1997 — Baker M. Thematic roles and syntactic structure. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 73—137.
- Baker 2001 — Baker M. *The atoms of language: The mind's hidden rules of grammar*. New York: Basic books, 2001.
- Baker 2005 — Baker M. *Lexical categories*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Baker 2008a — Baker M. *The syntax of agreement and concord*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Baker 2008b — Baker M. The macroparameter in a microparametric world. *The limits of syntactic variation*. Biberauer T. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 351—374.
- Baker 2009 — Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun. *Lingua*. 2009. Vol. 119. Pp. 148—165.
- Baker 2010 — Baker M. Formal generative typology. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 285—312.
- Baker 2012 — Baker M. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. Pp. 255—274.
- Baker 2013 — Baker M. On agreement and its relationship to case: Some generative ideas and results. *Lingua*. 2013. Vol. 130. Pp. 14—32.
- Baker 2014 — Baker M. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase. *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45. Pp. 341—380.
- Baker 2015 — Baker M. *Case: Its Principles and Parameters*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker 2017 — Baker M. Ergative case in Burushaski: A dependent case analysis. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 759—781.
- Baker, Bobaljik 2017 — Baker M., Bobaljik J. On inherent and dependent theories of ergative case. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 111—134.
- Baker, Kramer 2014 — Baker M., Kramer R. Rethinking Amharic prepositions as case markers inserted at PF. *Lingua*. 2014. Vol. 145. Pp. 141—172.
- Baker, McCloskey 2007 — Baker M., McCloskey J. On the relationship of typology to theoretical syntax. *Linguistic Typology*. 2007. Vol. 11. Pp. 285—296.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 3. Pp. 593—642.
- Bittner, Hale 1996 — Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. Pp. 1—68.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a postsyntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 295—328.
- Butt 2006 — Butt M. *Theories of case*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 89—155.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 2001. Pp. 1—52.

- Comrie 1976 — Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences. *The grammar of causative constructions*. Shibatani M. (ed.). (Syntax and Semantics 6.) New York: Academic Press, 1976. Pp. 261—312.
- Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity. *Syntactic typology*. Lehmann W. (ed.). Austin: Univ. of Texas Press, 1978. Pp. 329—394.
- Comrie 1981 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.
- Coon 2013 — Coon J. TAM split ergativity (parts 1—2). *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. Pp. 171—200.
- Coon, Preminger 2017 — Coon J., Preminger O. Split ergativity is not about ergativity. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 226—252.
- Daniel et al. 2012 — Daniel M., Maisak T., Merdanova S. Causatives in Agul. *Argument structure and grammatical relations: A crosslinguistic typology*. Suihkonen P., Comrie B., Solovyev V. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 55—114.
- DeLancey 1981 — DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. 1981. Vol. 57. No. 3. Pp. 626—657.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59—138.
- Dryer, Haspelmath (eds.) 2013 — Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available online at: <http://wals.info>; accessed on 25.11.2016.
- Ganenkov, Maisak 2016 — Ganenkov D., Maisak T. Valency issues in Northeast-Caucasian. Paper presented at the International conference «Valency and Valency Change in the Caucasus», HSE/Institute of Linguistics (RAS), 28—30 November, 2016.
- Gulya 1966 — Gulya J. *Eastern Ostyak chrestomathy*. Bloomington (IN): Univ. of Indiana Press, 1966.
- Harley 1995 — Harley H. *Subjects, events, and Licensing*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1995.
- Harley 2008 — Harley H. On the causative construction. *Oxford handbook of Japanese linguistics*. Miyagawa Sh., Saito M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 20—53.
- Jahnsson 1871 — Jahnsson A. W. *Finska språkets satslära. För skolornas behof*. Helsingfors: Utgivarens förlag, 1871.
- Kayne 2000 — Kayne R. *Parameters and universals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Kiparsky 2001 — Kiparsky P. Structural case in Finnish. *Lingua*. 2001. Vol. 111. Pp. 315—376.
- Kornfilt 2013 — Kornfilt J. Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. Paper presented at the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL9), August 23—25, 2013, Cornell University, Ithaca, NY.
- Kornfilt, Preminger 2015 — Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL9)*. Joseph A., Predolac E. (eds.). (MIT Working Papers in Linguistics 76.) Cambridge (MA): MIT Press, 2015. Pp. 109—120.
- Laka 2006 — Laka I. Deriving split ergativity in the progressive: The case of Basque. *Ergativity: Emerging issues*. Johns A., Massam D., Ndayiragije J. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 2006. Pp. 173—196.
- Lander 2009 — Lander Yu. Varieties of genitive. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 581—592.
- Lebeaux 1988 — Lebeaux D. Language acquisition and the form of the grammar. PhD dissertation. Amherst (MA): Univ. of Massachusetts, 1988.
- Lefebvre, Muysken 1988 — Lefebvre C., Muysken P. *Mixed categories: Nominalizations in Quechua*. Dordrecht: Kluwer, 1988.
- Levin 2014 — Levin Th. Korean nominative case-stacking: A configurational account. *Japanese/Korean Linguistics*. Vol. 22. Giriko M., Nagaya N., Takemura A., Vance T. J. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2014. Available at: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/62481330/JK22%20Proceedings%20%28prepub%29.pdf>; accessed 19.02.2017.
- Levin, Preminger 2015 — Levin Th., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. No. 1. Pp. 231—250.
- Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? *Organizing grammar: Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Broekhuis H. et al. (eds.). New York: De Gruyter Mouton, 2005. Pp. 407—414.
- Ljutikova 2015 — Ljutikova E. Tsakhur as a case-stacking language. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Arkadiev P., Kapitonov I.,

- Lander Yu., Rakhilina E., Tatevosov S. (eds.). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015. Pp. 297—312.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. No. 3. Pp. 289—325.
- Mahajan 1990 — Mahajan A. *The A/A' distinction and movement theory*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1990.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern states conference on linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. Pp. 234—253.
- Massam 2001 — Massam D. Pseudo noun incorporation in Niuean. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. No. 1. Pp. 153—197.
- Massam 2009 — Massam D. Noun incorporation: Essentials and extensions. *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3. No. 4. Pp. 1076—1096.
- McFadden 2004 — McFadden Th. *The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface*. PhD dissertation. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Miyagawa 2012 — Miyagawa Sh. Blocking and causatives: Unexpected competition across derivations. *Case, argument structure, and word order*. London: Routledge, 2012. Pp. 202—223.
- Moravcsik 1974 — Moravcsik E. Object-verb agreement. *Working Papers on Language Universals*. 1974. Vol. 15. Pp. 25—140.
- Moravcsik 1978 — Moravcsik E. Agreement. *Universals of human language IV: Syntax*. Greenberg J. (ed.). Stanford (CA): Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 331—374.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. (Languages of the World/Materials 305.) München: Lincom Europa, 1999.
- Pesetsky 1989 — Pesetsky D. *Language-particular processes and the Earliness principle*. Ms. Cambridge (MA): MIT, 1989.
- Pesetsky 2003 — Pesetsky D. Principles & Parameters Theory. *Oxford International Encyclopedia of Linguistics*. 2nd ed. Frawley W. J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. Pp. 403—405.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case. *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Boeckx C. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. Pp. 52—72.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms. Cambridge (MA): Harvard Univ., 2015.
- Polinsky 2016 — Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Bond O., Corbett G., Chumakina M., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. Pp. 184—232.
- Preminger 2011 — Preminger O. *Agreement as a fallible operation*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 2011.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 281—337.
- Roberts, Holmberg 2010 — Roberts I., Holmberg A. Introduction: Parameters in minimalist theory. *Null Subjects: The structure of parametric variation*. Biberauer T., Holmberg A., Roberts I., Sheehan M. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 1—57.
- Saito 1992 — Saito M. Long distance scrambling in Japanese. *Journal of East Asian Linguistics*. 1992. Vol. 1. Pp. 69—118.
- Travis 2000 — Travis L. Event structure in syntax. *Events as grammatical objects: The converging perspectives of lexical semantics and syntax*. Tenny C., Pustejovsky J. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. Pp. 145—185.
- Travis 2005 — Travis L. Articulated VPs and the computation of Aktionsart. *Syntax, semantics and acquisition of aspect*. Kempchinsky P., Slabakova R. (eds.). Dordrecht: Springer, 2005. Pp. 69—94.
- Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. Pp. 111—130.
- Yip et al. 1987 — Yip M., Maling J., Jackendoff R. Case in tiers. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 217—250.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett (eds.). Understanding and measuring morphological complexity. Oxford: Oxford University Press, 2015. 240 p. ISBN 978-0-198-72376-9.

Александр Бердичевский

Aleksandrs Berdicevskis

Упсальский университет, Упсала, 75105, Швеция;
Норвежский арктический университет, Тромсё,
9037, Норвегия;
aleksandrs.berdicevskis@lingfil.uu.se

Uppsala universitet, Uppsala, 75105, Sweden; UiT
Norges arktiske universitet, Tromsø, 9037, Norway;
aleksandrs.berdicevskis@lingfil.uu.se

Языковая сложность (в первую очередь морфологическая сложность) — чрезвычайно популярная тема в современной лингвистике, см. обзор ключевых зарубежных работ в [Бердичевский 2012], а также рецензию Н. Б. Вахтина [2014] на книгу П. Традгила. За пять лет, прошедших с момента публикации обзора, появилось много новых работ, среди них — рецензируемый сборник «Понимание и измерение морфологической сложности».

Двое из трех его редакторов (Мэтью Баерман и Гревил Корбет) — постоянные члены Суррейской морфологической группы, третий (Данстан Браун) с ней тесно связан. В обширный круг интересов группы уже давно входит и морфологическая сложность: этой теме, в частности, был посвящен шестилетний типологический проект, поддержанный Европейским исследовательским советом, а также ряд проектов чуть меньшего масштаба. Сборник написан по итогам конференции, состоявшейся в 2012 г. в Лондоне в рамках вышеупомянутого проекта.

Сборник состоит из трех частей: «Что такое морфологическая сложность?», «Понимание сложности» и «Измерение сложности». Две главы первой части содержат в основном общие рассуждения о природе морфологической сложности, четыре главы второй части — анализ морфологии конкретных языков (во всех случаях чрезвычайно сложной), четыре главы третьей части посвящены количественным подходам к сложности, хотя и не всегда напрямую ее измерению. Наибольшее внимание я уделяю третьей части, потому что она представляется мне наиболее интересной и потому что главы второй части содержат детальный анализ конкретных сложнейших парадигм, который плохо сжимается в пересказ.

Первая глава написана тремя редакторами-составителями и называется «Понимание и измерение морфологической сложности: введение». Авторы отмечают, что морфология (здесь и далее под «морфологией», если не оговорено иное, будет пониматься словоизменение, а не словообразование) резко отличается от других свойств языка и на макро-, и на микроуровне. Отличие на макроуровне состоит в том, что морфология — необязательный компонент. Языки без словоизменения встречаются, в то время как языков без синтаксиса, фонологии или семантики пока не обнаружено. Учитывая, что именно морфология может достигать исключительной сложности (по мнению авторов, вероятно, большей, чем иные компоненты), факт ее необязательности заслуживает внимания. Отличие на микроуровне состоит в том, что морфология наиболее идиосинкратична. Можно найти два неродственных языка, у которых похожи синтаксис и фонология, но сделать то же для словоизменения чрезвычайно трудно.

Эти два факта необходимо иметь в виду для адекватного описания словоизменительных систем, чему примерно и посвящены остальные главы. Авторы также отмечают, что книга

рассматривает морфологию как отдельную структуру, не сводимую к синтаксису и фонологии, и концентрируется в основном на парадигматической, а не синтагматической сложности, то есть на сложности отношений между элементами парадигмы, а не на сложности объединения элементов в линейные последовательности (конструкции, предложения и т. п.).

По мнению авторов, главы книги демонстрируют, что словоизменительные системы могут быть устроены чрезвычайно затейливо, но тем не менее они обладают некоторой элегантностью и при достаточно абстрактном взгляде на них можно увидеть сравнимые структуры. Что именно авторы имеют в виду, для меня, увы, остается не вполне ясным. Главы второй части содержат много подробной информации о конкретных языках, а также наблюдений, важных для более общих теоретических и типологических исследований сложности; главы третьей части описывают ряд перспективных количественных подходов, но я не могу сказать, что мне как читателю удалось за восемь эмпирическими главами разглядеть некоторую общую «элегантность» морфологии и особенно «сравнимые структуры» описываемых языков.

В заключение авторы замечают, что книга оставляет открытым вопрос, почему же эти сложность и элегантность некоторым языкам присущи в высочайшей степени, а в других полностью отсутствуют. Это очень важная оговорка, к которой мы вернемся в конце рецензии.

Вторая глава написана Стивеном Андерсоном (Stephen Anderson) и называется «Dimensions of morphological complexity». Буквально название переводится как «Измерения морфологической сложности», но я бы назвал главу по-русски «Возможные типы морфологической сложности и ее составляющие», потому что описывает автор именно это — те свойства морфологии, которые делают ее «сложной». Начиная с попытки определить сложность, Андерсон приводит поучительный пример: он вел курс о языках мира в Пекинском университете. Студенты были знакомы с понятием полисинтетического языка, но ничего не знали о реальных полисинтетических языках; из того, что они читали, было ясно лишь, что это что-то очень сложное. Один из студентов сдал работу со следующим определением: «В “полисинтетическом” языке слова устроены очень сложно. Это значит, что в одном слове содержится более одного значащего элемента, как, например, в английском *cat-s*».

Андерсон определяет сложность как те свойства системы, которые не обязательно следуют из ее природы, из ее неотъемлемых компонентов. Вспомним, что говорили о языке авторы введения: синтаксис и фонология — необходимые компоненты языка, но без морфологии язык мыслим. Андерсон соглашается с этим и идет дальше, разделяя морфологию на морфотактику (организацию морфологического материала в более крупные единицы — слова) и алломорфию (реализацию одного и того же элемента разными способами). Гипотетически можно было бы ожидать, что морфотактика ничем не будет принципиально отличаться от синтаксиса (зачем языку две разные системы объединения элементов в более крупные сущности?), а алломорфия — от фонологии. Андерсон показывает, что это не так. Морфотактика не сводится к синтаксису. Например, в языке квакиутль (вакашская семья) действуют жесткие ограничения на порядок слов в предложении: глагол всегда занимает первое место, субъект всегда предшествует объекту, а выраженные прилагательным определения — существительному, являющемуся их вершиной. Помимо того, в квакиутле есть богатая система лексических суффиксов, позволяющих использовать одно сложное слово там, где другие языки обошлись бы двумя (или более) независимыми словами. В сложных словах, вопреки синтаксической закономерности, элемент, который соответствует глаголу, обычно следует за элементом, соответствующим объекту, а определение может следовать за определяемым. Если сложное слово содержит глагол и объект, то объект, таким образом, может предшествовать независимому субъекту. Андерсон также показывает, что алломорфия не сводится к фонологии (приводя пример алломорфии, которая не может быть объяснена в фонологических терминах).

Далее автор ставит перед собой задачу описать «логическое пространство», в которое может укладываться разнообразие морфологической сложности, существующей в языках мира, главные «измерения», по которым в языках возникает затейливая структура слова,

не выводимая очевидным образом из необходимых свойств языка. Измерения эти попадают в две большие категории: свойства системы в целом и свойства отношений между отдельными морфологическими элементами и их экспонентами. Далее Андерсон подробно и с примерами рассматривает несколько измерений в каждой категории (показывая, что именно может являться сложным, то есть не выводимым из базовых свойств системы), я ограничусь простым перечислением. Свойства системы в целом: количество аффиксов в языке, количество аффиксов в слове, принципы объединения аффиксов в слово. Свойства отношений между элементами: сложность реализации отдельных элементов, сложность отношений между словами (имеются в виду члены парадигмы), сложность алломорфии.

Затем Андерсон задается вопросом, откуда берется морфологическая сложность, как она возникает в языке. Один очевидный источник — это грамматикализация. Другой — фонологические изменения (которые, например, могут привести к тому, что фонологическое чередование перестанет быть прозрачным и будет переосмыслено как морфологический показатель). Особо Андерсон отмечает, что сегодняшняя морфология — это не всегда вчерашний синтаксис (вопреки афоризму Талми Гивона), и приводит пример, когда морфологические свойства возникают сами по себе, не из синтаксиса и не из фонологии. В альсайидском жестовом языке (это так называемый деревенский жестовый язык, возникший спонтанно и сравнительно недавно, притом сравнительно хорошо изученный) третье поколение носителей регулярно образует сложные слова, помещая определение перед вершиной: молиться[^]дом ‘мечеть’. В синтаксических же конструкциях порядок слов обратный: вершина предшествует зависимому (педантичности ради следует упомянуть, что в работе [Meig et al. 2010], на которую ссылается Андерсон, этот факт не приводится, но в других работах того же коллектива, например [Aronoff et al. 2010: 142—143], он действительно обсуждается).

В завершение Андерсон отмечает, что, хотя морфология выглядит необязательным компонентом языка, она тем не менее присутствует во многих языках и, более того, нередко возникает в ходе языковых изменений. Вероятно, это не случайно и морфология каким-то (пока неизвестным) образом глубоко укоренена в природе языка и языковых способностей человека. Так что на самом-то деле, заключает Андерсон, наше понимание того, что в морфологических системах сложно, а что нет, пока не слишком глубоко.

На этом кончается **первая часть**.

Третья глава, написанная Эрихом Раундом (Erich Round), называется «Ризоморфомы, мероморфомы и метаморфомы» (Rhizomorphomes, meromorphomes and metamorphomes). Все три термина придуманы автором и опираются на понятие морфомы, тоже не самое широко известное.

Морфома — это категория (или совокупность форм), существующая в морфологической системе, но не изоморфная ни одной категории ни одного иного уровня: семантики, синтаксиса, фонологии. Марк Аронофф [Aronoff 1994: 24—25], который ввел это понятие, приводил в пример английское причастие прошедшего времени, которое служит для выражения перфекта (вместе с глаголом *have*), а также пассива. Пассив и перфект, однако, совершенно разные категории и в семантическом, и в синтаксическом смысле, и ни из чего не следует, что они должны всегда выражаться одной и той же формой. Значит, заключает Аронофф, существует некоторая отдельная функция, которая сопоставляет пассиву и перфекту одно и то же фонологическое выражение. Функция эта не является ни морфосинтаксической, ни морфофонологической, но чисто морфологической. Она существует на особом, морфомном, уровне и называется морфомой. По-русски о морфомах см., например, [Люсина 2013].

Раунд выделяет три типа морфом. Ризоморфомы представляют собой множества корней. Они разбивают словарь языка на классы, элементы которых имеют схожие парадигмы, например, склонения или спряжения. Мероморфомы представляют собой множества формообразовательных операций и разбивают морфологические соответствия (mappings) на классы, элементы которых имеют схожие шаблоны экспонирования. Глава 3 посвящена

в основном мероморфам в языке каядилт (семья пама-ньюнга). Метаморфозы представляют собой множества клеток в парадигме и разделяют типы парадигм (*sic*) на классы, элементы которых имеют схожую реализацию мероморфом. Насколько я могу понять, обсуждавшаяся выше функция, которая сопоставляет одну и ту же форму перфекту и пассиву, — это мероморфома, а множество клеток парадигмы английского глагола, которое мы называем причастием прошедшего времени, — это метаморфома. В целом глава чрезвычайно трудна для чтения.

Показывая, что словоизменение каядилта разумно анализировать с использованием понятия морфом, Раунд отмечает, что морфомы, по крайней мере в данном случае, тоже пример морфологической сложности. Они играют значительную роль в организации морфологической системы, но не повышают ее выразительность. Если принять точку зрения Андерсона, что морфология — это фактически сложность сама по себе (в силу своей необязательности в системе), то морфомы, чисто морфологические категории, не описываемые на иных уровнях, — это сложность в сложности. Подобно авторам двух предыдущих глав, Раунд задается вопросом (на будущее), какую же выгоду может приносить эта дополнительная сложность. В заключение, однако, он уточняет, что, хотя само **существование** морфом — проявление сложности, в **формальной структуре** всех трех типов морфом никакой особенной сложности нет и они крайне мало отличаются от уже известных типов архитектуры грамматических подсистем.

Четвертая глава, написанная Марком Донохью (Mark Donohue), называется «Морфологическая непрозрачность: ссылочные правила в глаголах языка канум» (*Morphological opacity: Rules of referral in Kanum verbs*). Донохью выделяет четыре различных проявления сложности. Первое — большой размер системы, количество элементов в ней (например, сложная местоименная система может содержать много местоимений). Второе — большое количество измерений системы, большое количество переменных, необходимых для описания системы (в сложной местоименной системе может существовать несколько значений числа, рода и лица). Третье — типологическая редкость элементов системы (сложная местоименная система может содержать маркеры чрезвычайно редко встречающихся различий, например, поколенческой разницы между адресатом и говорящим). Четвертое — непрозрачность: в сложной системе нет прямых соответствий между значениями и их выражением. Продолжая ряд примеров с местоименной системой, Донохью упоминает папуасский язык мериам-мир, где инклюзивное местоимение 1 л. мн. ч. выражается с помощью морфомы 2 л., к которой приобавлен суффикс мн. ч.

Эти четыре проявления не всегда независимы, а вполне могут коррелировать (чем больше в системе измерений, тем больше потенциальное количество элементов, тем больше вероятность возникновения непрозрачных соответствий и т. п.). Донохью концентрируется на непрозрачности, рассматривая глагольное словоизменение в языке канум (Новая Гвинея). В глаголе маркируется субъект, объект и время. Набор различных морфем невелик, и некоторые категории реализуются регулярно. Сложность системы в том, что во многих случаях действуют так называемые ссылочные правила (*rules of referral*): клетку парадигмы занимает показатель из другой клетки. Так, например, в парадигме настоящего времени глагола *ampl* 'насмехаться' маркер объекта 1 л. мн. ч. синкретичен с маркером 2 л. ед. ч., а маркеры 2 и 3 л. мн. ч. синкретичны с маркером 3 л. ед. ч. м. р.

Донохью подробно описывает канумские ссылочные правила и заключает, что, хотя они лексически непредсказуемы, можно установить ряд закономерностей (какие ссылки между клетками в каких случаях возможны). Видимо, именно анализ такого рода Баерман, Браун и Корбет имели в виду, говоря о неочевидной элегантности и сравнимости рассматриваемых в книге систем.

Пятая глава, авторы которой Жан-Пьер Кениг (Jean-Pierre Koenig) и Карин Майкельсон (Karin Michelson), называется «Морфологическая сложность по-онойдски» (*Morphological complexity à la Oneida*). Онейда (онайда) — ирокезский язык, знаменитый своей системой из 58 местоименных префиксов, которая является обязательной частью глагольного

словоизменения. Так, *luwa-hlo-li-he?* означает 'она, они или кто-либо говорят ему', а *shukwa-hlo-li-he?* — 'он говорит нам'. Дефисы обозначают морфемные границы, *he?* — показатель habituалиса, *hlo-li* — корень, *luwa* — префикс со значением 'агнс 3 л. ед. ч. ж. р., неопределенного 3 л., 3 л. дв. ч. или 3 л. мн. ч. совершает действие по отношению к пациенту 3 л. ед. ч. м. р.', а *shukwa* — 'агнс 3 л. ед. ч. м. р. совершает действие по отношению к пациенту 1 л. мн. ч.'.

Кениг и Майкельсон подробно описывают онейдскую систему префиксов, обращая особое внимание на такие параметры, как размер, семантическая омонимия, сложность сегментации и «прямота» (directness). Последнее, видимо, эквивалентно прозрачности в терминах Донохью: авторы показывают, что для описания онейдской системы недостаточно «прямых» правил вида «Сопоставь множеству морфосинтаксических значений такую-то форму». Как и для языка канум, необходимо вводить ссылочные правила. Представляется неудачным, что в двух соседних главах практически одно и то же понятие называется по-разному (если между понятиями на самом деле все же есть существенная разница, то она от меня ускользает и в любом случае не обсуждается эксплицитно). На суть изложения это, разумеется, не влияет.

Третий параметр — сложность сегментации — особенно интересен: Кениг и Майкельсон отмечают, что ранее в литературе он для данной системы не обсуждался. Авторы рассматривают, насколько носителю трудно правильно проанализировать данную форму и идентифицировать префиксы. Из-за ряда фонологических явлений эта задача далеко не всегда является тривиальной.

Как и авторы введения, Кениг и Майкельсон подчеркивают, что морфологическая сложность по своей природе не синтагматична, а парадигматична. Если рассматривать сложность не как абстрактный параметр, а как трудность для носителя, то парадигматическая сложность — это трудность **выбора** (формы при порождении, значения при восприятии). Авторы показывают, что носитель онейдского языка, чтобы использовать правильный префикс, должен сделать выбор между 326 алломорфами 58 морфов (здесь было бы естественно ожидать термин «морфема», но авторы выбирают «морф», «чтобы не ограничивать себя морфемным подходом к словоизменению», с. 82). По субъективным оценкам тех, кто учит онейдский во взрослом возрасте, это чрезвычайно трудно (поскольку детей, осваивающих онейдский как первый язык, уже нет, то неизвестно, насколько это было бы трудно для них). Но только ли в размере системы дело? Словарь любого языка во много раз больше, но его освоение обычно не ассоциируется с такими же трудностями. Кениг и Майкельсон предлагают следующие гипотетические факторы, объясняющие, почему выбор онейдского префикса — трудная задача.

Во-первых, выбор префикса обязателен. Описывая ситуацию, говорящий всегда должен употребить один и только один префикс. Во-вторых, выбор зависит от достаточно общих свойств ситуации, которые не обязательно актуальны для собеседников. Говорящий должен определить, сколько в ситуации участников, одушевленные ли они, определенные ли, какой род и лицо следует употребить и т. п. Авторы утверждают, что говорящему может быть необходимо сделать до девяти бинарных решений, чтобы выбрать нужный морф. В-третьих, в системе присутствуют случаи нейтрализации. С одной стороны, они облегчают задачу говорящего, потому что уменьшают количество необходимых решений, с другой — усложняют, потому что нейтрализация несистематична: нет общих простых правил, которые хорошо описывали бы, какие клетки парадигмы синкретичны. Кроме того, нейтрализация усложняет задачу слушающего. Отвлекаясь от конкретного онейдского случая, надо сказать, что эта двоякая роль нейтрализации (синкретизма, ссылочных правил) в языковой сложности — большая проблема. С одной стороны, уменьшение числа экспонентов является упрощением, с другой, меньшая прозрачность правил, к которому оно нередко приводит, является усложнением. Какая английская парадигма сложнее: *cat* — *cats* или *moose* — *moose*? К сожалению, в книге этот вопрос систематически не рассматривается, хотя анализ синкретизма занимает центральное место во многих главах. Возвращаясь

к главе Кенига и Майкельсон: в-четвертых, выбрав морф, говорящий должен затем выбрать алломорф, что тоже не вполне тривиальная задача (и к тому же усложняет задачу сегментации для слушающего).

Можно, конечно, усомниться в том, что в реальной речи выбор и анализ морфов устроены именно так, как предполагает приведенное выше описание. Например, абстрактивный подход к морфологии (см. восьмую главу), вероятно, предполагает иную модель. Авторы и не утверждают, что их модель точно соответствует когнитивной реальности. Это попытка приблизительно оценить трудности, создаваемые для носителей языка сложными парадигмами, — достаточно умозрительная, но весьма интересная.

Шестая глава, написанная Мариной Чумакиной (Marina Chumakina) и Гревиллом Корбетом (Greville Corbett), называется «Классно-числовое маркирование в арчинском языке: сложное в малом» (Gender-number marking in Archi: Small is complex). Арчинский язык знаменит, например, своими гигантскими глагольными парадигмами. Чумакина и Корбет обращаются, однако, к парадигме небольшой: множеству маркеров числа и согласовательного класса. Хотя маркеров немного, сложность проявляется в том, насколько непредсказуемо устроено согласование.

Любопытно, что авторы, судя по всему, считают, что в фокусе этой главы тоже находится парадигматическая сложность — но, поскольку речь идет о согласовании, я бы классифицировал наблюдаемые явления хотя бы отчасти как синтагматическую сложность.

Сложность заключается в непредсказуемости того, что и как будет согласовываться. Практически все части речи могут получать классно-числовые маркеры, но не все лексемы одной и той же части речи ведут себя одинаково. Более того, маркеры иногда могут быть инфиксами, а иногда — префиксами, что представляется типологической редкостью. Чумакина и Корбет подробно анализируют систему, выявляя зависимость наличия и вида маркирования от частеречных, морфологических, морфофонологических и фонологических факторов. Тем не менее даже после установления ряда закономерностей остается существенное количество исключений, которые приходится специфицировать на лексическом уровне.

На этом кончается **вторая часть**.

Седьмая глава, написанная Грегори Стампом (Gregory Stump) и Рафаэлем Финкелем (Raphael Finkel), называется «Сравнение различных способов представления словоизменяемых систем и некоторые его следствия для вычисления морфологической сложности» (Contrasting modes of representation for inflectional systems: Some implications for computing morphological complexity). Основная мысль главы заключается в том, что результат измерения морфологической сложности, основанного на некоем формальном представлении словоизменяемой системы, в очень большой степени зависит от выбранного способа представления. Способов же таких может быть много, и выбор самого подходящего далеко не всегда очевиден. Это чрезвычайно ценное наблюдение, важность которого невозможно преувеличить. Я совершенно согласен с авторами, что эта зависимость результата измерения от способа представления не всегда осознается исследователями в достаточной степени.

Стамп и Финкель иллюстрируют свое утверждение следующим образом. Они представляют словоизменяемые системы с помощью **карт** (они используют термин «plat», что в переводе с американского английского означает примерно ‘кадастровая карта’) — таблиц, в которых колонки представляют множества морфосинтаксических свойств (ММС), строки — словоизменяемые классы, а в клетках находятся экспоненты соответствующего ММС для соответствующего класса. Разумеется, составляя карту для данного языка, исследователь должен принять ряд решений (выбрать ММС, выбрать классы, выбрать способ представления экспонентов), которые влияют на итоговую картину.

Для 40 английских глаголов Стамп и Финкель составляют две карты: в одной экспоненты представлены в фонемной транскрипции, в другой — в морфофонемной транскрипции с добавлением границ морфов. Первая карта содержит формы, непосредственно доступные слуховому восприятию, поэтому авторы называют ее ориентированной на слушателя

(ОНС); вторая же отражает представления носителя языка о структуре слова, поэтому ее называют ориентированной на говорящего (ОНГ). См. различия двух карт на примере двух глаголов в таблице 1.

Существенно, что для данных глаголов можно, разумеется, составить не две, а сколько угодно карт, которые с точки зрения ориентации на говорящего или слушающего, скорее всего, составят континуум между двумя довольно радикальными картами, приведенными в главе 7.

Таблица 1

Две карты двух английских глаголов

Лексема	{инф}	{ЗедНастИзьяв}	{прош}	{настПрч}	{прошПрч}
Карта, ориентированная на слушающего					
BAND	ænd	ændz	ændəd	ændiŋ	ændəd
BUILD	ɪld	ɪldz	ɪlt	ɪldiŋ	ɪlt
Карта, ориентированная на говорящего					
BAND	ænd	ænd-z	ænd-d	ænd-iŋ	ænd-d
BUILD	ɪld	ɪld-z	ɪld-t	ɪld-iŋ	ɪld-t

Стамп и Финкель рассматривают несколько мер сложности: условную энтропию («неуверенность» в предсказании экспонента для ММС X на основании знания экспонента для ММС Y), свойства множеств основных частей (principal parts; множеств клеток, из которых можно вывести содержание остальных клеток), предсказуемость (predictability) словоизменительного класса, предсказуемость клетки и предсказательную силу (predictiveness) клетки. Они показывают, что карта ОНГ получает более низкие значения энтропии, более высокие значения предсказуемости и предсказательной силы и имеет меньше основных частей. Таким образом, карта ОНГ оказывается по всем предложенным мерам проще карты ОНС, главным образом потому, что в ней содержится грамматическая информация, отсутствующая в ОНС. Из этого, разумеется, не следует, что ОНГ лучше, а только лишь, что карты **разные**.

Очевидно, что можно критиковать выбранные авторами способы представления, предложенные меры, а также сам «картографический» подход. Неясно, например, как представить в картах случаи, которые Андерсон во второй главе приводит в качестве примеров сложности парадигмы: вариативность (в одной клетке более одной формы) или дефективность (в клетке нет формы, как в первом лице настоящего времени единственного числа глагола *победить*). Из главы не очевидно, насколько высока надежность вычислений (анализ карт и вычисления мер производились автоматически). Вероятно, ответы на эти вопросы можно получить из других работ авторов (например, [Stump, Finkel 2013]); программа-анализатор, кроме того, доступна свободно. Для основного пафоса главы, однако, все это не очень существенно, а с ним, повторюсь, невозможно не согласиться.

Восьмая глава называется «Вычислительная сложность абстрактивной морфологии» (Computational complexity of abstractive morphology, о переводе слова *abstractive* см. ниже) и написана Вито Пиррелли (Vito Pirrelli), Марчелло Ферро (Marcello Ferro) и Клаудией Марци (Claudia Marzi). Начинают авторы с противопоставления конструктивного (constructive) и абстрактивного (abstractive) подходов к морфологии. Мне неизвестно, существует ли устоявшийся перевод этих терминов на русский, поэтому я принимаю самое простое решение и заимствую их. Ярлыки «конструктивный» и «абстрактивный» вводятся в работе [Blevins 2006], но идея этого противопоставления гораздо старше.

При конструктивном подходе основными морфологическими строительными блоками являются корни и аффиксы. После того как носители выучивают, как выглядят части слов, они более не хранят в памяти полные формы, каждый раз порождая или анализируя их

заново. При абстрактивном подходе основной единицей являются именно полные формы, они хранятся в памяти, а освоение морфологии — это освоение отношений между этими формами, которое приводит к выделению «сублексических единиц».

Авторы описывают новый подвид нейронных сетей, способных обучаться морфологии. Глава 8 исключительно трудна для читателей, не имеющих серьезной подготовки в соответствующей области. Основная идея авторов заключается в том, что радикально абстрактивный подход, на который опираются их нейронные сети, дает им ряд преимуществ, которые и демонстрируются в главе. В заключение Пиррелли, Ферро и Марци отмечают, что нейронаука уже довольно много знает о «низкоуровневых» свойствах мозга, а лингвистика — о «высокоуровневых» свойствах языковых структур. Посередине — пропасть, которая затрудняет взаимодействие двух дисциплин. Компьютерные модели вроде рассмотренных в главе 8 — одна из возможностей заполнить эту «среднеуровневую» пропасть.

Девятая глава называется «Схемы синкретизма и парадигматическая сложность на примере древне- и среднеиндийского склонения» (Patterns of syncretism and paradigm complexity: The case of Old and Middle Indic declension). Ее автор Паоло Милицья (Paolo Milizia) рассматривает проявления гипотетического принципа компенсаторности, предложенного в свое время Вигго Брёндалем [Brøndal 1940]: в маркированной категории обычно меньше различий, чем в противопоставленных ей немаркированных. Классический пример — синкретизм падежей в дв. ч. имен в древних индоевропейских языках. Одно из возможных объяснений принципа компенсаторности — стремление избежать чрезмерно большого числа маркированных значений [Cairns 1986: 18]. Так, например, латинский аблатив совпадает во мн. ч. с дативом, потому что значение и падежа, и числа маркировано. Милицья задается резонным вопросом, в каком смысле маркированные значения могут быть аддитивны и в каком месте морфологической системы происходит их сложение. Он предполагает, что значения сами по себе складываться не могут, но тем менее маркированность можно считать аддитивной, если интерпретировать ее как частотность (по мнению автора, этот подход совместим, например, с критикой понятия маркированности Хаспельматом [Haspelmath 2006]). Тогда объяснение синкретизма состоит в том, что в морфологических системах есть тенденция избегать распределений частотности экспонентов, слишком удаленных от равномерного, поэтому клетки двух или более редких морфосинтаксических свойств могут получать общий экспонент. Остается, правда, непонятным, **зачем** языку стремиться к равномерным распределениям, какие преимущества из этого следуют.

Милицья вводит две меры, позволяющие квантифицировать степень удаленности реального распределения от равномерного. Одна — разность энтропий этих двух распределений: $D = \log_2 N - H(X)$, где X — рассматриваемое распределение, H — энтропия, N — количество экспонентов в равномерном распределении (его энтропия максимальна и равна логарифму N). Эта мера эквивалентна расстоянию Кульбака — Лейблера между распределениями. Другая мера — избыточность: $R = 1 - H(X)/\log_2 N$. При совпадении наблюдаемого распределения с равномерным обе меры равны нулю. Это любопытный взгляд: я, например, привык воспринимать энтропию именно как меру сложности (чем выше энтропия, тем выше неопределенность, непредсказуемость распределения, тем труднее оно для освоения и употребления), из чего следует, что изменения, приводящие к оптимизации системы (с точки зрения человека, изучающего язык), обычно будут приводить к уменьшению энтропии. Милицья же исходит из того, что система оптимальна при максимальном значении энтропии.

Далее Милицья на примере адъективного склонения на $-a/\bar{a}$ в древнеиндийском языке и языке пали (как синхронных наблюдений, так и диахронических сопоставлений) стремится показать, что синкретизм, возможно, возникает не случайно, а так, чтобы эффективно уменьшать D и R . Рассматриваемые парадигмы, по мнению автора, представляют собой контрпример к принципу компенсаторности в формулировке Брёндаля (потому что для женского рода во мн. ч. различается больше косвенных падежей, чем в ед. ч.), но не в новой формулировке в терминах частотности и теоретико-информационных свойств. Милицья также приводит примеры из латыни, старославянского и русского.

Милицья отмечает, что предполагаемая тенденция к равномерному распределению лишь один из факторов, влияющих на структуру парадигмы. Это совершенно разумное замечание, но оно приводит к существенному недостатку главы 9. Примеры, вписывающиеся в гипотезу автора, признаются подтверждающими ее, а не вписывающиеся объясняются влиянием других факторов: семантики, функциональных соображений, тенденции высокочастотных экспонентов быть короче, особого статуса женского рода в праиндоевропейском и т. п. Опять же, вполне может быть, что так и есть, но при таком подходе очень легко впасть в нефальсифицируемость. Чтобы убедительно обосновать гипотезу автора, нужен или более строгий количественный подход, показывающий, что влияние стремления к равномерности статистически достоверно (оно при этом может быть слабым), или строгий принцип обращения с контрпримерами и альтернативными объяснениями, а еще лучше — и то и другое. Учитывая, что и сама гипотеза представляется несколько надуманной, глава 9 выглядит довольно неубедительно. С другой стороны, эта глава в значительной степени представляет собой краткий пересказ книги автора [Milizia 2013], вероятно, там можно найти некоторые ответы на эти сомнения.

Любопытно, что меры Милицьи — единственные количественные меры в книге, которые можно отнести к классу корпусных (corpus-based), а не грамматических (grammar-based): они основаны не только на абстрактном представлении парадигмы, но и на реальных частотных распределениях. К корпусным данным эксплицитно обращаются также авторы пятой и шестой глав, но эти главы не позиционируются как количественные.

Учитывая ориентацию книги на парадигматическую сложность и общий довольно абстрактный (не путать с абстрактным!) подход к морфологии, доминирование грамматических мер неудивительно. В общем и целом я считаю более перспективными корпусные меры, но очевидно, что у них есть ряд своих неустраняемых недостатков, от которых свободны грамматические меры. Кроме того, корпусные меры, если в корпусе есть хоть какая-нибудь разметка, тоже опираются на грамматические модели, поэтому разработку «абстрактного грамматического понимания» языковой сложности можно только приветствовать.

Десятая глава, написанная Себастьяном Банком (Sebastian Bank) и Йохеном Троммером (Jochen Trommer), называется «Обучение и сложность нулевого выражения» (Learning and the complexity of Ø-marking) и посвящена автоматической сегментации слова на морфемы. Авторы фокусируются не на практических приложениях алгоритмов сегментации, а на их способности моделировать усвоение сегментации человеком и на теоретических выводах, которые из этого можно сделать (это не их эксплицитное заявление, а моя интерпретация главы).

Банк и Троммер замечают, что задача **стемминга** (выделения основ) решена уже довольно хорошо, но вот методы детального анализа аффиксальной строки (той части слова, которая остается после стемминга), то есть разделения ее на аффиксы, пока разработаны мало. В главе 10 авторы абстрагируются от несегментной и неконкатенативной морфологии, не рассматривают инфиксацию и случаи, когда порядок аффиксов друг относительно друга может варьировать (как в арчинском).

Авторы вводят четыре класса алгоритмов, способных обучаться сегментации. Все алгоритмы перебирают все возможные анализы (анализ состоит из разбиения аффиксальной строки на аффиксы и сопоставления аффиксов элементам значения) и выбирают тот, который наилучшим образом соответствует заданным критериям. Различаются алгоритмы тем, какие разбиения они способны перебирать. Для их описания нам понадобятся понятия свободного и связанного употребления аффикса. При свободном употреблении аффикс совпадает с аффиксальной строкой; при связанном употребляется как подстрока в аффиксальной строке. Например, употребление *-st* во втором лице единственного числа настоящего времени в таблице 2 — свободное, прошедшего времени — связанное, а у *-s* вообще нет свободных употреблений.

Алгоритм нулевого класса неспособен делить аффиксальную строку на отдельные аффиксы. Результат его работы для парадигмы *glauben* совпадал бы с таблицей 2. Алгоритм первого класса способен выделять в аффиксальной строке те аффиксы, у которых

встречаются свободные употребления. Для алгоритма второго класса ограничение слабее: он способен разбивать строку S на S_1+S_2 , если хотя бы одна из строк S_1 или S_2 имеет свободное употребление (S_1 и S_2 могут затем подвергаться дальнейшему разбиению). Алгоритм третьего класса не имеет никаких ограничений и способен перебирать все мыслимые разбиения.

Разумеется, чем больше номер класса, тем мощнее алгоритм: он способен делать все то же самое, что и алгоритмы классов с меньшими номерами, и еще кое-что. Но вместе с номером растет (причем взрывообразно) и размер пространства поиска — количество возможных разбиений и сопоставлений, которое алгоритму приходится перебирать. Поэтому авторы предполагают, что парадигмы, для успешного анализа которых необходимы алгоритмы классов 2 и 3, будут в языках мира встречаться редко.

Таблица 2

Результат стемминга немецкого глагола *glauben* ‘верить’¹

	Настоящее время		Прошедшее время	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>glaub-e</i>	<i>glaub-(e)n</i>	<i>glaub-te</i>	<i>glaub-ten</i>
2	<i>glaub-st</i>	<i>glaub-t</i>	<i>glaub-test</i>	<i>glaub-tet</i>
3	<i>glaub-t</i>	<i>glaub-(e)n</i>	<i>glaub-te</i>	<i>glaub-ten</i>

Далее Банк и Троммер задают критерии, по которым алгоритмы будут выбирать наилучший анализ. Очевидно, что далеко не всегда языковая реальность позволяет установить одно-однозначные соответствия между аффиксами и значениями, и столь же очевидно, что необходимые отклонения от одно-однозначного идеала будут выглядеть по-разному в зависимости от выбора анализа. Авторы показывают, что эти отклонения можно описать в привычных компьютерным лингвистам терминах «точности» (precision) и «полноты» (recall) и, более того, что морфологи фактически обычно пользуются эквивалентными критериями, только не столь формализованными и квантифицированными. Ранжирование критериев может быть устроено по-разному, в зависимости от того, на какую морфологическую теорию опираться (авторы стремятся к максимальной точности, что порой может приводить к не максимальной полноте).

Таблица 3

Сегментация *glauben* алгоритмом первого класса

	Настоящее время		Прошедшее время	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>glaub-e</i>	<i>glaub-n</i>	<i>glaub-te</i>	<i>glaub-te-n</i>
2	<i>glaub-st</i>	<i>glaub-t</i>	<i>glaub-te-st</i>	<i>glaub-te-t</i>
3	<i>glaub-t</i>	<i>glaub-n</i>	<i>glaub-te</i>	<i>glaub-te-n</i>

Затем авторы анализируют глагольные парадигмы нескольких языков с помощью алгоритмов разных классов. Для успешного анализа парадигмы *glauben*, например, достаточно алгоритма первого класса, см. разбиение в таблице 3 (в 1 и 3 л. мн. ч. наст. вр. отсутствует *-e*-, так как авторы практически абстрагируются от фонологических явлений, обучая алгоритмы с помощью глубинных представлений (сноска 3 на с. 187)) и соответствия аффиксов значениям:

$$te [+прош] \quad st [+2 +ед] \quad e [+1 +ед -прош]$$

$$n [-2 +мн] \quad t_1 [+2 +мн] \quad t_2 [+3 +ед -прош]$$

¹ Основы отделены от аффиксальных строк дефисами.

Это, отмечают авторы, примерно соответствует традиционному анализу немецкой глагольной парадигмы. Если к тому же глаголу применить алгоритм второго класса, то получится другой анализ, который тоже обсуждается в литературе [Müller 2005]. Отличие заключается в том, что этот алгоритм способен вычленив аффикс *-s-*, то есть *-st* во 2 л. ед. ч. обоих времен в таблице 3 распадается на *-s-t*. Тогда из множества соответствий исчезает *st*, но появляется *s* [+2 +ед], а значение *t*₁ изменяется на [+2]. Авторы оговаривают, что они не убеждены в том, что анализ Мюллера лучше традиционного, но тот факт, что алгоритмы разных классов выдают анализы, хорошо соответствующие тем, которые выдвигают разные лингвисты, им кажется примечательным.

Бывают, однако, языки, с которыми алгоритм первого класса не справляется: такова, например, глагольная парадигма суахили. Авторы находят только один случай, где необходим алгоритм третьего класса: глагольная парадигма ленакельского языка (австронезийская семья).

Ключевое лингвистическое наблюдение авторов состоит в том, что сложность сегментации парадигмы (номер необходимого класса) падает, если в ней встречается нулевое выражение. Так, например, в немецкой парадигме 1 и 3 л. ед. ч. прош. вр. выражаются нулем, что дает свободное употребление *te*, что, в свою очередь, упрощает дальнейшую сегментацию. Таким образом, хотя нулевое выражение в литературе часто рассматривается как источник сложности (см. ссылки на с. 187), оно может рассматриваться и как фактор, способствующий сегментации. Возможно, его столь широкое распространение в языках мира не случайно.

Банк и Троммер выдвигают гипотезы о том, что морфологические системы адаптируются к вычисляемости, избегая сложности третьего класса (полный перебор) и стремясь к сложности первого класса. Они проводят пилотную проверку на небольшой типологической выборке из 20 языков, рассматривая глагольные парадигмы (согласование с субъектом и маркеры времени, вида (аспекта) и модальности (наклонения), или TAM). Поскольку непосредственное вычисление сложности — задача исключительно трудоемкая, авторы рассматривают присутствие нулевого выражения. Так, второго класса может быть достаточно только в том случае, если хотя бы один маркер TAM или хотя бы один маркер согласования — нуль. Это выполняется для 19 языков (единственное исключение — уже упоминавшийся ленакельский). Первого класса может быть достаточно только в том случае, если есть хотя бы один нулевой маркер TAM и хотя бы один нулевой маркер согласования. Это выполняется для 11 языков.

На этом кончается **третья часть**, а с ней и книга.

Интересной неожиданностью для меня стала позиция редакторов-составителей (которую явно разделяет как минимум часть авторов) по отношению к вопросу: «Зачем изучать языковую сложность?». Вообще говоря, мыслимы разные ответы. Самый простой — незачем, это не нужно (я не встречал его эксплицитно в письменном виде, но слышал устно). Другой ответ — чтобы использовать параметр «сложность» для предсказания иных свойств языка. Например, для практических целей: оценивать, насколько трудно выучить данный иностранный язык. Успешных межъязыковых сравнений такого рода я не знаю, но сравнивать сложность текстов в пределах одного языка вполне возможно (о сравнении текстов на русском языке и о роли морфологии в оценке сложности см., например, [Reynolds 2016]).

В обзоре [Бердичевский 2012] я даю следующий ответ: понимание и измерение сложности интересны не столько сами по себе, сколько как часть некоей объяснительной теории. Там же я рассматриваю одну из самых влиятельных таких теорий (точнее, группу родственных теорий): сложность языка зависит от социальных параметров, в первую очередь от интенсивности контактов с носителями других языков. Чем выше в популяции доля тех, кто осваивает язык как неродной, тем выше вероятность, что морфологическая сложность будет падать.

Достоинство этой теории в том, что она позволяет отвечать на вопросы, которые редакторы сборника оставили открытыми, в первую очередь — почему языки имеют разную сложность. На вопрос Андерсона о том, почему же морфологическая сложность вообще

возникает в языке, существует два ответа (оба весьма гипотетические). Одна гипотеза гласит, что сложность — это груз нефункциональных «украшений», накапливаемых тысячами в результате более или менее случайных процессов, если социальные условия это позволяют [McWhorter 2001; Dahl 2004]. Другая — что сложная морфология «вредна» для взрослых, но является «полезной» для детей, способствуя усвоению ими языка [Lupyan, Dale 2010; Ellis 2008].

Редакторы сборника тоже, разумеется, знакомы с соответствующей литературой (это видно из обсуждения на с. 7). Тем не менее они сознательно воздерживаются от последнего шага и не встраивают сложность в объяснительные теории. Этот отказ от типологического и социолингвистического подхода к сложности роднит книгу с другим недавним сборником — «Измерение грамматической сложности» [Newmeyer, Preston 2014].

Тем не менее для меня остается не вполне ясным, зачем отдельно изучать сложность, если не пытаться ни объяснить ее распределение в языках мира, ни использовать сложность как фактор для предсказания каких-то иных свойств. Можно возразить, что сборник представляет шаг в этом направлении: прежде чем что-либо **объяснять** про сложность, следует сначала описать, осмыслить и измерить то разнообразие сложности, которое наблюдается в языках мира.

Выходя за рамки рецензии конкретного сборника, отмечу, что вопросами о том, почему же сложность языков различается и в каких случаях она может исчезать, Суррейская группа задается в своем следующем проекте «Утрата словоизменения» (Loss of inflection).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бердичевский 2012 — Бердичевский А. Языковая сложность (language complexity) // Вопросы языкознания. 2012. №5. С. 101—124. [Berdičevskij A. Language complexity. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 101—124.]
- Вахтин 2014 — Вахтин Н. Б. [Рец. на:] P. Trudgill. Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 301—309. [Vakhtin N. B. [Review of:] P. Trudgill. Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity. *Antropologičeskij forum*. 2014. No. 22. Pp. 301—309.]
- Люсина 2013 — Люсина В. С. [Рец. на:] M. Maiden, J. Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds.). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 135—141. [L'usina V. S. [Review of:] M. Maiden, J. Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds.). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 135—141.]
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Aronoff et al. 2010 — Aronoff M., Meir I., Padden C., Sandler W. The roots of linguistic organization in a new language. *The Emergence of protolanguage: Holophrasis vs compositionality*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 133—152.
- Blevins 2006 — Blevins J. Word-based morphology. *Journal of Linguistics*. 2006. No. 42. Pp. 531—573.
- Brøndal 1940 — Brøndal V. Compensation et variation, deux principes de linguistique générale. *Scientia*. 1940. No. 68. Pp. 101—109.
- Cairns 1986 — Cairns C. Word structure, markedness and applied linguistics. *Markedness. Proceedings of the Twelfth Annual Linguistics Symposium of the University of Wisconsin-Milwaukee*. New York: Plenum, 1986. Pp. 13—38.
- Dahl 2004 — Dahl Ö. *The growth and maintenance of linguistic complexity*. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Ellis 2008 — Ellis N. The dynamics of second language emergence: Cycles of language use, language change, and language acquisition. *The Modern Language Journal*. 2008. Vol. 92. No. 2. Pp. 232—249.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*. 2006. No. 42. Pp. 25—70.
- Lupyan, Dale 2010 — Lupyan G., Dale R. Language structure is partly determined by social structure. *PLoS ONE*. 2010. Vol. 5. No. 1. e8559.

-
- McWhorter 2001 — McWhorter J. The world's simplest grammars are creole grammars. *Linguistic Typology*. 2001. Vol. 5. No. 2—3. Pp. 125—166.
- Meir et al. 2010 — Meir I., Sandler W., Padden C., Aronoff M. Emerging sign languages. *Oxford handbook of deaf studies, language and education*. Vol. 2. Marschark M., Spencer P. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 267—280.
- Milizia 2013 — Milizia P. *L'equilibrio nella codifica morfologica*. Roma: Carocci, 2013.
- Müller 2005 — Müller G. *Subanalyse verbaler Flexionsmarker*. Leipzig: Universität Leipzig, 2005.
- Newmeyer, Preston 2014 — Newmeyer F., Preston L. (eds.). *Measuring grammatical complexity*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Reynolds 2016 — Reynolds R. Insights from Russian second language readability classification: Complexity-dependent training requirements, and feature evaluation of multiple categories. *Proceedings of the 11th Workshop on innovative use of NLP for building educational applications*. Association for Computational Linguistics, 2016. Pp. 289—300.
- Stump, Finkel 2013 — Stump G., Finkel R. *Morphological typology: From word to paradigm*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

M. Kortjevskaja-Tamm (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015. 934 + xii p. ISBN 9789027206886.

Елена Леонидовна Рудницкая

Elena L. Rudnitskaya

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031,
Российская Федерация; erudnitskaya@gmail.com

Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, 107031, Russian Federation;
erudnitskaya@gmail.com

Сборник, выпущенный под редакцией известного специалиста по лингвистической и лексической типологии, а также общей и когнитивной лингвистике, Марии Копчевской-Тамм, является результатом масштабного проекта по изучению концептуализации температуры и тепловых ощущений в языках мира¹. В сборнике делается попытка ответить на следующие вопросы: если считать, что температура и тепловые ощущения неразрывно связаны с жизнью человека и культурой, какие механизмы концептуализации соответствующих понятий существуют в языке; какие можно выявить универсальные концепты и закономерности употребления; какие морфосинтаксические конструкции используются для сообщения о температуре; каковы закономерности метафоризации значений, связанных с теплыми ощущениями?

Теоретическая основа данного проекта — лексическая типология, которая исследует концептуализацию разных понятий в неродственных языках (см. [Рахилина, Плунгян 2007; Резникова и др. 2008] и др.). Лексическая типология тесно связана с концепцией лексико-семантических универсалий, см. [Goddard 2001: 8], где слова со значениями ‘горячий’ и ‘холодный’ рассматриваются как кандидаты в набор универсальных лексических значений, являясь обозначениями базовых ощущений человека.

В рецензируемом сборнике поражает огромное количество собранного материала: по 17 языковым семьям в 28 статьях. Все авторы так или иначе используют анкеты и руководство по сбору материала [Kortjevskaya-Tamm 2007]. Таким образом, статьи сборника построены в большей степени единообразно; руководствуясь основными задачами, поставленными во введении (М. Копчевская-Тамм), и предварительными выводами (там же), читатель может оценить, какие аспекты концептуализации температуры более универсальны, а какие в большей степени зависят от культурного и языкового своеобразия того или иного языка, от климатических особенностей ареала его распространения.

Во введении Копчевская-Тамм рассматривает основные вопросы, связанные с концептуализацией температуры (основываясь на статьях [Kortjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006; Kortjevskaya-Tamm 2011] и др.). Это, во-первых, деление шкалы температуры на отрезки, обозначаемые разными словами: нижняя часть шкалы (‘холодный’), верхняя часть (‘горячий’), средняя часть (‘нейтральный’: *прохладный*). Во всех описанных языках присутствует разбиение шкалы хотя бы на две области (‘холодный’ и ‘горячий’). Понятия ‘горячий’ и ‘холодный’ можно отнести к универсальным, хотя они и не считаются семантическими примитивами. Этими двумя понятиями не ограничивается разбиение температурной шкалы на отрезки: довольно большое количество языков делит шкалу более мелко, т. е. вместо ‘горячий’ — ‘горячий’ и ‘очень горячий’ или ‘горячий’, ‘теплый’ и ‘прохладный’ и т. д.

Во-вторых, Копчевская-Тамм по критериям Ф. Планка [Plank 2003] предлагает в каждом языке выделять «базовые» температурные термины (наиболее употребительные, с ясным значением, морфологически простые, не заимствованные и др.). Также вслед за работой [Plank 2003] предлагается отдельно рассматривать три области употреблений,

¹ Информация о проекте доступна на сайте: http://temperature.ling.su.se/index.php/Main_Page.

обозначающих особые типы температурных ощущений: тактильные ощущения (tactile), температура окружающей среды (ambient) и личное ощущение температуры (personal-feeling). В тех языках, которые уже рассматривались до выхода сборника (русский, шведский, немецкий), все три типа ощущений выражаются разными синтаксическими конструкциями. Например, если тактильное восприятие чаще выражается предикативными или атрибутивными прилагательными (нем. *Die Steine sind kalt* (DEF.NOM.PL камень.NOM.PL быть.PRS.3PL **холодный**) ‘камни холодные’), то для указания на температуру окружающей среды и личное ощущение в европейских языках используется довольно ограниченно употребляющаяся и более частная безличная конструкция с формальным (*it, es* и т. д.) или нулевым подлежащим (нем. *In den Tälern ist es kalt* (в DEF.DAT.PL долина.DAT.PL быть.PRS.3sg оно.НОМ.ХОЛОДНЫЙ) ‘В долинах холодно’), ср. русск. *Было довольно холодно* с «категорией состояния» *холодно*. Для характеристики трех указанных видов ощущений с одинаковой температурной характеристикой могут использоваться разные лексические единицы, ср. *горячий камень* (выше нормы, тактильное восприятие) и *мне жарко*, а не **мне горячо* в качестве характеристики личного ощущения.

Проблема метафорических значений слов, выражающих тепловые ощущения, и систематизации типов возможных метафорических переходов тоже рассматривается в сборнике: метафорический переход составляет важный раздел лексической типологии, см. [Резникова и др. 2008; Рахилина 2008: 213—237]. Языки разных языковых групп демонстрируют крайне богатые и разнообразные наборы метафорических употреблений, которые нуждаются в дальнейшем изучении и систематизации. Наиболее универсальным для европейских языков оказывается метафорическое употребление ‘горячий’ для обозначения интенсивных положительных эмоций. Интересно, что антонимичное слово ‘холодный’ демонстрирует часто более широкий спектр переносных значений, далеко не всегда связанных с эмоциями (см. ниже).

Конкретные исследования языков в сборнике сгруппированы по географическому принципу, а не по генетическому. Представлены языки Африки: языки эве и ликпе группы ква, автор Феликс Амека; язык гурен группы гур, автор Самуэль Атинтоно; язык сэлэ группы ква, авторы Ивонн Агбетшоамедо и Франческа Ди Гарбо; язык гбайя (убангийский язык в семье нигеро-конго), автор Полет Рулон-Доко; язык волоф (в сравнении с французским), автор Лоик-Мишель Перрен; языки банту, гур, ква, манде, нильские языки, а также языки хауса (чадский), игбо, йоруба и кильба (бенуэ-конго), автор Генрике Фиршинг; языки Евразии: латышский, автор Нагалья Перкова; сербский в сравнении с английским, автор Катарина Расулич; украинский, автор Анна Кривенко; итальянский, автор Сильвия Лураги; греческий, автор Катерина Стафи; восточно-армянский, авторы Михаил Даниэль и Виктория Хуршудян; язык палила (дардский), авторы Генрик Лильегрен и Насим Хайдер; язык маратхи (индо-арийский), авторы Прашант Пардеши и Питер Эдвин Хук; финский, авторы Пяйви Йувонен и Ахти Никунласси; нганасанский, авторы Мария Брыкина и Валентин Гусев; халха-монгольский, автор Бенджамин Брозиг; языки лао и южно-чжуанский (тайские), а также южный пинхуа и кантонский (диалекты китайского языка), авторы Иларио де Соуза, Франсуа Лангелла и Н. Дж. Энфилд; японский, автор Мика Синдо; индонезийский, автор Поппи Сиахаан; языки Америки: западно-гренландский (эскимосско-алеутский), автор Юстин Саламон; язык оджибве (алгонкинский), авторы Хантер Локвуд и Сюзанн Вейдемо; юкатекский (майяский язык), автор Оливье Ле Гвен; мапудунгун (арауканский язык), автор Фернандо Цунига; хупды (макуанские языки), автор Пейшнс Эппс; языки Австралии и Океании: язык барди (семья ньюлньюл), авторы Клэр Бауэрн и Лора Клинт; ло-тога, мволтап, хив и др. (языки восточновануатской группы, южно-океанийская ветвь языков), автор Александр Франсуа; каmano и абу (папуасские языки), автор Антуанет Шэппер.

Как пишут некоторые авторы сборника, на состав и употребление слов, связанных с температурой, могут оказывать существенное влияние климатические условия, в которых живут носители того или иного языка, а также образ жизни и традиции того или иного народа.

Наиболее простым образом это выражается в количестве слов для обозначения горячих vs. холодных предметов или ощущений. Так, например, обстоит дело в западно-африканских языках эве и липке (с. 43—72, Ф. Амека), где имеется больше слов для обозначения разных степеней горячего (верхняя часть температурной шкалы), чем холодного (нижняя часть шкалы). В западно-гренландском языке (Дж. Саламон, с. 709) есть отдельные слова со значениями ‘холодный’ и ‘очень холодный’ для всех трех сфер употребления температурных терминов.

Важно заметить, что почти во всех жарких и холодных странах есть времена года, так что температура там колеблется от более высокой до более низкой. Так, в субтропическом климате, где живут носители языка барди (К. Бауэрн и Л. Клинг), температура колеблется от +15°C до +29°C (с. 817). В барди есть два слова со значением ‘холодный, холодно’ и одно со значением ‘жаркий, жарко’. В языках северных народов (финский, с. 491—536, П. Йувонен и А. Никунласси, или язык северной-западной части США и Канады оджибве (алгонкингский), с. 721—741, Х. Локвуд и С. Вейдемо) есть обозначение теплого времени года, так что слова ‘горячий’, ‘холодный’ и т. д. в каждом из этих языков определяются исходя из локальных климатических условий, особенно в сфере температуры окружающей среды. Во многих же языках ‘горячая’ зона дифференцируется более дробно, чем ‘холодная’ [Kortjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006: 262; Рахилина 2008: 221]. Это частично обусловлено зависимостью деления на температурные зоны от процедур нагревания еды и воды: слова, использующиеся в подобных ситуациях, чаще относятся к верхней части температурной шкалы.

Как правило, температурные ощущения концептуализуются исходя не из общей температурной шкалы (как на термометре), а из ощущений носителей языка [Kortjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006: 256—257]; см. также толкования *горячий, теплый, холодный* в работе [Рахилина 2008: 214, 219, 222], в которых исходной точкой для оценки служит температура тела или тактильные ощущения (части тела человека). С точки зрения жизнедеятельности человека во многих языках большую роль в концептуализации температурных ощущений играет температура воды, пищи, одежды и других вещей, связанных с обеспечением жизнедеятельности. Отдельный пункт по сочетаемости температурных терминов с водой есть в анкете [Kortjevskaya-Tamm 2007]; во многих языках, например в языке маратхи (с. 488, Г. Лильегрен и Н. Хайдер) или бауле (семья ква, с. 201, Г. Фиршинг), есть специальные прилагательные, которые употребляются только с названиями жидкости и еды (но не в других ситуациях тактильных ощущений) и обозначают верхнюю часть температурной шкалы (‘горячий’, ‘теплый’).

Среди всех языков, описания которых представлены в сборнике, регулярно прослеживаются три упомянутых контекста: тактильные ощущения, температура окружающей среды и личное ощущение температуры. Во многих языках для обозначения всех трех ситуаций используются предикативные (или, если они имеются, атрибутивные) прилагательные.

Противопоставление сферы тактильных ощущений остальным двум сферам распространено не только в европейских языках (см. выше), но гораздо шире. Так, в языке южный пинхуа (диалект китайского языка, с. 633, И. де Соуза, Ф. Лангелла и Н. Дж. Энфилд) для обозначения ‘горячего’ используются два разных слова в тактильной и нетактильной сферах употребления. В языке палила (дардский, с. 467, Г. Лильегрен и Н. Хайдер) температура окружающей среды и личные температурные ощущения объединяются, выражаясь существительными. Этим двум сферам противопоставляется сфера тактильных ощущений: они обозначаются прилагательными.

Интересно, что в некоторых языках, например в японском (М. Синдо, с. 655—657), конструкции для выражения личных температурных ощущений невозможны с подлежащим третьего лица (кроме вопросов). Подобные ограничения относятся к эгофорическим (*égophorique*), см. [Tournadre 1996], и связаны с категорией эвиденциальности. В некоторых языках для обозначения личных температурных ощущений используется другая лексема, чем в остальных сферах, например, для выражения ощущения ‘холодный’ в языке

абу (папуасский язык, с. 872, А. Шэппер). В халха-монгольском языке (с. 573, Б. Брозиг) тактильные ощущения и температура окружающей среды выражаются прилагательными, а личные температурные ощущения — глаголами.

Вопрос об универсальности небольшой группы базовых температурных терминов, которые должны выделяться во всех языках, исходя из материалов, собранных в сборнике, нельзя считать до конца решенным. Критерии работы [Plank 2003], о которых говорилось выше, нелегко применить к каждому отдельно взятому языку так, чтобы получилось несколько именно базовых температурных слов по этим критериям. Если Ф. Планк предлагает классифицировать системы базовых терминов на одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентные, то в результате исследования отдельных языков такая четкая классификация не всегда возможна.

Однокомпонентные системы найти не удалось. Довольно часто выделяются двухкомпонентные системы, например в языках сэлэ (Африка, с. 115, И. Агбетшоамедо и Ф. Ди Гарбо), игбо, кильба (Африка, с. 192, Г. Фиршинг) или хупды (Амазония, с. 799, П. Эппс).

Если рассматривать системы с большим количеством компонентов, они также встречаются, например, *kylmä* ‘холодный’, *lämmin* ‘теплый’, *kuuma* ‘горячий’ в финском (с. 504, П. Йувонен и А. Никунласси), а также во многих языках Евразии. Однако их выделение может быть сопряжено с проблемами разного рода. Так, в языке суахили (с. 201, 206, Г. Фиршинг) выделяются три базовых термина: *moto* (верхняя часть температурной шкалы), *joto* (верхняя часть шкалы), *baridi* (нижняя часть шкалы). Приходится вводить трех-, а не двухкомпонентную систему из-за того, что в разных контекстах используются разные температурные термины. Если *baridi* используется во всех трех контекстах (тактильные ощущения, температура окружающей среды, личные температурные ощущения), то *joto* используется для обозначения личных температурных ощущений и температуры окружающей среды, а *moto* — для выражения тактильных ощущений. В этом случае теряется соответствие возрастающего количества базовых терминов и более дробного деления температурной шкалы на отрезки (как это было бы естественно предполагать, как мы это видим в финском и как это подразумевалось Планком). В этом случае теоретическая значимость системного подхода к базовым температурным терминам снижается.

Приведем еще один пример тупиковой ситуации при решении задачи выделения базовых температурных терминов. Ф. К. Амека (язык эвэ, Африка, с. 49—50) пишет, что базовые температурные термины для верхней части шкалы *xɔ dzo* ‘заполнить огнем’ и *dze dzo* ‘контактировать с огнем’ (глагольные выражения) удовлетворяют всем основным признакам базового температурного термина по Планку (включая употребление во всех контекстах), кроме морфологической простоты (это, скорее, глагольные сочетания, чем отдельные слова). Морфологически простые формы *vé* ‘обжигающе горячий’, *fié* ‘кипящий’, *gblo* ‘теплый’ сочетаются только со словами, обозначающими воду. Таким образом, базовые температурные термины для верхней части шкалы нельзя выделить.

С аналогичными проблемами сталкиваются Х. Локвуд и С. Вейдемо при изучении языка оджибве. Понятия ‘горячий’, ‘теплый / нейтральный’ и ‘холодный’ в полисинтетической словоформе, состоящей из четырех позиций, могут выражаться префиксами и суффиксами. При этом есть несколько префиксов, соответствующих основным трем зонам температурной шкалы, и один суффикс *-ide* со значением ‘горячий’. Суффикс *-ide* употребляется только для передачи тактильных ощущений. Значение ‘горячий’ обязательно должно дублироваться, выражаясь и префиксом и суффиксом, при описании тактильных ощущений, связанных с жидкостью: **(gzh)-aagam*(-ide)* ‘горячий-жидкость-горячий.vii’ (тактильное ощущение, жидкость) vs. *misko-aabik-ide* ‘красный-металл-горячий.vii’ (тактильное ощущение, твердое вещество) vs. *gzh-Ø-ayaa* ‘горячий-Ø-чувствовать.vai’ (личные температурные ощущения)².

² vai и vii — обозначения для непереходных глаголов с одушевленным (A) и неодушевленным (I) субъектом.

Как пишут авторы (с. 736—737), во-первых, не очевидно, что критерий морфологической простоты, предложенный Планком, подходит для полисинтетического языка. Во-вторых, не очень понятно, как должны учитываться в системе критериев для базовых температурных терминов случаи обязательного дублирования, как в **(gzh)-aagam*(-ide)* ‘горячий-жидкость-горячий.вп’.

Об аналогичных и других проблемах, связанных с выделением базовых температурных терминов, пишет М. Копчевская-Тамм в предисловии к сборнику (с. 25—30). О них упоминается и в работах [Koptjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006] и [Koptjevskaja-Tamm 2011]. В конце последней статьи делается вывод, что выделение базовых терминов не представляет серьезной теоретической значимости или интереса.

В заключение рассмотрим описание метафорических употреблений температурных терминов, представленное в сборнике. Как пишет Копчевская-Тамм в предисловии, направление метафорического переноса часто бывает общим у генетически родственных языков. Так, в сербском и английском языках (с. 270 и далее, К. Расулич) или в греческом (с. 388, К. Стафи) слова со значением ‘горячий’ метафорически употребляются как обозначающие сильные эмоции или открытое проявление эмоций (‘горячая любовь’) и сопровождаются, скорее, положительной оценкой, а слова, обозначающие ‘холодный’, наоборот, в метафорическом употреблении обозначают отсутствие эмоций (‘холодный человек’) и часто несут отрицательную оценку. Аналогичная ситуация представлена в армянском языке (с. 408 и далее, М. Даниэль и В. Хуршудян). Если выйти за пределы индоевропейской языковой семьи, интересно, что некоторые языки оценивают ‘холодный’ положительно, а ‘горячий’ — отрицательно, ср. языки камамо и абу, в которых ‘холодный’ (в сочетании со словом ‘кровь’, см. ниже) обозначает ‘спокойный, беззлобный, дружелюбный, симпатичный’ (человек), а ‘горячий’ — ‘злобный, склонный к насилию, опасный для других’ (с. 880, А. Шэппер).

Довольно широко распространены некоторые метафорические переносы, не характерные для индоевропейских языков. В языке палила (дардском) ‘горячий’ в метафорическом употреблении обозначает высокую скорость или интенсивность действия, а ‘холодный’ — наоборот, замедление или низкую интенсивность действия (с. 465, Г. Лильегрен и Н. Хайдер). В неиндоевропейских языках, финском и индонезийском (с. 527—529, П. Йувонен и А. Никунласси; с. 686, 691, П. Сиахаан), похожее метафорическое употребление ((де)интенсификация действия, события, процесса) у ‘горячий’ и ‘холодный’ также засвидетельствовано, причем это употребление может иметь коннотацию увеличения и ослабления опасности, как и в языках камамо и абу.

В некоторых языках, например индонезийском, температурные термины выступают в метафорическом употреблении, связанном с эмоциями, в сочетании с названиями частей тела: букв. ‘горячий в печени’ обозначает ‘разозлившийся’, а букв. ‘холодный в печени’ — ‘бесчувственный’; нетерпение выражается как букв. ‘с горячими ягодицами’ (с. 685, 688, П. Сиахаан). Есть и нестандартные, характерные для отдельно взятых языков метафорические переносы. Так, в языке палила ‘горячий’ метафорически выражает силу (с. 465). Нестандартные лексикализованные метафорические употребления встречаются во многих языках, например, в камамо и абу ‘горячий’ может употребляться как существительное в значении ‘благословение’ (с. 882): букв. ‘моя горячесть’ → ‘мое благословение’. К сожалению, многие авторы не дают развернутой характеристики метафорических переносов температурных слов — это, возможно, связано с недостатком данных. Сбор данных по метафорическим переносам — очень трудоемкая и занимающая много времени работа и для лингвиста, и для носителя языка.

Кроме обычных метафорических переходов в языках Юго-Восточной, Южной Азии, Австралии, Океании и Южной Америки есть специальная сфера культурных концептов (гуморальная система в месоамериканской культуре), которые традиционно связываются с температурой. В юкатекском языке (с. 755 и далее, О. Ле Гвен) и в языке хупды (с. 808—809, П. Эппс) предметы традиционно делятся на ‘горячие’ (например, апельсин) и ‘холодные’ (например, соль). Люди с определенными способностями считаются ‘горячими’ или

«холодными», с этими же понятиями связаны правила быденной жизни и медицины. См. [Sharifian, Jamarani 2015] о похожей системе в персидском языке.

В целом сборник представляется очень информативным и построенным настолько четко, насколько позволяет данная тематика. Исследования значительного количества языков дают возможность сделать важные выводы, такие как эмпирическая обоснованность деления на три сферы употребления температурных терминов (тактильные ощущения, температура окружающей среды и личные температурные ощущения) или недостаточная обоснованность идеи выделения разных систем базовых температурных терминов. Некоторые аспекты освещаются в разных статьях сборника неравномерно: с одной стороны, этимология (основных) температурных слов, их характеристики, связанные со статистикой встречаемости в корпусах, с другой — их метафорические употребления. Кроме того, хотелось бы видеть больше материала по сравнению языков, хотя бы для языков одной языковой группы или одного региона, как в статье Г. Фиршинг по языкам Африки.

Сборник представляет несомненную теоретическую и эмпирическую ценность для теории семантических универсалий, лексикологии, лексической типологии и грамматики. Работа по сбору и систематизации материала, проделанная М. Копчевской-Тамм и авторами статей, вызывает большое уважение и интерес, и остается надеяться, что исследования в этом направлении будут продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetatnost'* [Cognitive analysis of object names: Semantics and combinability]. Moscow: Russkie Slovarei, 2008.]
- Рахилина, Плуноян 2007 — Рахилина Е. В., Плуноян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. В., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9—26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexical-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. V., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 9—26.]
- Резникова и др. 2008 — Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2008. № 4. С. 7—15. [Reznikova T. I., Bonch-Osmolovskaya A. A., Rakhilina E. V. Verbs of pain in the light of Construction grammar. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2008. No. 4. Pp. 7—15.]
- Goddard 2001 — Goddard C. Lexico-semantic universals: A critical overview. *Linguistic Typology*. 2001. Vol. 5. No. 1. Pp. 1—66.
- Koptjevskaya-Tamm 2007 — Koptjevskaya-Tamm M. *Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts: Version 1*. December 2007. Available at: <http://temperature.ling.su.se/images/7/7c/Guidelines.pdf>.
- Koptjevskaya-Tamm 2011 — Koptjevskaya-Tamm M. «It's boiling hot!» On the structure of the linguistic temperature domain across languages. Schmid S. D., Detges U., Gévaudan P. et al. (eds.). *Rahmen des Sprechens. Beiträge zur Valenztheorie, Varietätenlinguistik, Kognitiven und Historischen Semantik*. Tübingen: Narr, 2011. Pp. 379—396.
- Koptjevskaya-Tamm, Rakhilina 2006 — Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. «Some like it hot»: On the semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish. *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung)*. A special issue on lexicon in a typological and contrastive perspective. Leuschner T, Giannouloupoulou G. (eds.). 2006. Vol 59. No. 2. Pp. 253—269.
- Plank 2003 — Plank F. *Temperature talk: The basics*. Talk presented at the Workshop on lexical typology at the ALT conference, Calgary, September 2003.
- Sharifian, Jamarani 2015 — Sharifian F., Jamarani M. Conceptualizations of **damâ**, 'temperature' in Persian. A cultural linguistic study. *Cognitive Linguistic Studies*. 2015. Vol 2. No. 2. Pp. 239—256.
- Tournadre 1996 — Tournadre N. Comparaison des système médiatisés de quatre dialectes Tibétains (Tibetain Central, Ladakhi, Dzongkha et Amdo). *L'énonciation médiatisée*. Guentchéva Z. (éd.). Louvain; Paris: Peeters, 1996. Pp. 195—214.

E. O. Aboh. The emergence of hybrid grammars: Language contact and change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. xviii + 346 p. (Cambridge Approaches to Language Contact.) ISBN 978-0-521-76998-3.

Елена Всеволодовна Перехвальская

Elena V. Perehval'skaya

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; elenap96@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elenap96@yandex.ru

Среди многочисленных публикаций, посвященных контактному языку, выделяется новая книга Энока Або «Возникновение гибридной грамматики: языковые контакты и изменения»¹. Книга состоит из восьми глав: за Введением следует глава 2, посвященная внешней истории возникновения креольских языков Карибского бассейна. Глава 3 содержит критический анализ основных теорий происхождения креольских языков. В следующей главе 4 раскрывается теория «резервуара языковых черт», которая является базой для рассмотрения конкретных примеров (главы 5—7). Последняя глава 8 содержит теоретические выводы. Предисловие к книге написал известный креолист Салико Муфвене, автор теории резервуара языковых черт, в результате которой и написана эта книга.

Книга Або в некотором отношении подводит итоги более чем сорокалетнему периоду изучения пиджинов и креольских языков. Следует сказать, что в последнее время теоретические исследования в этой области «забуксовали», и новые теории являются версиями уже известных. Або сделал попытку найти оригинальные подходы к решению старых проблем. Так, он использует некоторые практики генеративной лингвистики, работая в рамках минималистского подхода. Сравнивая грамматику креольских языков с грамматическими системами языков субстрата и суперстрата, он рассматривает соответствующие глубинные структуры. Результаты, однако, служат лишь дополнительным доказательством выдвигаемых автором идей, но никак не решающим.

Або исходит из того, что языковые контакты являются одним из важнейших факторов изменения языка, и в своей книге стремится показать не только то, как возникают креольские языки, но и то, как происходят грамматические изменения в контактной ситуации в принципе. Або интересуется, прежде всего, языком индивида, потому что изменения возникают первоначально в языке конкретного говорящего, причем существует значительный временной промежуток между возникновением «изменения» в индивидуальном языке (I-language) и моментом, когда это изменение становится заметным на уровне коллектива говорящих (E-language)² [DeGraff 1999]. При этом Або оспаривает точку зрения, что эти изменения происходят вследствие несовершенного усвоения второго языка (second language acquisition, SLA). По его мнению, степень владения языками несущественна. «Языковой контакт» понимается им как сосуществование синтаксических и семантических единиц двух (или более) языков в голове одного и того же говорящего, то есть на индивидуальном уровне. Говорящий делает выбор между конкурирующими единицами, что и приводит впоследствии к изменениям в языке коллектива.

В заглавии книги автор использовал слово «гибридный», считая его нейтральным термином. С точки зрения Або, любой естественный язык является гибридным, поскольку

¹ Здесь и далее перевод наш.

² I-language — индивидуальный язык (Internal language); E-language — язык коллектива (External language).

каждый индивидуальный язык (I-language) обладает смесью языковых единиц (mix of features). Або является последователем теории «резервуара языковых единиц» («feature pool»), разработанной Саликоко Муфвене [Mufwene 2001; 2008]. В ситуации владения двумя языками (в том числе при изучении второго языка) говорящий обладает набором конкурирующих единиц, между которыми он должен сделать выбор. Это приводит к тому, что такой носитель систематически порождает гибридную ментальную грамматику.

Образование креольских языков рассматривается не как исключительный экстраординарный процесс, а как наглядный пример, который поможет прояснить более общие закономерности. Это происходит вследствие того, что известные нам креольские языки образовались недавно, и источники их «ингредиентов» не успели значительно измениться. Кроме того, в их образовании участвовали языки, далекие друг от друга как генетически, так и типологически.

Следует сразу отметить, что Або в своей книге несколько видоизменяет принятую терминологию. В стандартном варианте **пиджином** называется язык, не являющийся ни для кого родным (первым). **Креольский язык** появляется в процессе нативизации пиджина (он становится первым и, возможно, единственным языком коллектива). Для развитых пиджинов (например, для ток-писина), используется термин **«расширенный пиджин»**. В книге Або креольскими называются все контактные языки такого типа, независимо от того, имеются ли нативные носители у этого языка. Термин **«Pidgin»** обозначает у него тот тип языка, который в креолистике носит название **«Jargon»**, то есть примитивный контактный язык, служащий для очень узких коммуникативных целей.

Такое понимание терминов дает Або возможность постулировать образование креольских языков без необходимой стадии пиджина. Креольский язык у него возникает сразу без предварительных стадий. В моем изложении я буду в общем случае следовать терминологии Або.

В книге Энока Або переплетены два основных сюжета: 1) решается теоретический вопрос о путях возникновения креольских языков и 2) рассматриваются некоторые явления грамматики гаитянского (франко-креольский), сранана и сарамаккана (англо-креольские языки Суринама); явления этих языков скрупулезно сравниваются между собой, а также с материалом языков-лексификаторов и языком гунгбе (Бенин). На мой взгляд, второй сюжет значительно интереснее, в том числе и для решения теоретических задач.

Некоторые сомнения вызывает использование фактов языка гун, или гунгбе (родного языка Або), в качестве одного из основных языков субстрата. Вопрос о том, какие африканские языки оказались наиболее распространенными в Новом Свете, не прот. Работорговля велась на значительной части атлантического побережья Африки в течение нескольких сотен лет, при этом рабы отлавливались также в районах, далеких от морского побережья. Экономика нескольких африканских государств зиждилась на работорговле. Вследствие этого вряд ли можно указать на конкретный африканский язык или даже языковую группу как на единственный язык-субстрат.

Або использует данные гунгбе в своих теоретических построениях, и ему приходится доказывать, что именно этот язык был одним из основных, если не основным языком невольников на Гаити и в Суринаме. Установление конкретного языка субстрата необходимо Або, чтобы иметь реальный лингвистический материал при сравнении указанных языков. Доказательству того, что именно гунгбе сыграл существенную роль при формировании креольских языков Гаити и Суринама, посвящена большая историческая глава 2. Або подробнейшим образом описывает политико-экономическое положение царства Аллада, которое было расположено вблизи от Атлантического побережья (Гвинейский залив) на территории современной республики Бенин. По словам Або, в XVI—XVII вв. царство Аллада было одним из крупнейших государств Западной Африки, основу экономики которого составляла торговля рабами. По его мнению, до начала XVIII в. Аллада было одним из основных поставщиков рабочей силы на плантации Нового Света. Або приводит исторические данные, статистику, записки современников, подробно разбирает вопрос об этническом происхождении рабов, которыми торговало царство Аллада. Он приходит

к выводу, что на Гаити и в Суринаме значительную часть африканцев составили носители языков группы гбе (типологически близких), конкретно — представителей культуры народов аджа-тадо (Aja-Tado).

Або приводит классификацию языков гбе³, затем дает краткий очерк грамматики гунгбе (он сосредоточивается на порядке слов в предложениях различных типов, а также в ИГ). Предупреждая возражения, что язык субстрата мог измениться за несколько сотен лет, Або посвящает специальный пассаж «старому гбе», элементы которого известны благодаря миссионерским переводам священных книг, самый ранний из которых датируется серединой XVII в. Он демонстрирует, что основной словарь гбе сохранился, как и основные грамматические характеристики. В дальнейшем язык гунгбе фигурирует в книге в качестве языка субстрата.

В главе 3 проводится критический разбор основных теорий возникновения креольских языков. Сперва Або рассматривает теорию «поэтапного удаления от языка лексификатора» Р. Шоденсона (см., например, [Chaudenson 2001]). Согласно этой теории, креольский язык представляет собой девиантный вариант языка-лексификатора, возникший в результате нескольких этапов «удаления» от языка-суперстрата. В качестве исходной точки для развития франко-креольских языков Шоденсон постулирует «нулевой французский» (*français zéro*), который включает все варианты французского, реально используемые нативными носителями. Этот «нулевой французский» был «приблизительно» усвоен рабами на плантациях, затем новые невольники «приблизительно» усваивали «приблизительный» вариант и так далее. Главные опорные точки этой теории: а) языки субстрата не играли существенной роли в формировании нового языка, б) основным процессом было усвоение второго языка взрослыми. Шоденсон утверждает, что в креольских языках не может быть черт, которые не допускались бы языком-суперстратом (*The principle of superstrate as gatekeeper*), и что в креольских языках закрепляются только черты, оказавшиеся сходными в языке-суперстрате и в языках-субстратах (*The principle of congruence*). Последний принцип нужен Шоденсону, чтобы объяснить, почему креольские языки с одним и тем же лексификатором все же разные. В подтверждение своей теории Шоденсон приводит распределение указательных местоимений, артикля и показателя множественности в ИГ разных креольских языков. Або подвергает сомнению обе исходные идеи и на конкретных примерах опровергает утверждения Шоденсона, показывая, что далеко не все явления во франко-креольских языках можно свести к французскому, даже понимаемому максимально широко. Таковы, например, конструкции с фокализацией глагола путем его удвоения. Во французском языке невозможны конструкции типа *C'est volé Bokassa a volé l'argent de l'État* 'Бокасса украл государственные деньги', в то время как такие конструкции обычны для языка гунгбе. В данном предложении объединены элементы французской выделительной конструкции (*c'est...*) и конструкции фокализации с удвоением глагола, характерные для языков гбе.

Возвращаясь к строению ИГ во франко-креольских языках, Або замечает, что происхождение постпозитивного показателя множественности *yo* в креольских языках Гаити и Гайаны трудно объяснить, обращаясь лишь к языку-суперстрату. Этот показатель совпадает по форме с местоимением 3 л. мн. ч. *yo* 'они' и стоит после постпозитивного артикля *la (a)*: гаит. XVIII в. *sé mésié là yo* 'эти господа'. Шоденсон и другие последователи теории суперстрата возводят этот показатель к франц. *eux* 'они' (независимая или ударная форма). Речь идет о конструкциях типа *Tous ces prêtres juifs-là, eux complotèrent...* 'Все эти иудейские священнослужители, они устроили заговор...'. Как указывает Або, таким образом можно объяснить появление показателя в субъектной, но не в объектной позиции, ср. гаит. XVIII в.:

³ Замечу, что Клер Лефевр считает основным языком субстрата для гаитянского креола язык фон [Lefebvre 1998], ближайший родственник языка гунгбе, а Сюзан Сильвен утверждала, что гаитянский — это «язык эве с французской лексикой» [Sylvain 1936]. Эве весьма близок к гунгбе и фон, так что в отношении определения языка-субстрата мнения этих ученых, можно считать, совпадают с мнением Або.

Mo voir zhomme la yo ‘Я видел этих людей’. С синтаксической точки зрения местоимение *eux* в примере *eux complotèrent*, является полноценной ИГ (в отличие от *ils complotèrent*) и субъектом клаузы. Ее превращение в грамматический показатель маловероятно. Но даже если представить себе, что показатель множественности *yo* действительно восходит к ударному местоимению мн. ч. *eux*, это все же не обычная стратегия, возникающая при овладении французским как вторым языком. К тому же в других франко-креольских языках показатели множественности являются препозитивными и имеют иную этимологию (в маврикийском, например, это показатель *ban* из франц. *bande* ‘группа’).

Таким образом, теории, рассматривающие образование креольского языка как поэтапное удаление от языка-лексификатора и игнорирующие влияние языков субстрата на формирование креольского языка, не могут объяснить многих языковых фактов.

Далее Або переходит к рассмотрению «зеркальных» теорий, абсолютизирующих на этот раз роль языков субстрата при креолизации. Одной из наиболее популярных является теория релексификации Клер Лефевр [Lefebvre 1998], согласно которой грамматики будущих креольских языков полностью определялись грамматическими структурами африканских языков, на которых говорили невольники. По мнению Лефевр, «создатели креольского языка, взрослые носители субстратных языков», используя лексику французского языка, интерпретировали ее с точки зрения правил грамматики, семантических структур, парадигматических особенностей их родного языка. От языка-лексификатора передается только фонологическая репрезентация «слов» (phonetic strings). Абстрактное же «содержание» лексической единицы восходит к другому языку, родному языку говорящего. Примером может быть последовательность элементов ИГ в гаитянском и гунгбе:

- (1) а. ГАИТЯНСКИЙ
krab mwen sa a yo
 б. ГУНГБЕ
àgásá cè éhè ló lé
 краб 1SG-POSS DEM DET PL
 ‘эти вот мои крабы’

Французский язык демонстрирует иную последовательность, и при этом некоторые элементы исключают друг друга. Постпозитивный артикль является прагматическим средством в гаитянском, как и в гунгбе, и указывает на известную информацию; в противном случае используется существительное без артикля. Пример (1) легко объясним в рамках теории релексификации.

Существуют, однако, возражения и против данной теории. Термин «релексификация» ввел в научный обиход Петер Мэйскин [Muysken 1981], использовавший его применительно к контактному языку *Media Lengua*, появившемуся в двуязычном сообществе, где все говорили на кечуа и по-испански. В этом коренится принципиальное различие ситуации создания *Media Lengua* и креольского языка на плантации. Сопоставление «абстрактных свойств» (значений, употреблений, коннотаций, полисемии и т. п.) лексических единиц двух языков — это ментальный процесс, для осуществления которого нужно иметь неплохое знание обоих языков. Однако у Лефевр релексификация — это результат недостаточного или неудачного усвоения целевого языка: невольники не имели доступа к абстрактным свойствам лексических единиц и смогли заимствовать лишь «фонетические цепочки». То есть африканцы не смогли стать двуязычными и владеть как африканским, так и «колонизальным» языком. Тогда становится непонятным, как вообще могла произойти релексификация, поскольку для этого нужно понимать, что определенная «фонетическая цепочка» языка-лексификатора подходит для заполнения синтаксической ячейки африканского языка. Вряд ли это возможно без определенного понимания «абстрактных свойств» данной фонетической цепочки (ее значения и т. п.). Если говорящие способны поставить в соответствие две лексические единицы разных языков, следовательно они владеют этими языками в достаточной мере, указывает Або.

К тому же далеко не все структуры креольских языков соответствуют структурам языка-субстрата. Например, в гаитянском некоторые прилагательные употребляются в препозиции к существительному: гаит. *ñu gro gato* 'ART.INDEF большой пирог'; в гунгбе такого рода исключения отсутствуют. Эта черта была заимствована из французского языка. Почему те же говорящие, которые копировали субстратный порядок следования элементов в (1), в данном случае последовали за суперстратом? Если бы релексификация была единственным работающим процессом, то подобных примеров бы не было.

Как неоднократно указывалось, коренным противоречием теории релексификации является то, что она предполагает достаточно хорошее владение языком-лексификатором. Або делает вывод о том, что случаи, сходные с релексификацией, безусловно имели место, но она не была единственным или даже главным механизмом образования креольского языка.

В отличие от теорий, возводящих черты креольских языков к чертам одного из контактирующих идиомов (субстрату или суперстрату), в рамках генеративного подхода образование креольских языков объясняется как проявление **врожденной языковой способности** человека. Наиболее известной является теория языковой биопрограммы, выдвинутая Дерекком Бикертоном (см., например, [Bickerton 1981]). Возникновение креольского языка объявляется следствием разрыва языковой передачи, в результате чего дети-креолы оказываются в ситуации лингвистического и культурного хаоса. Не имея доступа к целевому языку, они из языковых обломков, которые представляет для них «input», используя врожденный «языковой инстинкт», создают полноценный язык. Новый язык создается на протяжении жизни одного поколения. Прослеживаются две стадии: 1) стадия пиджина, когда в отсутствие языка-посредника сообщество невольников вырабатывает «смешанный жаргон»; 2) стадия креольского языка, когда дети, воспринимая пиджин в качестве первого языка, организуют его в соответствии с лингвистической «биопрограммой».

Эта теория предполагает стадию полного разложения языка в качестве обязательного условия. Бикертон предположил, что существует особый вид лингвистической деятельности, характерный для четырех типов говорящих: обученных человекообразных обезьян; детей до двух лет; взрослых, лишенных языка в раннем возрасте; говорящих на пиджине. Дети-креолы создают язык, как когда-то их предки-гоминиды. При этом получившиеся креольские языки оказываются «проще», чем «более старые» языки. Для Бикертона креольские языки — прямой продукт врожденной человеческой способности к языку. С этой точки зрения он рассматривает сходные черты этих языков, а именно: а) строгий порядок SVO; б) отсутствие словоизменительной морфологии и наличие трех морфем, кодирующих время, модальность и аспект в строгой последовательности $T > M > A$; в) почти полное отсутствие предлогов и употребление вместо них сериальных глаголов; г) отсутствие специализированных вопросительных слов; д) употребление числительного 'один' как показателя неопределенности и развитие показателя определенности из демонстратива; е) использование местоимения 3 л. мн. ч. как показателя множественности. Не все, но многие общие черты Бикертон возводит к действию биопрограммы, среди них отсутствие вопросительных слов, порядок следования показателей $T > M > A$.

Теория Бикертона неоднократно подвергалась критике. Критиковалось его разделение морфем на базовые и не-базовые: а) не-базовые морфемы, будучи утраченными, не восстанавливаются (большинство предлогов, словообразовательная морфология); б) базовые морфемы, даже будучи утраченными, восстанавливаются (ТМА, локативные адлоги, артикли). Базовые морфемы — это минимальный грамматический набор, необходимый для функционирования языка.

Або замечает, что в категорию не-базовых попали те морфемы, которые чаще всего отсутствуют в креольских языках, следовательно языки, где они отсутствуют, являются креольскими. Объяснение становится круговым. К тому же есть большое количество языков, где присутствуют не все «базовые» морфемы, например артикли. Если существует набор обязательных морфем, которые «восстанавливаются», почему же этого не происходит во многих

«более старых» языках? В соответствии с биопрограммой Бикертона, мы бы ожидали, что, начиная говорить по-китайски (или по-русски), маленькие дети формируют и используют артикли, которые затем исчезают под давлением норм и правил родного языка; что сначала в речи детей появляются отдельные глагольные показатели, отвечающие за ТМА, которые затем заменяются на сложную непрозрачную систему глагола (например, в русском языке).

И наконец, теория биопрограммы оказалась неспособной объяснить различные стратегии построения ИГ в креольских языках.

По мнению Або, все рассмотренные теории объединяет представление о том, что в формировании креольских языков определенную роль сыграли стратегии освоения второго языка взрослыми. В теории Инго Плага [Plag 2008] эта идея становится основной: креольские языки объявляются «окаменевшими» интерязыками на ранней стадии усвоения⁴. Исследования показали, что определенный процент тех, кто овладевает вторым языком без специального обучения, останавливается на «редуцированном упрощенном варианте», который удовлетворяет их коммуникативные нужды. Такие варианты, в соответствии с теорией Плага, и стали основой креольских языков. Интерязыки, как он утверждает, проходят следующие стадии: 1) однословные высказывания; 2) простые предложения типа NVN или NNV; 3) появление связей внутри клаузы: согласование элементов ИГ; 4) согласование между существительным и глаголом; 5) появление сложноподчиненных предложений. Так как креольские языки не имеют словоизменительной морфологии и, следовательно, согласования, они восходят к интерязыкам одной из ранних стадий (2-й).

Поскольку интерязык — это, по существу, идиолект, а креольский язык — это язык коллектива носителей, возникает определенная неувязка. Плаг предполагает, что все африканцы усваивали целевой язык сходным образом и одновременно вырабатывали интерязыки одного типа. Это представляется маловероятным. Африканцы были людьми разного возраста и с разной лингвистической историей, они прибывали из разных мест и в разное время и не были «группой, одновременно марширующей к цели». Або считает, что трудно представить себе сценарий, по которому такой гетерогенный коллектив остановился бы на одной и той же стадии усвоения целевого языка. Индивидуальные интерязыки представляют собой изменяющиеся неустойчивые системы, их трудно сравнивать и сводить к одному знаменателю, как это делается с языком коллектива (хотя он и варьируется от говорящего к говорящему). Кроме того, как указывает Або, у работающих на плантациях не было полноценного доступа к целевому языку, следовательно в построениях Плага исчезает «цель», а в ее отсутствие говорить об «интерязыках» не имеет смысла.

Итак, рассмотренные теории при всех их различиях объединяет представление о том, что креольские языки — результат неудачи в овладении целевым языком вследствие разных причин. Каждая из теорий стремится объяснить возникновение креольской языковой системы, взятой в целом, при этом упуская важные детали. Эти детали могут указать на то, как комбинировались разные «ингредиенты» контактирующих языков, сливаясь в единую грамматическую систему.

В подтверждение Энок Або подробно пересказывает историю креольского языка о. Питкерн [Sebba 1997]. В 1790 г. после бунта на корабле Баунти часть бунтовщиков оказалась на о. Питкерн. Основателями колонии были 9 матросов-бунтовщиков и 19 полинезийцев (6 мужчин, 12 женщин и один ребенок). Матросы были разного происхождения: 4 англичанина, 2 шотландца, один американец, один уроженец о. Гернси (Ла-Манш) и один выходец с о. Сен-Киттс в Карибском море — то есть английский язык был представлен пятью различными вариантами. Полинезийцы говорили на одном из полинезийских языков. Англоговорящая группа была, надо полагать, социально доминирующей, однако на острове

⁴ Интерязык — неустойчивая языковая система, которую вырабатывает овладевающий вторым языком: в зависимости от степени приближения к целевому языку можно говорить о вариантах интерязыков. Изучающий может так и не достичь стадии полного овладения целевым языком, а остановиться на одном из интерязыков.

площадью 5 кв. км обе группы должны были находиться в тесном контакте, осваивая новую территорию. Полинезийцы имели доступ к английскому койне и могли бы заговорить на нем, однако возник креольский язык. Через 10 лет, в 1800 г. на острове оставался один мужчина (Джон Адамс), 6 женщин и 23 ребенка. Женщины могли бы вернуться к родному языку, но этого не произошло — на Питкерне сохранился только креольский язык. Возникает два вопроса: 1) почему полинезийцы не овладели английским языком, хотя у них был к нему доступ, и 2) почему полинезийцы не вернулись к родному языку, оставшись в большинстве?

В главе «Конкуренция и выбор» (Competition and selection) Або излагает теорию «резервуара языковых единиц», выдвинутую Муфвене, и с этой точки зрения объясняет происхождение креольских языков, в том числе на Питкерне, предлагая ответы на обозначенные вопросы.

Теория Муфвене использует «биологическую метафору»: языковые единицы представляются в виде «генов», которые обычно упорядочены в виде ДНК (т. е. грамматической системы). При языковом контакте образуется «резервуар» таких единиц, которые конкурируют между собой, а говорящий делает выбор между ними. Так образуется идиолект конкретного говорящего, который затем влияет на формирование языка коллектива. Если многие рассмотренные выше теории происхождения креольских языков частично основывались на механизмах стратегий SLA, теория Муфвене обращается к механизмам взаимовлияния языков в условиях билингвизма. Або пишет об этом на с. 132: «Роль родившихся в колонии двуязычных носителей регулярно недооценивалась в предыдущих рассмотрениях возникновения креольских языков».

Або делает их основной движущей силой. Для того чтобы такое объяснение имело силу, Або посвящает значительную часть главы доказательству того, что на плантациях возникла ситуация билингвизма, то есть сосуществования двух (или более) языков, которыми говорящие владели в достаточной степени. По мнению Або, африканские языки — на Гаити и в Суринаме это гбе и киконго — продолжали употребляться в течение длительного времени (нескольких поколений), и африканцы овладевали и языками друг друга, что пополнило резервуар языковых черт. Або отрицает существование этапа, когда «не существовало общего средства коммуникации», и африканцы были бы вынуждены говорить **между собой** на недоученном языке плантаторов. Плантаторы, в свою очередь, вырабатывают «местный вариант европейского языка»; Або даже намекает на возможность того, что белые сами были заинтересованы в изучении африканских языков (с. 125), что мне представляется совершенно невероятным.

И тут в лингвистической картине, которую рисует Або, появляется креольский язык — «как язык-посредник между сообществами» (as a mediation language between communities) (с. 125). Далее следуют рассуждения о том, почему этот язык оказался удобным для обеих коммуницирующих сторон. Або считает, что он вытеснил африканские языки по тем же причинам, по которым повсеместно исчезают малые языки, то есть был социально более престижным.

Отличием позиции Або (тут он снова следует Муфвене) является категорическое отрицание стадии пиджина (pidgin-like stage) (с. 127—130). В качестве примера он приводит ситуацию в конце XVIII в. на Ямайке, где «белые креолы и африканцы говорили на креольском языке с рождения или **как на втором языке**» (полужирный шрифт мой. — *Е. П.*). Або терминологически не различает креольский как единственный язык индивида и пиджин, у которого нет нативных носителей. Термин «пиджин» у него носит пейоративный характер. Отрицая стадию «разложения» языка, Або приближается к теории поэтапного удаления Шоденсона. Чтобы избежать этого, он обращается к метафоре «язык = биологический вид», принадлежащей Муфвене, и рассуждает об «экологии языка» (т. е. о социолингвистической ситуации), необходимой для выживания вида (языка). Далее следуют рассуждения о генотипе, фенотипе и ДНК. Создание новых последовательностей языковых единиц называется мутацией. Або цитирует Муфвене, который, сравнивая креолизацию и образование романских языков под влиянием субстрата, утверждает, что победа латыни над

языками субстрата была «пирровой победой» (с. 134), поскольку язык оказался полностью перестроенным. Так же и при образовании креольского языка происходит рекомбинация единиц, полученных из обоих языков-доноров. В качестве конкретного примера Або приводит спектр значений глагола *nyan* 'есть' в сарамаккане — он оказывается сходным со значениями глагола *dù* 'есть' в гунгбе и т. п.

В заключение делается вывод: креольские языки — лингвистические гибриды. Они возникли путем рекомбинации языковых черт разных языков.

В дальнейших главах рассматривается конкретный языковой материал. Глава 5 посвящена системам именной детерминации. Производится детальный анализ систем креольских языков (гаитянского и двух англо-креольских языков Суринама), а также систем языков-источников: английского и французского, с одной стороны, и гунгбе, с другой. Автор начинает со сравнения употреблений артикля в гаитянском, французском и гунгбе и показывает, что, в отличие от французского, в гаитянском и гунгбе артикль выражает не определенность, а специфичность. Поэтому артикль может сочетаться с указательными и притяжательными местоимениями, а также выражает специфичную неопределенность. Гунгбе и гаитянский используют формы существительных без артикля. Сранан и сарамаккан также обладают показателями специфичности, и их употребление сходно с употреблением соответствующих показателей в гаитянском и гунгбе, хотя линейный синтаксис оказывается английским. Або сводит данные в таблицу, где представлены наличие и материальное выражение показателей специфичности, определенности и множественности во всех рассматриваемых языках. Делается вывод: креольские языки и гунгбе обладают показателями специфичности, употребление которых диктуется информационной структурой предложения, во французском и английском показатели определенности жестко подчинены синтаксической структуре. Вследствие этого креольские языки, обладающие жестким порядком следования элементов предложения и ГГ, допускают вариативность в отношении детерминантов внутри ИГ.

Далее рассматривается позиция данных показателей внутри ИГ. Материал представлен в виде таблицы, где сравниваются данные по всем шести языкам. Интересно, что разброс велик как между языками-донорами, так и между франко- и англо-креольскими языками. Або показывает, что из «резервуара» может быть выбрана любая языковая единица (feature), как материальная последовательность, так и функция. Другими словами, из языка-донора может перейти **значение**, которое будет передаваться **формой**, пришедшей из другого языка. При этом синтаксическое и семантическое поведение такой единицы может оказаться «гибридным». Так, показатель специфичности в сранане взял из языка-субстрата функцию, а синтаксическое поведение следует модели английского языка.

Глава 6 посвящена появлению сложных клауз в креольских языках: формированию левой периферии. Або рассматривает устройство зависимых предикаций в креольских языках, конкретно — в предикациях, вводимых союзом / предлогом *fi* в сарамаккане. *Fi* может вводить как зависимую предикацию, так и косвенный объект, покрывая область значений, которую в английском языке имеют *to* и *for*. Союз *fi* вводит зависимую предикацию, маркирует генитив, косвенный объект и выражает модальность. Из обзора литературы видно, что статус *fi* в сарамаккане неоднократно был предметом споров, поскольку набор его значений не выводим из английского. Або обращается к языкам гбе, показывая, что союз *ni* в гунгбе имеет сходный набор значений. Проведя тщательный анализ данных, автор приходит к выводу о том, что употребление *fi* в сарамаккане и других англо-креольских языках Карибии не копирует употребление соответствующих единиц ни в английском, ни в гунгбе, а является сложной рекомбинацией особенностей английских союзов и сходных по значению единиц гунгбе. Сходную картину демонстрирует и гаитянский: здесь имеется союз *roui*, который употребляется в конструкциях, где французский язык использует союзы / предлоги *pour* и *que*.

Важным выводом, к которому приходит Або, является то, что креольские языки вслед за языками гбе стремятся к эксплицитному выражению информационной структуры (это было уже показано на примере артиклей, глава 5). Так, сарамаккан допускает вынос влево

элементов, являющихся топиком или фокусом, в том числе и в зависимых клаузах. В английском языке это возможно лишь в главной клаузе.

Сарамаккан, как и языки гбе, обладает постпозитивным фокусным показателем. Общий вопрос строится при помощи частицы, занимающей конечную позицию в предложении. Обобщая, можно сказать, что сарамаккан, как и языки гбе, использует большое количество дискурсивных маркеров (указывающих на топик, фокус, вопрос). Многие из них имеют достаточно причудливое синтаксическое поведение, которое во многом оказывается сходным в креольских языках и в гунгбе.

Другим способом выражения информационной структуры являются вынесение влево предиката или его дублирование. Вынесение влево может сопровождаться номинализацией глагола. В конструкциях с вынесением предиката обнаруживается несходство между двумя близкими языками — срананом и сарамакканом: в сранане, как и в других креольских языках, элемент, вынесенный влево, маркируется препозитивным фокусным показателем, ср. гаит. *Se Poutin ki prezidan Risi* 'Президентом России является Путин'.

Таким образом, левая периферия в креольских языках комбинирует синтаксические черты языков гбе главным образом в том, что касается выражения информационной структуры.

Глава 7 посвящена сериальным конструкциям в креольских языках. Они характерны лишь для некоторых лингвистических ареалов. Або предполагает, что эти конструкции появились в креольских языках в том числе и потому, что эти языки менее флективны, чем их языки-суперстраты. Он приводит таблицу, где сравниваются черты глагольной морфологии в пяти языках: гаитянском, сарамаккане, английском, французском и гунгбе. Таблица демонстрирует, что в креольских языках и гунгбе имеются многие черты, которые отсутствуют в суперстратах, и наоборот. Многие показатели в креольских и гунгбе восходят к глаголам. Эти особенности способствовали появлению в данных языках сериальных конструкций, но это не доказывает, что эти конструкции появились в креольских языках под влиянием субстрата. Важно другое — в сериальных конструкциях задействованы не любые глаголы, напротив, глаголы одного типа могут сочетаться с глаголами другого определенного типа; так, в гунгбе имеется последовательность 'воровать-смотреть', но нет последовательности 'воровать-видеть'. В креольских языках глаголы движения сочетаются с глаголами, указывающими направление или способ движения, а также глаголами передачи. В этом отношении они отличаются от гунгбе, где нет таких ограничений. Сериальные конструкции креольских языков не копируют структуры гунгбе. К тому же в языках суперстрата также имеются сериальные конструкции типа франц. *aller chercher*. Можно считать, что гаитянский, заимствовав отдельные черты сериализации у французского и гунгбе, создал особые конструкции, не сходные ни с субстратом, ни с суперстратом. Тщательно проанализировав языковые данные, Або приходит к выводу, что сериальные конструкции в креольских языках возникли не под влиянием субстрата, а являются следствием действия правил универсальной грамматики и возникли в ходе конкуренции и выбора в «резервуаре языковых единиц».

В последней главе Або подводит итоги своего исследования. Он утверждает, что продемонстрированные механизмы образования «гибридных» грамматических систем не являются прерогативой креольских языков. Сходные процессы происходят при любых языковых контактах и могут затрагивать любые стороны языковой системы, правда, в разной степени. Рекомбинация лингвистических черт приводит к появлению новых синтаксических и семантических явлений, не похожих на черты контактирующих языков. Гибридизация происходит сначала на индивидуальном уровне, что может привести к изменению на уровне языка популяции.

Исследование Або демонстрирует также тот факт, что креольские языки, вопреки часто высказывающимся мнениям, не являются более простыми, чем языки с «обычной» историей. Нет смысла выделять их в особый языковой тип, ведь каждый идиолект любого языка является результатом выбора между конкурирующими единицами, будь то разные языки или разные диалекты (территориальные или социальные), функциональные стили и т. п.

Лексема рассматривается как единство трех компонентов: фонологического, морфосинтаксического и семантического: каждый из них представляет собой независимую «языковую единицу». При языковом контакте возникают конкурирующие единицы, между которыми говорящий делает выбор. Возникает вопрос, существует ли какая-то универсальная иерархия, в соответствии с которой некоторые единицы или их комбинации оказываются предпочтительными. Возможно, это отражает какие-то универсальные свойства человеческого языка.

Книгу Энока Або невозможно оценить однозначно. С одной стороны, тщательный анализ языковых данных, который демонстрирует, насколько сложным был процесс креолизации, является значительным вкладом не только в изучение конкретных креольских языков, но и в креолистику и теорию языковых контактов в целом. Некоторые возражения могут вызвать использование почти исключительно фактов языка гунгбе в качестве данных языка-субстрата. Я готова согласиться, что языки гбе сыграли важную роль в формировании креольских языков, но при всей их близости они все же различаются. К тому же немалую роль сыграли и языки банту (Або упоминает киконго). Они также могли (должны были!) внести свой вклад в процесс рекомбинации, ведь их «языковые единицы» также были в «резервуаре единиц».

Теоретические же построения Або не выдерживают критики. Отрицая стадию распада языка, Або вынужден примкнуть к мнению, что креольский язык — девиантный вариант языка-лексификатора, хотя он сам критикует Шоденсона за подобный вывод. Або отрицает, что имела место стабилизация переходного интерязыка, однако на с. 169 пишет о своем исследовании: «книга дает детальный анализ различных сторон данных языков, что проливает свет на то, какие именно учебные гипотезы (learning hypotheses) возникают у учащихся в процессе овладения и как именно различные лингвистические единицы могут рекомбинироваться в единую систему, которую представляет собой идиолект учащегося». Это многословное определение можно заменить одним термином: «интерязык» — при том, что теорию Плага автор ранее отверг как неверную.

Або настаивает на том, что «несовершенное усвоение языка» (imperfect language learning) не имело места и невольники на плантациях были билингвами. Тогда становится совершенно непонятным, зачем им вообще понадобился креольский язык. Або использует теорию «резервуара единиц» Муфвене: с его точки зрения, поскольку на плантациях в «резервуаре лингвистических единиц» были перемешаны единицы очень далеких друг от друга языков, возникли креольские языки. Тогда почему они не возникли на родине Або — в Бенине и в большинстве других стран Западной Африки?

Наиболее слабая часть книги — описание теории «резервуара языковых единиц» при помощи биологической метафоры: языковые единицы уподобляются генам, а языки — биологическим видам и т. д. Использование биологической метафоры «язык = биологический вид» с сопутствующей терминологией ничего не проясняет. Сама теория «резервуара» страдает тем же основным недостатком, что и рассмотренные Або основные теории возникновения креольских языков: она объясняет какие-то факты, но не может объяснить **все** факты. В результате Або приходится возвращаться то к теории поэтапного удаления, то к теориям стабилизирующегося интерязыка или к теории универсальных стратегий.

Або хочет уйти от признания того, что креольский язык прошел «унизительную» стадию пиджина, но тогда приходится признать, что носители не смогли как следует выучить целевой язык или, обучаясь ему, остановились на интерязыке ранней стадии. Эта идея автора также не устраивает. Получается, что в какой-то момент благодаря «лингвистической мутации» на плантациях появляется креольский язык, настолько нужный обоим контактирующим сторонам, что на нем говорят даже дети белых колонистов.

Под термином «пиджин» Або понимает «примитивный пиджин», а более расширенные варианты он классифицирует как креольские языки. Складывается впечатление, что автор склонен отрицать существование, по крайней мере на плантациях Нового Света, упрощенных форм языка, таких как пиджин или интерязык одной из ранних стадий. Остается все же непонятным, зачем этим людям понадобился «контактный язык»?

Очень поучительной является история возникновения креольского языка на о. Питкэрн. Або объясняет это тем, что английский язык был представлен пятью разновидностями, а полинезийский только одной, следовательно в «резервуаре языковых единиц» было значительно больше единиц, принадлежавших одной из форм английского языка. Поэтому возник креольский язык. Мне кажется, это совершенно неубедительное объяснение. Я бы объяснила это иначе: полинезийки, оставшись в большинстве, не вернулись к родному языку, поскольку у них и был к нему доступ, но не было преданности (*loyalty*). По словам Н. Б. Вахтина, «люди не говорят на каком-то языке, потому что не хотят на нем говорить» [Вахтин 2001: 230]. Полинезийки стремились говорить на социально более престижном языке, однако остановились на той стадии, которая оказалась достаточной для их коммуникативных целей. Назвать ли этот язык интерязыком ранней стадии или пиджином, мне кажется, несущественно, это лишь вопрос терминов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	PL — множественное число
ART.INDEF — неопределенный артикль	POSS — притяжательное местоимение
DEM — указательное местоимение	SG — единственное число
DET — артикль	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вахтин 2001 — Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. [Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v XX veke: Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North: Essays on language change]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001.]
- Bickerton 1981 — Bickerton D. *The roots of language*. Ann Arbor: Karoma, 1981.
- Chaudenson 2001 — Chaudenson R. *Creolization of language and culture*. London: Routledge, 2001.
- DeGraff 1999 — DeGraff M. *Language creation and language change*. Cambridge (MA): MIT Press, 1999.
- Lefebvre 1998 — Lefebvre C. *Creole genesis and the acquisition of grammar: The case of Haitian creole*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Mufwene 2001 — Mufwene S. *The ecology of language evolution*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Mufwene 2008 — Mufwene S. *Language evolution: Contact, competition, and change*. New York: Continuum, 2008.
- Muysken 1981 — Muysken P. Half-way between Quechua and Spanish: The case for relexification. *Historicity and variation in creole studies*. Highfield A., Valdman A. (eds.). Ann Arbor: Karoma, 1981. Pp. 52—78.
- Plag 2008 — Plag I. Creoles as interlanguages: Inflectional morphology. *Journal of Pidgin and Creoles Languages*. 2008. Vol. 23. Pp. 307—328.
- Sebba 1997 — Sebba M. *Contact languages: Pidgins and creoles*. Houndmills: Palgrave, 1997.
- Sylvain 1936 — Sylvain S. *Le creole haïtien: Morphologie et syntax*. Port-au-Prince: Imprimerie De Meester, 1936.

Z. Guentchéva (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 740 p. ISBN 978-90-272-5937-0.

Андрей Болеславович Шлуинский

Andrey B. Shluinsky

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; ash1@yandex.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; ash1@yandex.ru

Появление рецензируемого издания, безусловно, является большим событием в общей аспектологии и типологии аспектуальных категорий. Несмотря на то что проблематику глагольного вида (аспекта), аспектуальных значений и аспектуальных категорий, акциональности глагольных лексем сложно назвать новой, по-прежнему на повестке дня остаются и будут оставаться еще долго две проблемы. Во-первых, это привлечение материала языков различных семей и ареалов, видовые системы которых остаются малоизученными. Эта проблема, несомненно, актуальна едва ли не для всех фрагментов языковых систем, но именно в случае глагольного вида особенно заметна диспропорция между необозримыми тысячами работ по аспектологии¹, основанными на материале отдельных языков и семей, и вполне ограниченным объемом работ, подключающих к этой проблематике языковое разнообразие. Во-вторых, это смыкание различных научных традиций и погружение полученных в них результатов в формат единой международной научной дискуссии. Конечно же, и эта проблема актуальна для всей лингвистики в целом, но именно в аспектологии она имеет особую остроту (которую может, в частности, оценить всякий, кто одновременно знаком с традицией русской аспектологии, с системой понятий типологии глагольных систем и с анализом аспектуальных категорий в формально-синтаксических теориях).

Том под редакцией Златки Генчевой представляет собой важный шаг в обоих направлениях. Обсуждаемый материал лишь в очень ограниченном объеме включает славянские (конкретнее, болгарский) и германские (английский, норвежский) языки, а в основном привлекает данные разной степени «экзотичности», но в любом случае недостаточное исследованные с точки зрения аспектологической проблематики: другие индоевропейские языки (албанский, армянский, новогреческий, хинди), афразийские языки (семитские — современные арамейские и арабские диалекты — и берберские — северноберберские идиомы и язык зенага), монгольские языки (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий) и корейский язык, тайский язык, тибетские языки, дравидийский язык бадага, атлантический язык волоф, бантуский язык ланги, майянский юкатекский язык, язык сикуани гуахибской семьи, восточногренландский эскимосский язык эскимосско-алеутской семьи, океанийский язык нелемва. Как сказано в предисловии, том является результатом коллективного исследовательского проекта «Вид и время: описание и теория», который разрабатывался в парижской лаборатории «Бесписьменные языки и цивилизации» Национального центра научных исследований (LACITO-CNRS). Все статьи, входящие в сборник, типологически ориентированы, но в большей или меньшей степени учитывают французскую лингвистическую школу. Можно, впрочем, сразу сказать, что интеграция аппарата этой школы в научный контекст современной грамматической типологии далеко не всегда удается авторам тома.

Том состоит из написанного З. Генчевой предисловия и 22 статей, сгруппированных в семь тематических частей. Как справедливо отмечено в предисловии, статьи не объединены какой-либо единой теоретической платформой, но все они ориентированы

¹ Именно ввиду необъятности библиографии по аспектологии в настоящей рецензии принято осознанное решение избегать излишних библиографических ссылок.

одновременно на работу с эмпирическим материалом и помещение этого материала в пространство типологических возможностей.

Первая часть тома, в которой рассматриваются теоретические проблемы глагольного вида, состоит из единственной статьи Жана-Пьера Декле (Jean-Pierre Desclés), в которой предлагается авторская теоретическая система для анализа видо-временных значений. Авторская позиция состоит в том, что все аспектуальные различия так или иначе связаны с когнитивным и концептуальным различием между универсальными типами ситуаций: состоянием, процессом и событием. Эти ситуационные типы, представляющие собой суженный вариант Вендлеровой глагольной классификации и многих последующих акциональных классификаций глагола, в современной аспектологии принято трактовать как явление, независимое от собственно аспектуальных категорий, как в известной формулировке Карлоты Смит [Smith 1991] о «двухкомпонентности вида». В то же время верно, что «внешние» аспектуальные значения не случайно по меньшей мере предпочитают определенные «внутренние» акциональные. Ж.-П. Декле предлагает семантическую карту, связывающую разные типы состояний, процессов и событий, и указывает на возможность описания конкретных аспектуальных категорий в терминах определенного множества элементов на такой семантической карте.

Вторую часть тома образуют статьи, в которых рассматриваются системы глагольных категорий в целом в отдельных языках разных семей и ареалов.

Статья Изабель Бриль (Isabelle Bril) посвящена глагольным категориям языка нелемва. Этот язык характеризуется отсутствием временных категорий — показано, что ни одна его модально-видовая категория не ограничена какой-либо временной референцией, — однако имеет широкий спектр средств, связанных с выражением аспектуальных и модальных значений. В статье тщательно разбирается употребление этих средств — грамматических частиц, вспомогательных глаголов, превербов — и их взаимодействие между собой. К сожалению, недостаточное внимание уделено функционированию «нулевой» формы, называемой в работе аористом.

В статье Рене Гзелля (René Gsell), воспроизводящей более раннюю франкоязычную публикацию, рассматривается видо-временная система тайского языка. В статье предпринята попытка системного описания выражения видо-временных значений в изолирующем языке, в котором эти значения оказываются результатом взаимодействия целого ряда словоформ в глагольном комплексе. Эти словоформы имеют разную степень грамматикализации (в частности, одни из них трактуются автором как превербы, а другие как вспомогательные глаголы), что делает невозможной привычную схему описания, где различаются лексическое значение глагольной основы (включая значения деривационных показателей) и грамматические категории. Как кажется, автору, скорее, удалось показать проблемы анализа таких систем, чем предложить полное описание, но и этот шаг представляется очень важным.

Кристиан Пило-Райшор (Christiane Pilot-Raichoor) обращается к глагольным категориям языка бадага в контексте других дравидийских языков, используя понятийный аппарат классика французской лингвистики Г. Гийома. Статья содержит интересный материал, но, как кажется, в данном случае автору не удается проинтерпретировать его адекватным современной аспектологии образом, а иногда возникает и очевидное смешение понятий: так, обсуждая различие между прошедшим и непрошедшим временем, автор отождествляет эти временные значения с перфективом и имперфективом, что не вполне верно.

В статье Стефан Робер (Stéphane Robert) описана видо-временная система языка волоф, в том числе взаимодействие видо-временных категорий с акциональностью глагола. Хотя автор и не формулирует это в таких терминах, фактически ей удается показать, что в волоф вся видо-временная система во многом не вписывается в современное типологическое ожидание того, что видо-временная форма либо имеет стабильное собственно видовое значение (перфективное или имперфективное), либо аспектуально нейтральна. Общеизвестно, что перфективное или имперфективное значение видо-временной формы может также зависеть от лексических свойств глагола, но в волоф это оказывается свойством целого ряда форм.

Margaret Dunham (Margaret Dunham) рассматривает видо-временную систему языка ланги. Как представляется, глагольная система ланги — вполне типичный представитель бантуских систем (которые относительно хорошо описаны, ср., например, [Аксенова 1997]). Глагольные системы банту «одномерны», если пользоваться известным термином из [Welmers 1973]: в этих языках модальные, временные и аспектуальные значения выражаются при помощи единого ряда показателей (как правило, хотя и не всегда, занимающих одну и ту же морфологическую позицию в словоформе), что, в свою очередь, ставит вопрос о том, как они организованы в грамматические категории в традиционном понимании. Хотя данная статья, как кажется, сама по себе не предлагает новой интерпретации таких систем, она вносит свою лепту в материал по ним. Существенно, что автор обращается и к средствам выражения видо-временных значений, стоящим вне «одномерности» основной системы, — конструкциям со вспомогательными глаголами.

Статья Франсеска Кейшалоса (Francesc Queixalós) представляет собой обзор средств выражения аспектуальных значений в языке сикуани. Автор вводит в научный оборот новый ценный эмпирический материал, и в данном случае нет никакого сомнения в том, что достоинством, а не недостатком работы является то, что не предложен готовый анализ этого материала в какой-либо теоретической системе. Последовательно описан семантический вклад в аспектуальное значение глагольных аффиксов, редупликации, вспомогательных глаголов и частиц.

Третья часть тома посвящена отнюдь не новой, но далеко не исчерпавшей себя, тем более в типологическом плане, проблематике взаимодействия способа действия (Aktionsart'a) и грамматических аспектуальных значений. Надо сказать, что само понятие способа действия далеко не прозрачно: как известно, даже в локальной традиции русской аспектологии под способами действия могут пониматься как семантические классы глаголов вне зависимости от их морфологических характеристик (в том числе и акциональные классы), так и классы производных глаголов, образованных определенным словообразовательным средством, а потому представляющих одновременно морфологическую и семантическую общность. В обсуждаемом томе понимание термина «Aktionsart» также неоднозначно: если в упоминавшейся выше статье С. Робер он использован в значении акционального класса, то в обеих статьях третьей части: в значении способа действия как семантико-морфологического класса производных глаголов.

В статье Филиппа Меннесье (Philippe Mennesier) обсуждаются данные восточногренландского эскимосского языка. Эта статья вводит в научный оборот крайне существенный с точки зрения общей аспектологии материал: речь идет о данных идиома, близкородственного западногренландскому эскимосскому, описание которого [Fortescue 1984] пользуется известностью среди аспектологов, и языку инуктитут, на материале которого написана влиятельная теоретически ориентированная работа [Bohnemeyer, Swift 2004]. Языки инуитской группы эскимосско-алеутской семьи характеризуются нетривиальным пересечением двух факторов, каждый из которых сам по себе не так уж редок, но все равно остается предметом теоретического осмысления. Во-первых, это центральный статус глагольной формы фактатива, имеющей референцию к прошлому или настоящему в зависимости от лексических свойств глагола. Во-вторых, это крайне обширная система аспектуальной деривации — способов действия, которые, в свою очередь, предопределяют семантику глагола в том числе и с точки зрения интерпретации фактатива. В статье подробно описаны восточногренландские способы действия, их влияние на интерпретацию глагольных форм, а также ставится вопрос о наличии в восточногренландском эскимосском языке словоклассифицирующей категории вида, аналогичной славянской.

Самия Наим (Samia Na'im) обращается к арабским диалектам и описывает взаимодействие между аспектуальными категориями, представленными в словоизменительной системе глагола (в терминологии автора «внутренними аспектуальными показателями»), и способами действия, выражаемыми вспомогательными глаголами и приглагольными частицами (в терминологии автора «внешними аспектуальными показателями»). Автор,

во-первых, предлагает интересную описательную конкретику, а во-вторых, показывает, что эти два явления, выражая очень близкие типы значений, действительно сосуществуют относительно независимо.

Четвертая часть книги озаглавлена «Индоевропейский аорист и семито-хамитский аорист» и посвящена обсуждению наиболее спорной с точки зрения типологической интерпретации категории — аориста. Казалось бы, термин «аорист» вообще не имеет единого типологически релевантного значения и рассматривается только как «ярлык» для форм отдельных языков, максимум — языковых семей, и можно говорить, например, об индоевропейском аористе просто как о когнатных глагольных формах, получивших такое традиционное название. Тем не менее можно задать вопрос: почему же все-таки этот термин заимствуется из одной традиции в другую и переносится с одних языковых форм на другие, на первый взгляд непохожие? Статьи этой части дают на этот вопрос определенный ответ, наиболее эксплицитно сформулированный А. Донабедьян и Л. Галаном: речь идет о глагольной форме с минимумом морфологии, в значении которой нет привязки к моменту речи и временная референция которой зависит от контекста; или так: речь идет о самой простой глагольной форме как с точки зрения формы, так и с точки зрения значения. Поскольку данная часть ограничивается только двумя генетическими единствами — причем имеющими обширную традицию изучения, — неясно, насколько сочетание этих определяющих признаков действительно типологически значимо, то есть верно ли, что если привлечь к рассмотрению обширный языковой материал, то все глагольные формы, подпадающие под эти определяющие признаки, действительно образуют содержательный естественный класс. Тем не менее по крайней мере пять статей четвертой части, во-первых, показывают, что термин «аорист» все же употребляется в лингвистической литературе не хаотически, а во-вторых, рассматривают важный в контексте соответствующих традиций относительно маргинальный с точки зрения исторически сложившегося фокуса внимания материал.

Жан-Луи Дюше (Jean-Louis Duchet) и Ремзи Пернаска (Remzi Përnaska) представляют материал албанского языка и сопоставляют форму аориста с формой перфекта. Функционирование обеих форм рассматривается в разных речевых жанрах, и удается установить, что ключевое различие между ними состоит в типологически ожидаемом семантическом компоненте перфекта, связанном с релевантностью ситуации в точке отсчета.

Анаид Донабедьян (Anaïd Donabédian) рассматривает функционирование аориста в современном армянском языке. Она предлагает набор семантических признаков, инвариантных для этой формы (событийность, компактность ситуации, отсутствие привязки к точке отсчета), и показывает, что все наблюдаемые контексты употребления могут быть описаны как выводимые из этих признаков. Признаки могут быть подвергнуты критике как слишком абстрактные, но так или иначе они задают действующую описательную модель.

Анни Монто (Annie Montaut) обращается к форме на *-ā* в хинди и урду, которая не связана исторически с индоевропейским аористом (а называется традиционно перфектом и, что вполне характерно для перфекта, восходит к форме причастия), но заняла функциональную нишу аориста после его исчезновения. По существу, материал статьи иллюстрирует типологически характерный переход перфектной формы в форму перфективного претерита, не имеющего «привязки» к точке отсчета.

В небольшой статье Лионеля Галана (Lionel Galand) речь идет о форме аориста в идиомах, относящихся к северной группе берберских языков. Автор стремится продемонстрировать, что эта форма сама по себе нейтральна с точки зрения модальных и видовых значений, получая их в зависимости от контекста. Однако малый объем статьи, с одной стороны, и довольно широкий разброс языкового материала, с другой, скорее показывают, что употребление аориста заслуживает более подробного исследования в каждом отдельно взятом идиоме.

В статье Катрин Тэн-Шейк (Catherine Taine-Cheikh) предлагается анализ употребления формы аориста в языке зенага в общеберберской перспективе в сопоставлении с формой имперфектива в контактирующих с ним диалектах магрибского арабского языка. Если в берберских языках форма аориста выделяется на морфологических основаниях (речь идет

о форме, не входящей в морфологическую оппозицию между перфективной и имперфективной основой), то в арабском такой формы нет, но имперфективная форма обнаруживает сходное употребление.

Пятая часть озаглавлена «Перфекты и результативы», но фактически ограничивается рассмотрением результативной семантики. В нее входят три статьи, задачи которых варьируют от прежде всего описательных до теоретически ориентированных.

Статья Элени Валма (Eleni Valma) посвящена семантическим различиям между двумя новогреческими продуктивными суффиксами, образующими отглагольные прилагательные (-τος и -μενος). Автор показывает, что прилагательные с одним из этих суффиксов выражают внутреннее свойство объекта, тогда как прилагательные с другим суффиксом имеют результативное значение. Новогреческий материал, таким образом, дает пример морфологического различия двух семантических типов состояний, описанных еще в [Недялков, Яхонтов 1983], — ингерентного (или естественного) и результирующего.

Инджу Чхой-Чонин (Injoo Choi-Jonin) обращается к корейским перифрастическим конструкциям, состоящим из деепричастных форм и вспомогательного глагола и имеющим нефиксированную аспектуальную интерпретацию. Одна из конструкций может иметь прогрессивное или посессивное результативное значение, а другая — выражать естественное состояние или субъектный / объектный результатив. Автор показывает, что в обоих случаях выбор интерпретации не сводим к какому-либо одному простому параметру и зависит от целого ряда факторов, которые систематизированы в статье.

Статья Милы Димитровой-Вылчановой (Mila Dimitrova-Vulchanova) имеет более теоретический характер. В ней, прежде всего на материале английского языка, но также с привлечением норвежских, итальянских, новогреческих и болгарских данных, рассматривается различие между двумя семантическими типами результирующего состояния — в терминологии автора, «консервативным» (conservative, connected) и «радикальным» (radical, disconnected). В первом случае речь идет о прямом результате, который наступает после достижения ситуацией своей критической точки, непосредственно входящей в семантику глагола, а во втором — об опосредованном результате ситуации, который напрямую с лексическим значением не связан. На то, что результативная семантика далеко не всегда связана с естественным пределом в лексическом значении глагола и с наличием этого естественного предела, внимание обращалось и ранее, например в статье [Плунгян 1989]. Однако М. Димитрова-Вылчанова предлагает целый ряд признаков, касающихся синтаксической сочетаемости, с которыми коррелируют эти два семантических типа результата.

Шестая часть посвящена семантической зоне будущего времени. Хотя, разумеется, эта семантическая зона давно находится в поле зрения типологов, специализирующихся на глагольных системах, и давно известен специфический статус будущего времени с точки зрения реальности описываемой ситуации, в этой области также остается острая нехватка дополнительного материала. Четыре статьи этой части тома вводят в оборот новый материал по футуральной семантической зоне или предлагают новую интерпретацию более известного материала.

Статья Роберта Бинника (Robert I. Binnick) посвящена средствам выражения футурального и проспективного значений в монгольских языках. В статье показано, что в этой языковой группе, с одной стороны, система глагольных форм, способных иметь временную референцию, обширна и включает как финитные, так и нефинитные формы, а с другой стороны, специализированные средства выражения именно футуральной семантики отсутствуют. Автор показывает, что такие употребления с референцией к будущему не позволяют считать, что футуральное или проспективное значение входит в семантику этих форм, и ставит вопрос об адекватном аппарате для описания таких видо-временных систем.

Николя Турнадр (Nicolas Tournaudre) обращается к системе будущих времен в тибетских языках. В небольшой по объему статье предлагается краткий обзор способов выражения референции к будущему в классическом тибетском языке и некоторых современных языках. Автор показывает, что наблюдаемое разнообразие конструкций с футуральной семантикой

связано с тем, что все они выражают не чисто временное значение, а широкий круг прочих — модальных и эвиденциальных.

Валентина Вапнарски (Valentina Vapnarsky) рассматривает употребление показателя *biin* со значением предиктивного будущего времени в юкатекском языке, привлекая обширный типологический и теоретический контекст. Автору удается продемонстрировать, что это действительно форма, специализированная на выражении референции к будущему, причем именно с предиктивной семантикой. В то же время автор показывает, что, поскольку других специализированных форм с временной семантикой в юкатекском языке нет, невозможно постулировать грамматическую категорию времени, а предиктивная форма, таким образом, существует в ряду аспектуальных форм. Также в статье обсуждаются возможные пути грамматикализации рассматриваемой формы.

В статье Златки Генчевой (Zlatka Guentchéva) речь идет о форме будущего времени в болгарском языке. Болгарская аналитическая футуральная форма восходит к конструкции с глаголом ‘хотеть’, но, как показано в статье, синхронно уже не имеет модального семантического компонента и выражает лишь временное значение. Автор предлагает собственную модель единого описания модальных, видовых и временных значений и применяет ее к болгарскому материалу.

Наконец, седьмая часть, посвященная языковым изменениям в сфере грамматической семантики, включает единственную статью Пабло Кирчука (Pablo Kirtchuk), в которой на материале современных северо-восточных арамейских диалектов рассматривается связь между аспектуальной и залоговой семантикой у форм перфективных / перфектных причастий. Автор показывает, что в арамейском аспектуальная перфектная семантика послужила основой для залоговой, и высказывает предположение об универсальности такого пути развития.

Как можно видеть, рассматриваемый том не представляет собой цельного произведения, в котором предлагалась бы единая теоретическая концепция или использовался бы единый терминологический аппарат. Это именно тематический сборник статей, которые — помимо изначальной принадлежности большей части авторов к общему исследовательскому проекту — объединены тем, что во всех них предлагается новый материал, существенный с точки зрения проблем современной общей аспектологии и по возможности вписывающийся в существующие в настоящее время типологические и теоретические представления. Появление этой книги, повторим, большое событие для данной области языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксенова 1997 — Аксенова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997. [Aksenova I. S. *Kategorii vida, vremeni i nakloneniya v yazykakh bantu* [Categories of aspect, tense, and mood in the Bantu languages]. Moscow: Nauka, 1997.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результирующих конструкций // Недялков В. П. (ред.). Типология результирующих конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 5—41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. A typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktсий*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5—41.]
- Плунгян 1989 — Плунгян В. А. К определению результиativa (универсальна ли связь результиativa и предельности?) // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55—63. [Plungian V. A. On the definition of the resultative meaning of the verb (Is the link between the resultative and telic meaning universal?). *Voprosy jazykoznanija*. 1989. No. 6. Pp. 55—63.]
- Bohnemeyer, Swift 2004 — Bohnemeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 263—296.
- Fortescue 1984 — Fortescue M. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.
- Smith 1991 — Smith C. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1991.
- Welmens 1973 — Welmens W. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.

GUIDELINES FOR CONTRIBUTORS

Submission of papers

1. Authors submitting articles to the editorial office of “Voprosy Jazykoznanija” should follow the publication rules. See Publication ethics at <http://vja.ruslang.ru>.
2. Submissions should be sent in DOC and PDF formats to the editorial office by e-mail: voprosy@mail.ru. It is also recommended to enclose non-standard fonts and illustrations, if there are any.
3. The author must also provide a signed copyright transfer agreement (for articles accepted for publication in accordance with the decision of the editorial board).
4. Information about the author should be provided in the accompanying letter: full name, city, country, affiliation, position, email address.
5. The author’s details should not appear in the document itself as well as its properties (as far as possible, the authors should not be identifiable from references and acknowledgements; the latter should be provided in a separate file).
6. Manuscripts in Russian and English are accepted; the text should follow the norms and spelling conventions of the literary language and, if necessary, should be checked by a native speaker before submission.
7. Any materials that have been previously published or sent to editorial offices of other journals will not be accepted as well as materials that lie outside the thematic scope of the journal or do not satisfy the Basic rules of the text layout.
8. When a review is submitted, the editorial office may request a copy of the reviewed book (the book may be later returned to the reviewers).

Peer review process

1. All materials submitted to the editorial office are selected on the basis of anonymous (double-blind) independent peer review process and a decision made by the editorial board of the journal.
2. Submitted materials that correspond to the relevant topics of the journal are generally reviewed within three months from the date of submission. The authors are notified of the dates of the next meeting of the editorial board.

3. All publications are free of charge for the authors.
4. The editorial board makes a decision (to accept, to reject, to revise and resubmit) based on the reviewers’ comments. The decision of the editorial board and the reviews are sent to the authors in electronic form.
5. In case of “revise and resubmit” decision, the revised version undergoes a new round of reviewing and is accepted for publication if the previous shortcomings are eliminated.
6. Accepted materials are generally published within six months from the date of acceptance.
7. Upon publication, the authors receive an off-print of their publication (in electronic form only).

Basic rules of the text layout

The text of the article must be submitted in Microsoft Word for Windows format (.doc or .docx) as well as in PDF format.

The recommended size of submitted research papers is 40 000 symbols (max. 60 000 symbols). The recommended size of submitted review articles is 20 000 symbols (max. 30 000 symbols).

Font size: 12, line spacing: 1,5.

The title of the article should be followed by an abstract and keywords. The title and headings are given in bold.

1. All examples in the text are usually given in italics, and their translation in single quotes.
2. For emphasizing, 2 pt spacing, small caps, or bold is used, terms are highlighted by quotation marks (not italics).
3. Footnotes must be on the same page where the citation is given.
4. References inside the text are put in square brackets: [Иванов 1998]. After the year of issue, a colon and page number(s) follow: [Иванов 1998: 35], or [Иванов 1998: 35—50], or [Иванов 1998: 35, 45, 50], or [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmath 2008: 23 ff.]. To avoid mistakes, the initials of the author are specified: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. If several works by the same author for the same year are mentioned in the References, alphabetic specifications should be used: [Иванов 1998a; 1998b; Bailyn 1995a; 1995b].

Basic rules of references presentation are available at <http://vja.ruslang.ru>.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи

1. Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы языкознания», должны следовать публикационным правилам. См. на сайте раздел о публикационной этике.
2. Рукопись предоставляется в электронном виде в форматах DOC и PDF по адресу: vorposy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты и иллюстрации, если таковые использовались.
3. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати).
4. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
5. Текст и метаданные рукописи не должны содержать информации об авторе (в том числе при цитировании внутри текста, в виде ссылок на грант и благодарностей; последние при необходимости могут быть присланы в отдельном файле).
6. Принимаются рукописи на русском или английском языке; текст должен соответствовать письменным нормам и при необходимости должен быть вычитан носителем.
7. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются, равно как и материалы, не соответствующие тематике журнала и правилам оформления статей.

8. При поступлении рецензии редакция может запросить экземпляр рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Порядок рецензирования рукописей

1. Все поступающие в редакцию материалы отбираются на основе анонимного независимого внутреннего рецензирования и решения редколлегии журнала.
2. Поступающие материалы, в случае их соответствия тематике журнала, рассматриваются в течение трех месяцев с момента подачи. Авторы уведомляются о сроках рецензирования и времени проведения ближайшего заседания редколлегии.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Редколлегия выносит решение: одобрить или отказать, доработать или переработать с учетом замечаний, сделанных рецензентами. Решение редакционной коллегии и отзывы рецензентов направляются автору в электронном виде.
5. Если было принято решение доработать или переработать материал, то статья с исправлениями повторно посылается рецензентам и принимается к печати при условии учета отмеченных недостатков.
6. Принятые материалы публикуются в течение полугода с момента решения редколлегии журнала.
7. После публикации редакция посылает авторам электронные отгиски их статей.

Основные правила оформления текста статьи смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 29.08.2017	Дата выхода в свет 26.10.2017
Формат 70×100%. Цифровая печать	Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,1 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0	Тираж 382 экз. Зак. 1500
Цена свободная	

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6